

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

**ОРГАН
ПРОКУРАТУРЫ
■ СССР ■**

**Июль 7
1935**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ № 7

Стр.

Июньский пленум ЦК ВКП (б) и задачи органов юстиции	1
О. Файнблит — Прокуратура в борьбе за ускоренную и заготовку с.-х. продуктов	5
Г. Сегал — К итогам майского совещания судебно-прокурорских работников ж.-дор. транспорта	7
С. Янокий — На борьбу с авариями и простоями на водном транспорте	10
И. Дурманов — Усилить борьбу со влпточничеством	13
М. Строгович — К реформе уголовно-процессуального кодекса	18
Е. Львов — О защите	20
С. Голунский — О непосредственном привлечении в суд уголовных дел	22
С. Фиделев — Гарантии для обжалованного — гарантия добросовестности приговора	25
Б. Маньковский — Бригада ИССЛ Командежи и Института уголовной политики в Минске	28
Г. Свердлов — Насчет острога	29
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	31
По союзным республикам	39
Право — процесс — судустройство в пятилетических планах	44
Официальный отдел	53

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

И Ю Л Ь 7
1935 г.

Редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Июньский пленум ЦК ВКП(б) и задачи органов юстиции

Июньский пленум ЦК ВКП(б) поставил перед партией и всей страной ряд чрезвычайно ответственных задач политического и хозяйственного значения. Важность этих задач видна из перечня самих вопросов, рассмотренных пленумом ЦК 5—7 июня 1935 г., — это вопросы об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов, о служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и о т. Енукидзе.

Доклады гг. Чернова, Калмановича и Клейнера по первому вопросу представляли собою сжатые сообщения об итогах весеннего сева и о тех мероприятиях, какие необходимо развернуть в целях успешной реализации уборки и заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Эти доклады затронули ряд важнейших вопросов, непосредственно пересекающихся с плоскостью работы органов юстиции и в первую очередь органов прокуратуры.

Прекрасно проведенный весенний сев, давший значительное улучшение качества при гораздо более сжатых сроках, чем это было в прошлые годы, является одним из важнейших условий хорошего урожая.

Впервые колхозы вступили в весенний сев с ростом тягловой силы на 2 млн. HP; уже на 1 мая весенний сев был выполнен больше чем наполовину, в ряде краев и областей сев был проведен раньше срока. И это не только в отношении зерновых культур, но и в отношении технических культур — сев хлоп-

ка проведен быстрее прошлого года на 10—15 дней, сахарной свеклы — на 15 дней.

Выше и качество сева: по зяби посеяно в этом году 56,2% вместо 38,3% в 1934 г.; посев яровых возрос на 47% против прошлого года, в два раза — против 1933 года и в 5½ раз — против 1931 года.

Тов. Чернов имел полное основание констатировать крупнейшие успехи весеннего сева, создавшие все предпосылки к тому, чтобы иметь хороший урожай. Тов. Чернов совершенно правильно констатировал, что причинами таких успехов является правильная политика партии, в результате которой колхозное крестьянство ответило на сталинский устав сельскохозяйственной артели огромным подъемом, решившим успех весеннего сева; огромная помощь колхозам со стороны государства (100 млн. пудов семенной и продовольственной ссуды); организация к весне 439 новых МТС; увеличение к весне тракторного парка с 150 до 225 тыс. в переводе на 15-силые машины.

Все теперь зависит от того, как удастся собрать урожай, — это главная задача и наиболее ответственная. Как показал опыт всех прошлых лет, «успех уборки решит систематическое и правильное руководство партийных организаций уборкой, вовлечение всей массы колхозников и рабочих колхозов в активную работу по уборке, использование полностью всех машин и особенно ком-

байнов» (резолюция июньского пленума ЦК ВКП(б) 7 июня с. г.).

Пленум ЦК нашей партии особенно подчеркнул, что еще более серьезное значение для успешной уборки урожая имеют обеспечение сохранности убранных урожая, охраны его от расхищений, честное выполнение в срок планов заготовок и обеспечение семенных фондов хорошего качества.

Поэтому Центральный комитет нашей партии указал еще на такую исключительной важности задачу, как «решительная борьба с разбазариванием и расхищением убранных хлеба, представляющего обществленную социалистическую собственность, ликвидация пережитков кулацко-рваческих настроений, направленных к подрыву заготовок и к ослаблению их темпов, мобилизация колхозных масс и совхозных рабочих на это дело...»

«Таковы, — добавил к этому пленум ЦК ВКП(б), — средства, обеспечивающие выполнение планов заготовок и образования семенных фондов».

Июньский пленум ЦК ВКП(б) дал конкретную оперативную программу работ и борьбы за высокий урожай этого года. В этой программе он отвел серьезное место вопросам, связанным с охраной урожая от расхищения, с борьбой за законность, социалистический порядок и социалистическую дисциплину.

Каждый судебный и прокурорский работник должен суметь построить свою работу в III квартале этого года в соответствии с мудрыми указаниями нашей партии, в соответствии с теми требованиями, какие она сейчас предъявляет ко всем работникам социалистического строительства в борьбе за высокие результаты в предстоящую хлебозаготовительную кампанию.

Мы не должны забывать, что классовый враг, хотя и разгромленный, однако, еще окончательно недобитый, будет делать неоднократные попытки использовать сложную, горячую и ответственную обстановку уборочных и заготовительных работ на советских полях для того, чтобы еще раз напасть и навредить делу укрепления советского государства.

Каждый прокурор и каждый судья на опыте прошлых лет, на основе анализа,

опирающегося на учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о классовой борьбе и условиях роста и развития пролетарской диктатуры, должен помнить о неослабевающей ненависти последних остатков эксплуататорских классов, о все возрастающей злобе и вражде этих последних капиталистического строя к новому социалистическому обществу, к новому коммунистическому строю.

В этом году еще безнадежнее становится положение последних остатков разбитых и разгромленных капиталистических элементов в СССР, и в силу этого еще отчаяннее будут контрреволюционные усилия этих элементов, направленные на отстаивание своих интересов.

Каждый работник суда и прокуратуры должен помнить о гениальном указании вождя нашей партии т. Сталина о возражении силы сопротивления классового врага в тем большей степени, чем в большей степени становится безнадежным его положение.

Они должны помнить о тех указаниях т. Сталина, которые относятся к характеристике самих методов борьбы и классового сопротивления контрреволюционных элементов в СССР, пытающихся замаскироваться, примениться к создавшейся обстановке, попробовать обходными и искусными маневрами ударить по наиболее слабым и наименее защищенным местам и звеньям советской государственной системы.

Опыт классовой борьбы, опыт преодоления классового сопротивления эксплуататорских элементов, не стесняющихся в средствах борьбы против советской власти, не останавливающихся ни перед чем, начиная от мелкого вредительства, порчи советского имущества, истребления скота и т. д. и кончая обрывом и ножом, направленным против наиболее активных и преданных делу социалистического строительства сынов нашей великой родины, — учит нас тому, как жесток, коварен и подл наш враг в борьбе против советов.

Этот опыт требует от нас, от работников прокуратуры в первую очередь, исключительной бдительности и осторожности, исключительной преданности и самоотверженности.

Нужно уметь во-время разоблачать классового врага и его агентуру, нужно уметь искусно изобличать его воровские махинации, нужно уметь решительно, последовательно, не щадя своих сил, достигать этого врага, парализовывать каждое его движение, направленное против дела социализма и против пролетарской диктатуры, беспощадно истреблять всякие попытки враждебных нам элементов мешать успешному ходу строительства социализма в нашей стране.

Решения июньского пленума ЦК ВКП(б) еще раз напоминают о сложности и ответственности борьбы за урожай. Успех урожая, успех уборки и заготовок не придет и не может прийти самотеком.

Пленум ЦК ВКП(б) предостерегает все партийные и советские организации от недооценки трудностей уборочной и заготовительной кампании этого года, от увлечения «достигнутыми в весеннюю посевную кампанию успехами».

Пленум ЦК ВКП(б) предостерегает в своем постановлении об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов все партийные и советские организации, что «их работа будет оцениваться по результатам уборочных работ и выполнению планов заготовок сельскохозяйственных продуктов».

Пленум ЦК ВКП(б) напоминает, что «план заготовок будет выполнен полностью и в срок лишь в том случае, если будет обеспечена должная охрана убранного хлеба от разбазаривания и расхищения, если будут мобилизованы колхозные и совхозные массы на борьбу с кулацко-рваческими настроениями, направленными к подрыву дела заготовок, если будет изгнан из практики заготовок так называемый самотек, если заготовки будут организованы по-настоящему, по-большевистски» (стр. 79).

Это напоминание непосредственно относится и к органам прокуратуры. Работники прокуратуры также должны построить свое участие в борьбе за урожай этого года, в борьбе за успешное проведение уборки и заготовок хлеба и технических культур на основе строго продуманных и взвешенных мероприятий, непосредственно вытекающих из обязанностей прокуратуры, как органа пролетарской диктатуры, призванного охра-

нять незыблемость советского закона, призванного к укреплению социалистического правопорядка и защите интересов советского государства и трудящихся.

Главное, что стоит сейчас в этой кампании перед органами прокуратуры, это суметь быстро и оперативно реагировать на каждый случай угрозы успешному ходу уборочно-заготовительной кампании со стороны враждебных социалистическому строю элементов.

Решительно отказавшись от старых методов работы, при которых качество работы тонуло в количестве, органы прокуратуры должны так построить сейчас свою работу, чтобы не повторить старых ошибок, характеризующихся массовым привлечением к ответственности трудящихся, размениванием уголовной репрессии на мелочи, волокитой и канцелярско-бюрократическими приемами работы, губящими любое живое дело.

Инструкция 8 мая должна быть по-прежнему руководящим началом в работе органов прокуратуры. Строго продуманная, лишенная всякой торопливости и поспешности и в то же время энергичная и быстрая, не уступающая в своих темпах темпу самого социалистического строительства, умело проведенная, направленная всем своим острием против подлинных преступников и подлинного классового врага СССР работа органов прокуратуры даст и результаты, требуемые от нее в настоящее время партией и правительством.

Ни малейшего колебания в нанесении решительных и беспощадных ударов по подлинным классовым врагам — вот требование, которому должна полностью удовлетворить наша работа, требование, от которого никто и ни при каких условиях не смеет отступить ни на шаг.

Но чем решительней и беспощадней должны быть удары, бросаемые органами прокуратуры на головы изменников, предателей, бандитов и всех вообще врагов советской власти и советского строительства, тем искуснее, продуманнее и совершеннее должны быть вся система работы, все методы борьбы органов прокуратуры.

В эту сторону — на высокое качество нашей работы, на полное овладение всей

техникой уголовного преследования и борьбы, при помощи мер судебной репрессии, с классово враждебными элементами — и должно быть направлено сейчас все внимание наших периферийных органов.

Быстрее заканчивать расследования по преступлениям, направленным против интересов уборки и заготовок хлеба и технических культур, быстрее организовывать и проводить судебные процессы, мобилизовав на живых и конкретных примерах преступных махинаций наших врагов всю ненависть трудящихся масс против негодяев, пытающихся бороться с советским строем; обеспечивать правильное и безошибочное вынесение судебных приговоров, громящих врагов, предостерегающих колеблющихся из числа трудящихся, воспитывающих и исправляющих исправимых — вот боевая задача, над решением которой крепко должны поработать все работники нашей прокурорской системы.

Не должно быть в этом году таких явлений, какие, к сожалению, наблюдались нередко в прошлом, когда прокуратура поздно включалась в борьбу за урожай и заготовки, когда прокуратура не умела быстро и оперативно маневрировать в сложной политической обстановке того или другого района, когда органы прокуратуры в нужных случаях бывали «в нетях»; не умея справиться со своими задачами, оказывались не в состоянии оправдать то высокое доверие, которое им оказано партией и правительством, как органам, призванным к охране советского государства.

Пленум ЦК ВКП(б) 5—7 июня 1935 г. вписал новую страницу в борьбу за социалистическое строительство, за успехи строящегося нового социалистического общества.

На основе решений июньского пленума ЦК ВКП(б) органы прокуратуры должны по-боевому развернуть свою работу.

Решения июньского пленума ЦК ВКП(б) дают в руки органов прокуратуры новое оружие в борьбе с теми трудностями, с какими предстоит встретиться в надвигающуюся уборочную и заготовительную кампанию, оружие, при помощи которого эти трудности могут быть и будут полностью преодолены.

Второй вопрос, рассмотренный июньским пленумом, далеко вышел за пределы только анализа, оценки и характеристики положения в служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР. Пленум ЦК ВКП(б), как известно, за бытовое и политическое разложение вывел из состава ЦК ВКП(б) и исключил из рядов партии быв. секретаря ЦИК Союза ССР т. А. Енукидзе.

Вскрытое пленумом ЦК ВКП(б) бытовое и политическое разложение Енукидзе глубоко взволновало всю партию и всю страну. Партия во главе со своим вождем т. Сталиным резко и бесстрашно вскрыла все пороки и элементы разложения А. С. Енукидзе, притупление политической бдительности которого привело к таким отрицательным явлениям, которые по справедливости вызвали глубочайшее возмущение и осуждение со стороны нашей партии. На примере с А. Енукидзе мы видим, как действует классовый враг, использующий либерально благодушные настроения потерявших партийное лицо «вельмож», оказывающихся игрушкой в руках врагов партии и советского государства.

Решение пленума ЦК по вопросу о служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза еще раз подчеркивает всю необходимость величайшей партийно-классовой бдительности, величайшей партийности в жизни и работе каждого коммуниста, предостерегая неустойчивых в этом отношении людей от ошибок, перерастающих при известных условиях в преступления.

Решение пленума ЦК по этому вопросу бьет против коммунистов, страдающих оппортунистическим благодушием, владающих в обывательское спокойствие, теряющих чувство непримиримости к классовому врагу, сползающих на рельсы обывательщины, забывающих о том, что в условиях ожесточенной классовой борьбы каждый коммунист должен быть на-чеку, каждый должен чувствовать себя солдатом на боевом посту. Решения пленума ЦК ВКП(б) 5—7 июня мобилизуют всю партию, всех трудящихся нашей страны на дальнейшую борьбу за социалистическую дисциплину, за самоотверженное и преданное служение великим интересам нашей великой родины.

Прокуратура в борьбе за уборку и заготовки сельскохозяйственных продуктов в 1935 г.

Пленум ЦК ВКП(б) 5—7 июня 1935 г. вооружил всю партию и всех трудящихся нашего Союза ценнейшими директивными указаниями о том, как следует работать и в чем заключаются основные условия, соблюдение которых обеспечивает успех уборки и заготовки с.-х. продуктов как зерновых, так и технических. Пленум отметил, что «сокращенные сроки и лучшее по сравнению со всеми прошлыми годами качество сева в колхозах и совхозах создали все возможности получить хороший урожай».

Опубликованная 10 июня 1935 г. сводка о выполнении плана весеннего сева в текущем году подчеркивает, что план по пшенице выполнен на 105,1%, по овсу — 102,7% и полностью по хлопку, сахарной свекле, льну, подсолнуху и другим техническим культурам.

Этот успех нынешней большевистской весны обусловлен всей политикой нашей партии, направленной на организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов и на их техническое вооружение, на поднятие роста урожайности большевистских полей.

Этот успех сева обязывает, категорически требует от всех работников государственного аппарата, и от нас, работников прокуратуры, самого внимательного, самого вдумчивого, самого энергичного отношения к борьбе за реализацию сева, за уборку, за заготовки. Если пленум ЦК нашей партии говорит, что «для обеспечения образцовой уборки урожая текущего года созданы все необходимые условия», а это именно так, то настоятельно необходимо во что бы то ни стало обеспечить образцовую уборку, обеспечить, на нашем прокурорском участке, борьбу со всеми теми, кто своими преступными действиями попытается помешать, дезорганизовать, а тем более срывать предстоящую огромную работу по уборке урожая и хлебозаготовкам. Наши задачи по борьбе за урожай станут для каждого из нас более четкими, когда мы уясним себе, каковы основные особенности предстоящей уборочной и хлебозаготовительной кампании 1935 г., с каким вооружением включаемся мы, прокурорские работники, в эти важнейшие политико-хозяйственные кампании текущего года, каковы наши недочеты в прошлом. Помимо уже указанной выше первой особенности текущего года блестяще проведенного сева, второй особенностью является то, что страна наша подходит к уборке со значительно усиленным техническим вооружением, а именно: за 1933 и 1934 гг. наше сельское хозяйство получило от государства 137 тыс. тракторов, 18 тыс. комбайнов, 63 тыс. конных и тракторных сеялок, 24 тыс. молотилок, 343 тыс. разных уборочных машин и 25 тыс. грузовых автомобилей. К этому тракторно-комбайно-автопарку, как это видно из постановления июньского пленума ЦК, дополнительно входит в строй на

колхозно-совхозные поля еще «21 тыс. комбайнов, 99 тыс. тракторов, в том числе 17 тыс. мощных сталинцев, 30 тыс. автомобилей и на 355 миллионов рублей остальных с.-х. машин». Третья особенность — значительный рост кадров в деревне. Уже в настоящее время сельская интеллигенция имеет в своем составе тысячи инженеров, техников, механиков машинно-тракторных станций, мелиораторов, лаборантов, электрификаторов, агрономов, ветработников, комбайнеров, учителей, мелиораторов и т. д.

Для обслуживания нового машинного вооружения в этом году потребуются значительное увеличение технически грамотных людей, что в свою очередь облегчит проведение уборки и хлебодачи.

Решающая особенность предстоящей борьбы за урожай, за хлебодачу — это настоятельная необходимость надлежащего выполнения указаний т. Сталина о бережном, внимательном отношении к этим кадрам, которые включаются в работу по овладению ввесенной на село машиной, к кадрам, призванным, по выражению нашего учителя и вождя т. Сталина, «оседлать эту технику».

Четвертая особенность: колхозная деревня вооружена сталинским уставом сельскохозяйственной артели, четко разрешающим основные вопросы колхозного строительства документом, ведущим к дальнейшему организационному укреплению колхозов.

Пятая особенность — это наличие многих десятков тысяч хозяйственно-мощных колхозов, это осознание, освоение еще многими десятками миллионов крестьян всех преимуществ колхозного строя.

Вот при каких основных чрезвычайно благоприятных условиях страна подходит к уборке и загот. кампании, вот на каком фоне должна развернуться и наша прокурорская работа. Пленум ЦК ВКП(б) указывает нам на наши обязанности в этой работе, когда говорит о таких задачах как «обеспечение сохранности убранный урожая, охрана его от расхищения», «решительная борьба с разбазариванием и расхищением убранный хлеба, представляющего общественную социалистическую собственность, ликвидация пережитков кулацко-рваческих настроений, направленных к подрыву заготовок и их темпов».

В борьбе за выполнение этих партийных директив работники прокуратуры должны ринуться со всей большевистской силой и энергией. Жесточайший отпор должны получить всякого рода попытки подорвать, дезорганизовать успех уборки и выполнения государственных обязательств по заготовкам с.-х. продуктов.

Борьба работников прокуратуры имеет довольно многосторонний характер: она должна быть направлена против злостного срыва пропки, против затяжки сроков уборки и об-

молота, недоброкачественного обмолота, порчи зерна. Органы прокуратуры должны крепко ударить по расхитителям социалистического урожая на всех стадиях уборки и заготовок; крепко бить за хищение на корню, в пути, в зернохранилищах; надо бороться за надлежащий ремонт с.-х. машин, против простоев, поломок, порчи, за своевременную доставку и надлежащее использование горючего, не забывая при этом необходимости борьбы с фактами варварского обращения с лошадьми и другим рабочим скотом.

Работники прокуратуры, по примеру прошлых лет, должны энергично бороться за своевременное выполнение принятых обязательств по заготовкам, за своевременную и надлежащую подготовку складских помещений (новая стройка складов, ремонт, очистка, дезинфекция складской площади и т. д.).

На всех этих участках борьбы у работников прокуратуры за прошлые годы накопился очень богатый практический опыт, преступные проделки всякого рода крупных и мелких хищников, жуликов, ротозеев, лодырей каждый практический работник прокуратуры безусловно знает. Это освоение опыта борьбы должно быть использовано в предстоящей работе, этот опыт должен работу по борьбе с преступностью облегчить и сделать эффективной.

Конкретные формы «кулацко-рваческих, антигосударственных тенденций, с которыми пленум ЦК призывает всех энергично бороться, должны в практике судебно-прокурорской работы в этом году встречать быстрый и решительный отпор; надо энергично пресекать все случаи преуменьшения показателей урожайности, затяжки выполнения плана зернопоставок, увеличения установленных норм авансирования колхозников зерном, израсходования зерна нового обмолота на внутриколхозные нужды, приемку зерна под сохранные расписки и т. д.

Органы прокуратуры должны быть на страже выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 3 марта 1935 г. «Об обязательных поставках зерна, подсолнуха и риса государству», давая отпор попыткам давать встречные планы и принудительному изъятию зерна у хлебосдатчиков до истечения срока сдачи.

Должна быть развернута энергичная борьба со всякого рода махинациями классовых врагов, затесавшихся в аппарат заготовительных органов (конкретные виды преступлений: выдачи фиктивных квитанций, хищение зерна под видом списания потерь, повышение норм усушки, обсчет и обвешивание сдатчиков и т. д.

Почти во всех итоговых материалах о работе прокуратуры по борьбе за уборку и хлебосдачу прошлого 1934 г. отмечается один основной, коренной недостаток: слабость темпов, несвоевременность нанесения удара по врагу и дезорганизатору. В 1935 г. этот недостаток обязательно должен быть изжит. Другой недостаток: привлечение к уголовной ответственности и применению репрессий за незначительные преступления, за ничтожные проступки. Отсюда массовость привлечения к уголовной ответственности.

С этой практикой нужно покончить: широко должна быть использована в борьбе с мелкими упущениями по работе ст. 17 с.-х. устава и общественно-товарищеские суды.

Указание т. Сталина на бережное отношение к кадрам, — ибо «кадры решают все» — должна найти свое отражение во всей практике судебно-прокурорской работы, которая имеет дело, ведь, только с людьми. «Кадры решают все» — стало быть привлекать к ответственности, осуждать людей надо чрезвычайно осмотрительно, чрезвычайно обдуманно. «Кадры решают все» — это также означает необходимость крепче бить по преступным элементам, по злым, враждебным делу социализма «кадрам», по классовым врагам. Во время предстоящей уборочной и хлебозаготовительной кампании уже совершенно недопустимы осужденные в прошлом волевыми темпами, нетерпима осужденная гонка за количественными показателями репрессированных, не должно иметь места игнорирование процессуальных норм, упрощенство при расследовании и рассмотрении дел.

Меткие, своевременные и организованные удары по действительным, серьезным, а не мнимым врагам — вот установка партии, которая должна быть реализована во время уборочной и хлебозаготовительной кампании в полном объеме. Своевременно вынесенный судебный приговор, надлежаще разъясненный в массах, понятый и одобренный массой — значителен поможет побороть кулацко-рваческие тенденции единоличника, саботирующего заготовки, предупредит других от преступлений на этом участке.

Пленум ЦК ВКП(б) «предостерегает партийные и советские организации от недооценки трудностей предстоящей уборочной и заготовительной кампании...» Пленум ЦК ВКП(б) напоминает, что «планы заготовок будут выполнены, если будет обеспечена должная охрана убранных хлеба от разбазаривания и расхищения, если будут мобилизованы колхозные массы и совхозные рабочие на борьбу с кулацко-рваческими настроениями, направленными к подрыву дела заготовок...» В этих директивах пленума ЦК нашей партии — целая дополнительная программа методов нашей прокурорской работы во время предстоящих кампаний. Успех нашей борьбы за урожай будет обеспечен, если мы сумеем правильно расставить свои прокурорские контрольные посты и группы содействия на местах: в бригадах, у комбайнов, на зерноскладах, мельницах, на транспорте. Успех работы органов юстиции в борьбе с преступлениями во время уборки и заготовок будет обеспечен, если весь в этом году сильно выросший актив сельской интеллигенции будет сигнализировать нам о преступных махинациях классовых врагов и их приспешников. Успех нашей работы будет обеспечен, если поступившие сигналы будут своевременно проверены, расследованы, если на нашу активность и оперативность массы ответят еще более энергичной борьбой со всякого рода злоупотреблениями. Успех нашей борьбы будет обеспечен, если в лице прокурора каждый колхозник будет видеть защитника своих интересов против всяких бюрократических извращений, если всякий рабочий

и служащий совхоза будут считать прокурора действительным борцом за своевременную выплату зарплаты и за надлежащую организацию его материально-бытовых условий. Есть еще один участок, которому органы прокуратуры должны уделить свое внимание: это борьба с ворами, обкрадывающими квартиры совхозных работников, колхозников и единоличников, работающих в поле. Во время полевых работ, когда все трудоспособные на полях, лодыри-воры особенно опасны, их преступные действия особенно раздражают массы, серьезно мешают работе. Вот с этими ворами надо бороться немедленно их изоляцией и строгими мерами репрессии.

В своей исторической речи от 4 мая 1935 г. т. Сталин сказал: «Если бы на наших перво-классных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способ-

ных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь». Для того чтобы наша борьба с преступностью во время предстоящих кампаний по уборке урожая и хлебосдаче «получила бы эффект втрое и вчетверо больше», нам, прокурорским работникам, нужно, следуя указаниям учителя и вождя нашей партии т. Сталина, овладеть техникой нашей работы, знать, изучать конкретную хозяйственно-политическую обстановку каждого участка работы, выявлять своевременно наиболее слабые звенья на этих участках и, опираясь на массы, смело и метко парализовать и пресекать преступления, уверенно и бодро вместе со всей партией и трудящимися массами города и деревни, под руководством нашей великой партии во главе с нашим ЦК партии и нашим великим вождем т. Сталиным идти к успешному завершению уборки и хлебазаготовок.

Г. Сегал

К итогам майского совещания судебно-прокурорских работников железнодорожного транспорта

Майское совещание прокуроров железных дорог и председателей линейных судов, прошедшее с участием Л. М. Кагановича и А. Я. Вышинского, преследовало цель критического анализа работы органов юстиции на транспорте и перестройки этой работы на основе приказа т. Л. М. Кагановича «О борьбе с крушениями и авариями», его указаний на совещании работников ж.-д. транспорта и исторической речи т. Сталина 4 мая на выпуске академиков Красной армии.

Материалы совещания, выступления его участников и заключившая совещание речь т. Кагановича с исключительной яркостью вскрыли основной порок работы органов юстиции на железнодорожном транспорте: эти органы, по своему существу являющиеся одними из наиболее революционных органов на транспорте, в значительной степени поддались влиянию формально-бюрократических методов, характеризовавших работу транспорта, борьба с которыми является по существу одной из их важнейших задач.

Наиболее ярко свое выражение этот порок работы органов юстиции нашел в области борьбы с крушениями и авариями.

Крушения и аварии являются основным злом и бичом железнодорожного транспорта, в самой острой форме отражающим слабость дисциплины и воспитания кадров транспорта. Борьба с крушениями, воспитание к дисциплине широких масс железнодорожников, создание атмосферы общественного осуждения против ее нарушителей были и остаются главной задачей суда и прокуратуры на транспорте.

Между тем эта задача выполнялась так же формально, так же бюрократически, как работали сами органы управления транспортом.

Прокуроры и судьи, так же, как и командиры транспорта, считали, что все дело в применении той или иной репрессии к непосредственным виновникам крушения. Дисциплинарные взыскания и судебные приговоры, подменявшие подлинную организаторскую и воспитательную работу, стали обыденным явлением, вошли в привычку и, как всякое слишком часто применяемое средство, потеряли в значительной степени свою силу. Судебные процессы по делам о крушениях не только, как правило, не мобилизовывали массу, но и сами прокуроры и судьи перестали чувствовать подлинное возмущение против разгильдяйства, хулиганства и безответственности, приводящих к крушениям. Это нашло свое выражение и в карательной политике линейных судов по делам о крушениях: из всех осужденных только 28,5% в 1934 г. приговорено к лишению свободы; остальные к исправительно-трудовым работам, главным образом по месту службы, и к условным наказаниям. Произошло это потому, что наряду с действительными разгильдяями и хулиганами предавались суду в большом количестве люди, которые при надлежащей работе с ними могли бы быть безупречными работниками и применение к которым судебной репрессии лишь притупляет остроту такого острого революционного оружия, каким является пролетарский суд. Результат такой практики с классической яркостью охарактеризован в приказе т. Л. М. Кагановича: «Прокуроры обвиняют, суды судят, а число крушений растет».

Само собою разумеется, что эта практика требует коренного изменения. Органы юстиции на транспорте должны решительно отказаться от методов массового привлечения и сделать

оружие судебной репрессии метким и отточеным, прибегая к нему как к последнему средству.

Значит ли это, что работа суда и прокуратуры на транспорте в области борьбы с крушениями облегчается и делается менее напряженной? Ни в какой степени. Наоборот, она делается гораздо более сложной и ответственной.

Что нужно для того, чтобы поднять работу суда и прокуратуры на транспорте в области борьбы с крушениями на ту высоту, которой требуют партия и правительство?

Необходимо:

во-первых, детально знать обстановку на каждой дороге, на каждом участке в данный момент, знать во всех подробностях о каждом крушении и каждой сколько-нибудь значительной аварии. Совещание показало, что ряд прокуроров не обладает этим знанием, без которого работа не может идти иначе как вслепую и самотеком;

во-вторых, тщательно взвешивать при выборе объекта судебного процесса обстановку крушения, действительные его причины, качества работников, являющихся виновниками крушения; прокурору лично допрашивать каждого из них и решать вопрос о привлечении к суду, исходя из всей совокупности этих обстоятельств;

в-третьих, обеспечить такую юридическую и общественно-политическую подготовку судебных процессов, при которой каждый процесс, каждый судебный приговор воспринимался бы массой, как серьезнейший политический урок.

Практика работы последнего периода показывает, что некоторые прокуроры дорог, практиковавшие ранее массовое привлечение по делам о крушениях, вместо напряженной борьбы за усовершенствование методов применения судебной репрессии к дезорганизаторам, хулиганам и классовым врагам, вовсе выпустили его из рук (Западная, М.-Б.-Б., Курская, Сев.-кавказская, Юго-Восточная и другие ж. д.). Нечего доказывать, что это совершенно неправильно и может рассматриваться только как проявление растерянности, непонимания задач и гнилого либерализма.

В тесной связи с вопросом о применении судебной репрессии по делам о крушениях и авариях находится вопрос о привлечении командного состава и квалифицированных работников транспорта вообще за некорыстные должностные преступления производственного характера (простой подвижного состава, недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути, халатность и т. п.). Основное требование, предъявляемое к делам этого рода, так же, как и к делам о крушениях и авариях, заключается в том, чтобы и сами следователи, прокуроры и судьи, и хозяйственные политические руководители, и окружающая масса сознавали, что привлекли за дело, что в данном случае судить необходимо, что другие средства воздействия недостаточны. При этих условиях судебный процесс политически оправдан и послужит толчком к улучшению дела.

На практике же, к сожалению, крайне нередки случаи, когда хозяйственный руководитель, который отвечает за всю постановку дела и которого никто не снимает с должности,

и не подозревает в укрывательстве преступников, совершенно иначе расценивает того или иного привлекаемого работника, чем прокурор и суд, считая, что при соответствующих организационных мероприятиях он может работать с пользой для дела, и когда окружающая масса не понимает, за что судят. Такие процессы ничего, кроме возмущения, а в лучшем случае недоумения, вызвать не могут.

Отсюда конечно вовсе не вытекает, что прокуратура и суд должны плестись в хвосте у хозяйственных руководителей или у отсталой части массы. Но совершенно очевидно, что тем более обдуманно и обоснованно должны прокуроры и судьи разрешать вопросы о привлечении за некорыстные преступления производственного характера, не забывая, что суд в этих случаях — последнее средство.

Немалым уроком для работников юстиции является то обстоятельство, что железнодорожный транспорт под руководством т. Кагановича добился первых серьезных успехов и пошел в гору не на основе репрессий, которые применяются лишь как вспомогательное средство и с величайшей экономией, а на основе большевистской организаторской работы, разоблачения антигосударственной теории и практики ряда звеньев транспорта и подлинной мобилизации широких масс железнодорожного транспорта.

Особого внимания заслуживает вопрос о борьбе с самостраховочными тенденциями, которые в значительной степени проявляются многими командирами транспорта, пытающимися, вместо большевистской борьбы за преодоление трудностей, оградить себя со всех сторон различного рода документами, назначением которых является складывание с себя ответственности за успех порученного дела. Одно из главных проявлений такого рода гнилой самостраховки — обращение к прокурору в случаях, когда тот или иной хозяйственник, командир пытается найти преступников там, где их нет, а где налицо лишь его собственная безрукость и неумение организовать дело.

В практике транспортной прокуратуры были такие случаи, когда одна часть аппарата НКПС обращается с жалобой в транспортную прокуратуру на другую часть того же аппарата НКПС по поводу невыполнения последней обязанностей по снабжению и т. п., с просьбой привлечь виновных к уголовной ответственности, вместо того, чтобы поставить вопрос перед руководством НКПС. Само собой разумеется, что это делалось не просто: все дело в том, что обращающийся в прокуратуру чувствует, что он сам проявил бесхозяйственность, которая не может не получить соответствующей оценки со стороны руководства НКПС, и пытается эту свою бесхозяйственность прикрыть ссылкой на несуществующее уголовное преступление.

Совершенно очевидно, что вмешательство прокуратуры в этих случаях в смысле заведения уголовных дел, ведения следствия и т. д. ничего, кроме вреда, принести не может.

Некоторые прокуроры вместо того, чтобы дать решительный отпор самостраховочным тенденциям плохих хозяйственников, идут по линии наименьшего сопротивления или заводят уголовные дела, которые ни к каким результатам не приводят, или пытаются вмешиваться

в хозяйственные распоряжения, в распределение разного рода фондов и т. п., не понимая, что такого рода неуместным вмешательством они лишь вносят дезорганизацию в хозяйство и помогают плохим хозяйственникам ускользнуть от ответственности за порученное им дело.

Работники прокуратуры, в особенности в такой централизованной и построенной на принципе строгого единоначалия отрасли народного хозяйства, как железнодорожный транспорт, должны исключительно четко понимать свои задачи как органа борьбы за социалистическую законность и за подлинное единоначалие.

Одним из проявлений влияния местных антигосударственных тенденций, существующих в ряде звеньев ж.-д. транспорта, на аппарат прокуратуры является то обстоятельство, что железнодорожные и участковые прокуроры нередко становятся «патриотами» своей дороги, своего участка в самом отрицательном смысле этого слова и закрывают глаза на беззакония и нарушения общегосударственных интересов, имеющих место на транспорте.

В начале 1935 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза рассматривала дело о взаимном очковитательстве и зажиме приема вагонов между Екатерининской и Донецкой дорогами. В течение ряда месяцев работники обменных пунктов обеих дорог занимались систематическим обманом государства в выполнении регулировочных приказов и преступным образом задерживали движение поездов в целях искусственного преумьнения своего вагонного парка к отчетному часу. Расследование этого дела показало, что эти явления вовсе не носили секретного характера: о них говорили все и считались с ними как с вполне естественным делом.

Спрашивается — где же были прокуроры Екатерининской и Донецкой дорог? Не объясняется ли их бездействие именно тем, что они в данном случае проявили себя как «патриоты» не советского государства и не социалистического транспорта в целом, а ложно и антигосударственно понимаемых интересов Донецкой и Екатерининской дорог?

Новое руководство НКПС вскрыло наличие на транспорте и даже в его руководящих органах антигосударственной теории, утверждающей, что транспорт работает «на пределе», что выполнение существующих планов перевозок невозможно без коренной реконструкции всего железнодорожного транспорта. Само собой разумеется, что эта теория являлась не только теорией, — она самым активным образом проводилась в жизнь, приводя к систематическому невыполнению транспортом планов перевозок.

Социалистический транспорт под руководством т. Л. М. Кагановича практикой своей работы вдребезги разбил эту антисоветскую теорию, доказав, что транспорт может не

только выполнять, но и перевыполнять планы перевозок. Однако не подлежит никакому сомнению, что в ряде звеньев железнодорожного транспорта сохранились сторонники этой «теории», которые пытаются и будут пытаться тихой сапой отстаивать свои позиции и подрывать работу транспорта, в особенности в области ускорения оборота вагона и паровоза, в области борьбы с «крушениями и авариями». Острая революционная бдительность и умение вскрыть и разоблачить махинации этих людей является важнейшей обязанностью работников прокуратуры и суда на транспорте.

Проводимые на транспорте его большевистским руководством мероприятия по оздоровлению транспорта и наведению на нем порядка встречают сопротивление и в ряде других отраслей. На мероприятия по упорядочению пассажирского движения, по ликвидации всяких проявлений «блата» в этой области классовые враги отвечают спекуляцией железнодорожными билетами, хулиганством в пассажирских поездах, издевательским отношением к пассажирам и т. п.

Железной рукой органов диктатуры пролетариата должны быть ликвидированы эти вылазки классовых врагов.

Исключительно серьезные задачи стоят перед органами юстиции на транспорте в области улучшения качества своей работы, которая до сих пор во многих случаях характеризовалась безответственным отношением к возбуждению дел и привлечению к суду, слабой юридической и технической квалификацией следствия, неумением быстро и решительно вскрывать и пресекать махинации классовых врагов и расхитителей социалистической собственности.

В своем выступлении на совещании работников транспортной юстиции т. Вышинский с особой силой подчеркивал факты, характеризующие поверхностное отношение многих прокуроров к руководству следствием, отсутствие конкретного знания дела, непонимание судьями и прокурорами огромной политической ответственности за качество судебного процесса, являющегося острейшим оружием классовой борьбы и воспитания широчайших масс, и требовал подлинной перестройки.

Глубокое знание обстановки на каждом участке транспорта и людей, острая революционная бдительность, бережное отношение к кадрам командного состава и квалифицированных рабочих транспорта, действительное овладение техникой железнодорожного транспорта, непримиримость к нарушителям социалистической законности — классовым врагам, хулиганам, ворам, саботажникам — вот те требования, которые предъявляются к работникам органов юстиции на транспорте и без выполнения которых они не могут идти в ногу с большевистским руководством, которое дало железнодорожному транспорту партия и правительством.

На борьбу с авариями и простоями на водном транспорте

Происходившее в период 26—30 мая с. г. совещание руководящих работников Наркомвода, созданное по предложению ЦК нашей партии, в котором принимали участие тов. Сталин и члены Политбюро и правительства, знаменует собой новый этап развития водного транспорта,

Приказ народного комиссара водного транспорта т. Лахомова о борьбе с авариями и простоями на водном транспорте является конкретной программой, вытекающей из изучения и анализа опыта, накопленного водным транспортом, и вскрытия всех недочетов, мешающих водному транспорту встать в передовые ряды строителей социализма.

Первый и важнейший вывод, который должны сделать все, кто работает на водном транспорте и отвечает за водный транспорт, заключается в том, что впредь беспорядка, расхлябанности и разгильдяйства на водном транспорте партия и правительство терпеть не будут. Водники получили боевой приказ навести порядок на водных путях Советского союза, ликвидировать аварийность, выводящую из строя значительную часть нашего флота и увеличить оборачиваемость судов в соответствии с требованиями, предъявляемыми растущим народным хозяйством.

Второй вывод, который мы должны сделать, заключается в том, что огромнейшая аварийность судов на морском и речном бассейнах в основном является следствием разгильдяйства, распускенности, ухарства и грубейшего нарушения труддисциплины, что от людей зависит либо превратить наши суда, значительная часть из которых обновлена за последние годы, в быстрые и экономные средства перевозки товаров для рабочих и колхозников, или, просиживая на мели, заделывая пробоины, простаивая неделями и месяцами без движения, превращать их в мертвый груз.

Третий вывод — за аварийность и простои на водном транспорте отвечают не только непосредственные виновники аварий (капитаны и механики, механизаторы и грузчики), но также и очень часто в большей степени виноваты те командиры и руководители на водном транспорте, которые плохой организацией, неправильным руководством, неумелым подбором кадров, неправильной расстановкой сил создали условия, способствующие увеличению количества аварий и простоев на водном транспорте.

Приказы народного комиссара водного транспорта т. Лахомова, отражающие в себе все принципиальные установки и практические мероприятия, разработанные в комиссиях, совещаниях при ЦК, прямо ориентируют всех работников водного транспорта на то, что ликвидировать аварийность и простои мы сумеем только в том случае, если за это возьмутся не только исполнители, но и руководители и организаторы водного транспорта.

Ликвидация* постоянных аварийных комиссий, на которые руководство пароходствами переключивало фактически всю работу по изучению, выявлению причин и взысканиям за аварии, и возложение непосредственно на руководителей пароходств обязанностей изучать и принимать меры по каждому отдельным авариям, вплоть до выезда на места аварий, является практическим выражением требований, предъявляемых к руководящему составу водного транспорта, сделать борьбу с авариями своей непосредственной боевой задачей.

Опыт последних месяцев на железнодорожном транспорте показывает, что, взявшись по настоящему за дело, можно в самый короткий срок добиться решительного сдвига и создать условия для полной ликвидации аварийности и простоев на водном транспорте.

Борьба с аварийностью и простоями не может ограничиваться лишь репрессиями в отношении непосредственных виновников—явление, которое имело широкое распространение до настоящего времени. Одними репрессиями, не подкрепленными серьезными и практическими организационными и техническими выводами, изучением людей, правильной расстановкой их и большой массовой работой, мы не ликвидируем аварийности и простоев на водном транспорте. Более того, массовые репрессии, при которых каждая ошибка расценивается как преступление, когда большинство командного состава либо уже имеет судимость, либо находится под угрозой этой судимости, создают такую обстановку, при которой, вместо того, чтобы обрушиться всей тяжестью на действительных преступников, на враждебные нам элементы, на элементы переродившиеся и мобилизовать на борьбу за порядок на водном транспорте всю остальную массу, превращаются в свою противоположность. Люди «привыкают» не только к авариям, но и к массовым репрессиям, особенно к принудительным работам, которые с такой щедростью распределялись нашими судебными органами до сего времени. Это, отнюдь, не означает однако, что острее орудие диктатуры пролетариата — судебные репрессии не должны помочь водному транспорту вскрыть, разоблачить и изъять из водного транспорта настоящих преступников, разгильдяев, беспечно и бесшабашно относящихся к советскому добру, разрушающих водный транспорт. Главное — уметь разоблачить подлинного, настоящего преступника и таким образом организовать судебный процесс, чтобы он превратился в большое политическое мероприятие разоблачения подлинных преступников, в мероприятие, мобилизующее массы на борьбу за водный транспорт. С этой точки зрения мы должны на основе установок и указаний этого совещания и приказов народного комиссара водного транспорта перестроить и свою обстановку

венную работу. Для этого необходимо разрешить ряд практических задач.

Важнейшее условие, которое может обеспечить помощь органов прокуратуры и суда в борьбе с аварийностью и простоями, заключается в том, чтобы своевременно знать и своевременно включаться в каждый отдельный, конкретный случай аварии на водном транспорте.

Наличие специальной водной прокуратуры, связанной с оперативными органами водного транспорта, дает нам полную возможность одновременно с начальниками пароходств, с начальником порта и пристани знать о каждом происшествии на водном транспорте. Обязанность прокурора — узнав о таком происшествии, в случае крупной аварии выехать немедленно на место; во всех остальных случаях своевременно получать информации от руководства пароходств, порта и пристани, чтобы разрешить вопрос о необходимости вмешательства органов прокурорского надзора.

Тот факт, что на целом ряде бассейнов прокуратура и следственные органы приходят к выводу о необходимости возбуждения уголовного дела об аварии через месяц, а иногда и позднее, свидетельствует о том, что мы еще не усвоили элементарного принципа оперативности — своевременности реагирования карательных органов.

Вторым условием является продумывание до конца вопроса о необходимости предания суду. Тот факт, что в 1935 г. мы имеем большой процент оправданных по суду лиц, привлеченных по делам аварий, сигнализирует нам о недостаточно серьезном и продуманном отношении следователей и прокуроров к самому важному моменту нашего процесса — моменту предания суду.

В качестве иллюстрации приведем один лишь пример.

В апреле этого года на Каспийском бассейне произошла авария, вследствие столкновения танкера «Коминтерн» с баржей «Балаханы», буксируемой пароходом «Профинтерн». Фактически авария произошла исключительно потому, что на регулярные морские туманные сигналы парохода «Коминтерн» шедший навстречу пароходу «Профинтерн» давал речные сигналы, что и ввело в заблуждение капитана парохода «Коминтерн» т. Траутмана. Следствие и суд, вместо того чтобы вскрыть безобразнейший порядок, существовавший в Каспийском пароходстве, при котором мог случиться такой вопиющий факт, что приказ переводе рейдового флота с речной сигнализации на морскую в течение 8 месяцев не был усвоен капитанами судов; вместо того, чтобы направить тяжесть репрессии против капитана «Профинтерна» Карпенко, игнорировавшего элементарнейшие условия безопасности, и тех работников Каспийского пароходства, которые повинны в преступно-небрежном отношении к важнейшим условиям безопасности движения — сигнализации, осудили на пять лет капитана Траутмана, найдя ряд мелких нарушений, некоторый производственный риск, допущенный капитаном Траутманом, который, попав в тяжелое положение в силу безобразного состояния сигнализации и преступного отношения к сигнализации со стороны капи-

тана Карпенко, принял все меры к тому, чтобы смягчить последствия этой аварии.

Эта ошибка усугубляется еще и тем, что ни следствие, ни суд не изучили людей, представших перед карательными органами и не обратили внимания на то, что Траутман является одним из лучших капитанов на Каспийском пароходстве, что он один из знатных людей пароходства.

Верхсуд Союза по предложению главной водной прокуратуры прекратил дело в отношении капитана Траутмана и дал соответствующие указания каспийской прокуратуре и суду. Однако ущерб, нанесенный неправильным, необоснованным легкомысленным привлечением к ответственности одного из лучших капитанов, дергание, выведение из строя, дезорганизация одного из лучших людей на водном транспорте и в то же время смазывание столь вопиющего безобразия, умелое вскрытие и разоблачение которого могло помочь руководству Наркомвода внимательно посмотреть и проверить постановку всей сигнализации на Каспийском бассейне, со всей очевидностью показывает, к каким тяжелым последствиям приводит непродуманное до конца возбуждение уголовного преследования и правильное направление дела.

На этой ошибке должны учиться прокуроры и судьи. Прокурор обязан знать и изучить материалы по каждой отдельной аварии, но привлекать к ответственности и тем более предавать суду прокурор должен только тех виновников аварий, в действиях которых имеется явное прямое нарушение труддисциплины, ухарства, преступно-халатное отношение к советскому добру, к советскому транспорту.

Третье условие — быстрота расследования. Эффективность карательного воздействия определяется и степенью приближения момента осуждения к моменту совершения преступления. Если виновники аварий в течение долгого времени продолжают работать на том же судне, то в сознании окружающей среды уже исчезает непосредственное возмущение совершенным преступлением, и этим эффект судебного процесса значительно снижается.

Ряд дел на Черном и Каспийском морях, заслушанных зимой 1935 г., по делам об авариях, совершенных в 1934 г., несмотря на серьезность преступлений привлекаемых лиц, уже не имеет того мобилизующего значения, которое могли иметь эти процессы, если бы доведение было своевременным, когда еще в воспоминание о совершенной аварии, о ее последствиях, о виновниках аварии, о виновном из строя судне. Соответствующие темпы расследования необходимы нам еще и потому, что нужно экономить время неизбежно отвлекаемых следствием ряда лиц в качестве свидетелей, экспертов и т. д.

Надо сказать, что к началу навигации 1935 г. наметился некоторый сдвиг в этой области. По данным, которые имеются в нашем распоряжении за апрель и половину мая, мы можем констатировать некоторое улучшение в этой области, особенно на речных бассейнах.

Так, прокуратура Верхневолжского бассейна из 44 дел, находившихся у них в производстве, закончила расследование до 10 дней 29 дел и до 20 дней 13 дел.

По Средней Волге из 40 дел до 10 дней — 30 дел, до 20 дней — 6 дел. На Нижней Волге из 67 дел до 10 дней — 31 дело, до 20 дней — 5 дел.

Мы можем привести ряд дел, которые в смысле темпа расследования могут служить образцами работы органов следствия и прокуратуры.

Так, авария на Днепре в результате столкновения парохода «10 лет Октября» и «Рябинин», происшедшего 6 апреля, была уже рассмотрена судом 19 того же апреля, и мы с удовлетворением могли сообщить наркому водного транспорта т. Пахомову, в ответ на его приказ от 22 апреля «о необходимости предания суду капитана парохода», что этот капитан уже осужден за три дня до издания приказа к 2 годам лишения свободы.

Следствие по делу аварии парохода «Сормовский рабочий» (Верхняя Волга) было закончено в девять дней, дело слушалось через 21 день после совершения аварии.

Следствие по делу об аварии баржи № 822 на Московско-Окском бассейне, происшедшей 17 апреля, было рассмотрено судом 28 апреля. Однако наряду с этим имеем безобразную картину по целому ряду дел об авариях, когда следствие тянется месяц и больше.

Достаточно привести данные по прокуратуре Черного моря за май. В производстве этого прокурора (прокурор т. Санин) осталось 21 дело, следствие по которым производится свыше двух месяцев.

Мы считаем позорной цифру в 16% дел из числа направленных в суд по централизованным бассейнам, следствие по которым производится свыше месяца.

Этого дальше терпеть невозможно. Если прокуроры и следователи чувствуют себя ответственными за борьбу с аварийностью и простоями на водном транспорте, если они хотят быть в числе возглавляющих эту борьбу, а не тянуться в хвосте, то необходимо со всей пунктуальностью выполнять приказ, данный нам прокурором Союза т. Вышинским: «аварийные дела заканчивать в 15-дневный срок».

Четвертым условием, которое может обеспечить боевую работу прокуратуры в борьбе с аварийностью и простоями, является организация судебного процесса. Необходимо добиться того, чтобы в суд направлялись только такого рода дела, по которым прокурор на основе личной проверки всех материалов предварительного следствия отвечал за обоснованность и доказательство виновности тех лиц, в отношении которых дела направляются в суд.

Мы должны подчеркнуть, что высокий процент, достигающий 25 дел, отсеиваемых в распорядительных заседаниях суда, ложится позором на работу органов следствия и прокуратуры, водного транспорта.

Поверхностное утверждение обвинительных заключений и материалов следствия и дознаний направляемых в прокуратуру следователями и органами судоходного надзора, свидетельствует о том, что наши прокуроры еще не почувствовали всей ответственности перед партией за осторожное обоснованное привлечение к ответу людей, за бережное отношение к кадрам.

Нужно вопрос поставить резко. Прокуроры и следователи, которые привлекают к ответственности людей невиновных, должны сами отвечать перед советским судом. Мы не хотели бы, чтобы прокуроры и следователи учились, как работать на примере своих осужденных товарищей, мы полагаем, что и партийные документы, изданные за последнее время, и многочисленные указания Прокуратуры Союза, должны быть до конца восприняты каждым отдельным работником, чтобы каждый работник прокуратуры, следствия и суда понял до конца всю его личную ответственность при разрешении вопроса о предании суду.

По делам об авариях нужно направлять в суд только такие дела, которые требуют применения судебной репрессии как крайнего средства борьбы с виновниками аварии.

Очень часто следственные органы ограничивают свою работу выявлением самого факта преступления без того, чтобы тщательнейшим образом расследовать и все моменты, которые дают основание привлечь за это преступление, именно данное лицо.

Многочисленные дела, прошедшие через Прокуратуру Союза, показывают, что наши следственные органы и прокуроры мало интересуются выявлением личной характеристики конкретных людей, привлекаемых по делам, в то время когда правильное разрешение вопроса о необходимости предания суду того или другого капитана, механика, инженера и т. п. должно разрешаться не только в свете данного конкретного преступления, но и на основе изучения его прошлого, его производственной работы, условий, в которых он находился, и т. д.

Направляя дело в суд, прокурор должен иметь перед собой совершенно четкий облик того человека, которого он считает необходимым подвергнуть судебной репрессии.

Однако работа прокуратуры не кончается моментом предания суду.

Совершенно недопустим такой порядок, когда по большинству дел об авариях прокуроры не участвуют в процессах, забывая, что воспитательное значение каждого процесса определяется в значительной мере участием сторон, развернутым судебным следствием и привлечением широких масс к процессу.

Нужно до конца провести в жизнь указания Прокуратуры Союза об обязательстве участия в каждом процессе прокурора, а по наиболее крупным делам на бассейне личное участие прокурора бассейна.

Огромнейшее значение для правильной организации судебного процесса, особенно по делам об авариях, имеет привлечение в качестве общественных обвинителей высоко квалифицированных и авторитетных технических работников водного транспорта. Мы должны добиться такой организации процесса, при которой на суде разоблачалась бы в свете данной конкретной аварии, в свете имеющихся улик против данных конкретных виновников общая картина недостатков и недочетов, имеющих на водном транспорте, чтобы наряду с рассмотрением следственных материалов были бы также освещены производственно-технические моменты, связанные и вытекающие из данной конкретной аварии.

Правильная организация судебного процесса и в соответствии с этим правильная организация судебной работы прокуратуры заключается еще и в том, чтобы каждый приговор, вынесенный по делу об авариях, стал бы достоянием всех водников данного порта, данной пристани, данного бассейна.

У нас кой у кого установился неправильный взгляд, что популяризация приговора есть дело политотделов, суда и отнюдь не прокуроров. Нет сомнения, что политотделы с помощью суда и прокуратуры могут и должны использовать каждый приговор для массовой политической работы. Однако никто и никогда не освобождал прокурора и следователя от этой массово-политической работы вокруг приговора. Обязательным для себя должен считать прокурор по наиболее интересным процессам, связанным с авариями и простоями, выступление на рабочих собраниях, разъяснение приговоров, увязка приговоров с имеющимися неполадками и недостатками в паромстве, участие в печати, увязывая эту свою работу с политотделом и привлекая для этой работы свой прокурорский актив.

Наряду с этим прокуроры должны улучшить свою работу и по наблюдению за исполнением приговоров. Факты, которые имели место на водном транспорте, когда люди, приговоренные к лишению свободы, продолжали длительное время оставаться на свободе и даже на прежней работе — дискредитируют работу прокурора и судебных органов и превращают одно из острейших орудий диктатуры пролетариата — судебную репрессию — в пустышку.

Прокуроры должны усвоить, что они отвечают лично и персонально за исполнение приговоров.

И наконец завершением работы прокурора по делам об авариях и простоях должна явиться сигнализация об общих недостатках в работе водного транспорта, вытекающих из каждого конкретного дела.

Мы уже имели ряд случаев, когда прокуратура своими сигналами по конкретным делам помогла водному транспорту не только избавиться от данного конкретного виновника, которого мы карали, но изменить то или иное звено организационной системы, которая способствует и благоприятствует аварийности на водном транспорте.

Приведем один лишь пример по делу парохода «Астра» на В. Волге. Нами было установлено, что одной из причин порчи котлов этого парохода явилась система двойного крана, подающего и воду и нефть. Мы сообщили об этом конкретном случае Народному комиссариату водного транспорта, и на основе нашего сигнала было признано, что такая система кранов представляет опасность для парохода, и было дано распоряжение о немедленной реконструкции этой системы кранов.

Нужно понять, что один такой сигнал имеет большее значение для улучшения работы водного транспорта, для борьбы с аварийностью и простоями, чем многочисленные переписки и разговоры по поводу работы водного транспорта. Нужно установить такой порядок, чтобы по каждому делу прокурор сигнализировал водному транспорту о недостатках организационных, хозяйственных и др. в самой системе работы водного транспорта.

Мы конечно не исчерпали в этой статье всех условий перестройки работы органов следствия и прокуратуры на водном транспорте, которые помогли бы нам обеспечить выполнение директив партии и правительства. Товарищи, работающие на местах, могут дополнить еще целым рядом других мероприятий для улучшения наших работ.

Самое важное заключается в том, чтобы каждый работник, каждый следователь, каждый прокурор усвоил до конца, что специализированная водная прокуратура отвечает перед партией и страной за быстрейшее наведение социалистического порядка на водном транспорте.

Н. Дурманов

Усилить борьбу со взяточничеством¹

Взяточничество в наше время представляет собою особо опасное явление. Назначение взятки — разложение отдельных звеньев советского аппарата, направление их деятельности в сторону, противоположную интересам советской власти. Взяткодателями в наиболее опасных случаях взяточничества по общему праву являются представители классово враждебных элементов, которые пытаются подкупить данное должностное лицо с тем, чтобы использовать его в своих классовых интересах.

В. И. Ленин с первых дней Октябрьской революции неуклонно указывал на необходимость самой беспощадной репрессии в отношении взяточников и их пособников.

В известном письме в Центральный комитет партии 4 мая 1918 г. по поводу приговора три-

бунала, которым взяточники Глейст, Губин и другие были осуждены к 6 месяцам тюрьмы, Владимир Ильич, требуя исключения из партии судей, вынесших приговор, пишет: «Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательские слабые и мягкие приговора есть поступок **позорный** для коммуниста и революционера».

В записке Д. И. Курскому он требует немедленного с демонстративной быстротой внесения законопроекта о наказаниях за взяточничество.

¹ Статья написана по материалам научно-исследовательского института уголовной политики.

² XXI Ленинский сборник, стр. 223.

В проект декрета рукой Владимира Ильича внесены чрезвычайно важные дополнения, которые особенно ярко подчеркивают классовый характер взяточничества в СССР.

В качестве усиливающих меру наказания за взятку обстоятельств В. И. указал: а) особые полномочия должностного лица, б) нарушение служащими своих обязанностей, в) вымогательство взятки.

Рукой Владимира Ильича написан пункт 5 декрета 8 мая 1918 г., который говорит: «Если лицо, виновное в даче или принятии взятки, принадлежит к имущему классу и пользуется взяткой для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности, то оно приговаривается к наиболее тяжелым, неприятным и принудительным работам, и все его имущество подлежит конфискации»¹.

В ответ на запрос крестьянина В. И. Ленин пишет: «Советская власть не мало расстреляла уже таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных негодяев будет доведена до конца».

За последние годы число осужденных за дачу и получение взятки во много раз снизилось.

Если в 1924 г. удельный вес осужденных за взятку составлял 33% к общему числу осужденных за должностные преступления, то в последние 3 года этот удельный вес был таков:

1932 г. 1 половина — 1,5%.

1933 г. 1 половина — 1,6%.

1934 г. 1 половина — 1,2%.

1934 г. 2 половина — 1,3%.

В несколько раз снизилось и абсолютное число осужденных за взяточничество.

Это обстоятельство дало основание прокурору Башкирской АССР т. Хазову заявить, что сейчас в Башкирии уже добились почти полного уничтожения взяточничества.

Подвергая критике это высказывание т. Хазова, т. Вышинский в докладе на I всесоюзном совещании работников юстиции¹ указал:

«То сокращение числа преступлений, которое мы действительно имели и в частности в результате борьбы за охрану социалистической собственности, все-таки не дает основания так ставить вопрос, как ставит т. Хазов, говоря о почти полном уничтожении у них взяточничества, почти полном уничтожении преступлений, порождаемых пережитками родового строя и пр. Неверно это. Это не мобилизация бдительности, а это усыпление бдительности. Откуда оно идет? Оно идет из недооценки роли и значения на данном этапе новых форм классовой борьбы, а, следовательно, говорит т. Вышинский «и из недооценки роли суда и прокуратуры как органов пролетарской диктатуры».

И действительно, анализ конкретных форм взяточничества показывает, что это преступление далеко не исчезло; оно приняло новые формы, но опасность его отнюдь не уменьшилась.

На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) т. Сталин указал, что, будучи вышибленными из колеи, «последние остатки умирающих клас-

сов — промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы расплозились по стране и укрылись в учреждениях, предприятиях и колхозах, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию». Эти бывшие люди вредят как только могут, действуя тихой сапой, причем основной формой деятельности этих бывших людей является хищение социалистической собственности.

Все эти классово враждебные элементы в целях подрыва основы советского строя — общественной социалистической собственности не могут не пользоваться и старым испытанным оружием — взяткой, принявшей сейчас иной вид, за которым ее не всегда удается различить.

Особенность замаскированной взятки в настоящий момент состоит в том, что взятка нередко принимает внешне легальные формы, что она нередко официально проводится по книгам учреждения или предприятия.

Особенностью новых видов взятки сейчас является также то обстоятельство, что взятка дается уже не из личных средств взяткодателя, а из средств государства или общественных организаций и таким образом уже сама по себе является одним из видов расхищения общественной собственности.

В этих случаях государству наносится двойной вред как тем, что взятка дается из средств государства, так и тем, что получивший взятку совершает антигосударственные действия.

На первом месте среди новых форм взяточничества стоит прямой товарообмен. Антигосударственная практика прямого товарообмена приносит огромный вред, к тому же товарообмен по общему правилу соединяется с рядом других преступлений.

Совет народных комиссаров СССР в постановлении 18 октября 1931 г. (СЗ 1931 г. № 63, ст. 414) указал, что факты прямого товарообмена ведут к «срыву товарного и в частности промышленного снабжения и к подрыву нашей валюты», и представляют «грубое оппортунистическое извращение установленных партийей и государством принципов хозрасчета и наносят вред интересам рабочего класса». В указанном постановлении предлагается преследовать за практику прямого товарообмена как за преступление, граничащее со взяточничеством.

В циркуляре НКЮ РСФСР № 127 1931 г., изданном в развитие постановления 18 октября 1931 г., «напрасно, на наш взгляд, указано на возможность привлечения за организацию прямого товарообмена не только по ст. 117, но и по ст. 109. Судебная практика пошла по второму пути. Преступления, выражающиеся в совершении актов прямого товарообмена, проходят на 99% по ст. 109 и обезличиваются в общей массе преступлений, предусмотренных этой статьей.

Замаскированной формой взяточничества является также совместительство и премирование работников со стороны заинтересованных учреждений в целях осуществления антигосу-

¹ «За соц. законность» 1934 г. № 3, стр. 19.

дарственной практики или разбазаривания государственного имущества.

На железнодорожном и водном транспорте взяточничество в указанной форме приводит к срыву государственного плана перевозок, крушениям и т. п.

По сообщению «Правды» 7 апреля 1934 г. некто Бадзинский, состоявший в должности пом. начальника грузовой части службы эксплуатации дороги, получал от Киевского сахаротреста ежемесячно 250 руб. за оказание «услуг», в частности внеплановое предоставление вагонов. После разоблачения Бадзинского, начальник дороги ограничился арестом его на 10 суток. Дело возбуждено лишь после сигнала «Правды».

В Краснодарском отделении за 10 месяцев погружено в взятки вне плана 16 867 вагонов. Взятки получены под видом сверхурочных и «премий». Так дежурный по ст. Баканская Хомяков, погрузив вне плана 85 вагонов и недогрузив 88 вагонов по плану, получил 2000 руб. В результате Союзхлеб не получил 5720 вагонов.

Приказом Наркомснаба № 950 5 апреля 1934 г. сняты с работы и отданы под суд директор Московского дрожжевого завода Дрогин, начальник снабжения Рогачев и его заместитель Воробьев, которые в целях продвижения грузов с сахарных заводов подкупали должностных лиц Западной ж. д., в частности нач. ст. Блохино Белецкого, инженеров эксплуатационного отдела дирекции дороги Эберта, Королева, Борисова и др., оформляя подкупы заключением договоров с этими лицами и зачислением их на службу по «совместительству» с окладом до 200—250 руб. в месяц. Кроме того подкупались и должностные лица Сахаротреста. При Сахаротресте ЦЧО числилась в качестве представителя дрожжевого завода жена начальника сектора сбыта.

По сообщению «Правды» начальник финсектора Северозападного речного пароходства Писаревский получил от Экспортлеса 5000 руб. «премий» за то, что заключил с зам. управляющего Ленинградской конторой Экспортлеса Фрейдлиным соглашение о списании задолженности за простой судов в сумме 249 тыс. руб. Через месяц он же получил 1000 рублей «премий» за «успешное проведение взаимных расчетов».

Писаревский полученными суммами делился с своими помощниками. Классовое лицо этих взяточников таково. Сам Писаревский—б. штабс-капитан и б. мажор, помощник его Умов—б. дворянин, ст. экономист—б. денкинский поручик и т. д.

Иногда в практике «совместительство» и «премирование» такого рода рассматривались только как дисциплинарный проступок. Совершенно правильно директива прокурора СССР № 41-а 16 декабря 1934 г. («За соц. законность» 1935 г. № 1) квалифицирует как взяточничество случаи премирования госорганами работников других госучреждений и предприятий, выполняющих их заказы, якобы за быстроту и качество выполнения.

Наиболее распространенными являются однако взятки в форме так называемого «блата», т. е. предоставления по твердым или понижен-

ным ценам товаров и продуктов за оказание «услуг» незаконного характера.

Борьба с этим отвратительным явлением на многих участках не развернута как надо.

К разбазариванию дефицитных товаров, к незаконной продаже их по твердым ценам надо относиться как к разновидности хищения социалистической собственности. В наказе СНК и СТО 1921 г., выработанном В. И. Лениным, вопрос 9 изложен так:

«Были ли случаи хищения и растраты (выдачи сверх плановых норм) (подчеркнуто мною—Н. Д.): а) товарообменного фонда; б) продовольственных фондов». Следовательно выдача сверх плановых норм рассматривается Владимиром Ильичом как хищение.

Между тем некоторые относятся к выдаче продуктов и товаров «по благу» как явлению или терпимому, или представляющему в худшем случае дисциплинарный поступок. К этим людям применимы в полной мере негодующие слова т. Сталина, заклеившего в докладе на ленинградском партактиве 13 апреля 1926 г. преступно снисходительное, а зачастую и покровительственное отношение к «веселому воровству». «Заслуживает тут внимания,—говорил товарищ Сталин, указывая на случай смелого «веселого» воровства,—не столько сам вор, сколько тот факт, что окружающая публика, зная о воре, не только не боролась с ним, а наоборот, не прочь была хлопать его по плечу и хвалить его за ловкость, ввиду чего вор стал в глазах публики своего рода героем».

К сожалению, и сейчас подобное же отношение к разновидности «веселых» воров, т. е. к мастерам «блата» встречается весьма нередко.

Вот как описывает например «Легкая индустрия» снабжение чарджуйской ватной фабрики. В Москве директор фабрики держал некоего Темкина, который умел доставать «по благу» все, что угодно. Заслуги Темкина были отмечены приказом директора № 78/21 11/VI 1933 г., в котором «за изыскание вне фондов токарного станка, вагона фанеры, наряда на газовые трубы, наряда на автомашины, вагона толя в Ленинграде, 700 электролампочек из Мосснабсбыта и вторичное получение 2000 кг огнеупорной краски» ему объявлена благодарность и он премирован в сумме 500 руб. 2 октября протоколом треугольника тому же Темкину за исключительные успехи, в частности за то, что «он с трудностями вырвал вагон импортного кровельного железа» и другие «заслуги» преподнесена почетная грамота и 250 руб.

С помощью «блата», с помощью взаимных услуг—«я тебе, а ты мне» совершаются гнуснейшие преступления.

Селезнев, зам. директора магазина автодеталей орсавоавтозавода в г. Горьком, продавал детали за взятки костюмами, полушубками, деньгами и т. д., которые давались агентами различных хозяйственных организаций, нуждающихся в автодеталях.

Суд обнаружил сложную и замышленную путаницу фактур, составление подложных счетов, вздутые цены. Торговля за взятки проходила почти открыто.

Глава всех взятокдателей, организатор этого дела — Лукашевич — сын попа, пролезший было когда-то в партию, но исключенный из нее.

Лукашевич закупал у zaseвших в магазине взяточников автодетали с таким расчетом, чтобы комплектовать целые машины. По его заданию взяточники, работавшие в магазине, крали на заводе в отделе утилизации и даже в основных цехах детали, пользуясь исключительной безалаберностью и расхлябанностью, царившей в этих цехах. Лукашевич организовал подпольный сборочный цех автомашин, накрыв деталей на 6 машин, из которых одна была уже собрана в момент ареста.

Директор магазина оказался также взяточником. В этом деле характерно, что администрация завода проявила полную потерю бдительности и узнала только в последнюю очередь о том, что творилось в магазине.

Особую опасность представляют взятки такого вида на транспорте.

Так, в Ленинграде группа инженеров планово-экономического управления райуправления НКПС (РУКП), имея резерв в 45 вагонов, ежедневно предоставляла его только за взятки, выражавшиеся в отпуске продуктов и предметов производства по себестоимости. Взятки давали Мясокомбинат, артель «Аврора», Росконд, «Союзплодоовощ», Ленжет, завод «Красный треугольник» и т. д. Такие учреждения как Ленэнерго, Союзлеснабсбыт, Главуголь облекали взятки в форму премий или путевок в санатории. Учреждения же, имевшие право на первоочередное получение вагонов, этих вагонов не имели.

Наряду с замаскированными, внешне легальными формами взятки сохранилась и взятка прежнего типа, которая также приводит к антигосударственным действиям, содействию спекулянту, разложению отдельных звеньев госаппарата.

В Ростове в краевой конторе Металлома директор Фукс, начальник сектора Чиркин и др. отпускали вне плана за крупные взятки цветной металл; за взятку в 4000 рублей представителю Макеевского металлургического завода вне плана было выписано цинка 6 тонн и тонна бронзы. За взятку 1140 руб. выписано 200 кг красной меди и 60 кг баббита Эркину, который разбазарил этот металл.

Неменьшим злом являются взятки в учреждениях, работающих по заготовкам, в особенности в элеваторах. Так Жакупов, приемщик на элеваторе ст. Караганда, принимая по зернопоставкам хлеб от единоличников, записывал за взятки в квитанции больше хлеба, чем получал.

В результате в элеваторе оказалось хлеба на 1560 пудов меньше, чем записано Жакуповым. Нарсуд приговорил Жакупова к двум годам лишения свободы. Приговор недопустимо мягок. Преступление Жакупова должно квалифицироваться по закону 7 августа 1932 г.

Приведем еще два примера преступной деятельности взяточников, перекачивавших товары спекулянтам. В известном деле о злоупотреблении в тресте Мосбелье (Москва) обнаружено расхищение и передача спекулянтам за крупные взятки мануфактуры на 100 тыс. руб.

В Ставрополе завмаг горта № 1 Гончаров и продавец Руденко за крупные взятки до-

ставляли мануфактуру прямо на дом спекулянтам. Покупатели же всегда уходили из магазина с пустыми руками, причем Гончаров и Руденко заявляли им: «Нет ничего. Промышленность плохо работает, государство не заботится о том, чтобы гражданам было во что одеться». В сущности это уже контрреволюционная вылазка!

Гончаров и Руденко приговорены нарсудом 1 участка Ставрополя к 2 г. лишения свободы. Из взятокдателей двое — к 2 годам лишения свободы и двое к 1 году и т. работам. Приговор также недопустимо мягок.

В целом ряде крупных преступлений взяточничество тесно связано с другими преступлениями.

В этом отношении характерно дело украинского треста по снабжению госпароходств: там преступники, возведя в систему хищение и взяточничество, пытались подкупать также всех лиц, которые могли бы содействовать их разоблачению.

Десятки тонн продуктов были переданы сотрудникам Укрснаба, горсовета, а также маслозаводу, Курортснабу и пр. Много продуктов попало ж.-д. работникам ст. Затишье, в виде взятки за подачу вагонов.

Всю эту организованную систему взяточничества и хищений возглавляли зам. директора Тодосюк, в прошлом осужденный в 3 годах лишения свободы, но не отбывший наказания и даже ухитрившийся остаться в партии, который и подобрал соответствующий аппарат.

При оценке таких действий, как предоставление услуг «по блату», мнимое совместительство и другие скрытые формы незаконного вознаграждения должностных лиц, надо исходить из установок, данных в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 9 марта 1934 г. «О работе Донецкой ж. д.». Постановление подчеркивает, что невыполнение планов погрузки вагонов в ряде случаев вызывалось корыстными мотивами. Далее в постановлении резко осуждаются те из местных партийных и советских учреждений, которые оказывают давление «всеми способами, в том числе различного рода «услугами», являющимися по существу взяткой».

Таким образом указанная директива партии и правительства с предельной ясностью относит такие «услуги» к взяточничеству. Постановление, учитывая особо высокую опасность на транспорте того вида взяточничества, вследствие которого срывается выполнение государственного плана погрузки вагонов, дает указание о привлечении как дающих, так и берущих взятку по закону 7 августа как содействующих расхищению государственного имущества.

Постановление СНК СССР, развивающее постановление СНК и ЦК ВКП(б) 9 марта 1934 г., запрещает советским хозяйственным и другим организациям выдавать, а работникам ж.-д. транспорта принимать от них какие бы то ни было премии; работникам ж.-д. транспорта запрещено работать по совместительству в советских хозяйственных организациях. Премии и совместительство, полученные иначе чем в порядке, установленном вышестоящим начальником, рассматриваются как взяточничество.

	Лишены свободы до 3 л.	Лишены свободы 3-10 л.	Итого лишены свободы	Исправ.-раб. ты	Условные меры	Штр.-ф	Остальные меры
Получение взяток (ст. 117).	9,6	16,0	25,6	64,2	7,6	1,0	1,6
Дача взятки (ст. 118) . .	10,5	9,9	20,4	54,9	12,1	8,6	4,0
Растрата (ст. 116) . .	20,7	10,4	31,1	58,2	7,5	0,5	2,7

Оба постановления дают принципиальные указания о борьбе с взяткой в ее новых формах во всех советских и хозяйственных учреждениях.

Особо надо остановиться на взяточничестве со стороны судебно-прокурорских работников.

Это явление не имеет массового характера, но ввиду особой опасности судебного взяточничества даже отдельные факты такого рода требуют пристального внимания.

В Киргизском главсуде раскрыта шайка взяточников, в которую входили заместитель председателя главсуда, члены главсуда, прокуроры, и пр. По делу осуждено несколько десятков человек.

Во Владивостоке раскрыто взяточничество прокурора Ким и нарсудьи Кан, которые были тесно связаны с преступными элементами спекуляции. За взятки прекращались дела и выносились оправдательные приговоры.

Судья Кан в целях вымогательства взяток заводил заведомо дутые дела, которые прекращались после получения взятки.

Главные виновники приговорены к 10 годам лишения свободы.

Верховный суд БССР признал нарсудью З участка г. Минска Салина виновным в оправдании за крупную взятку нескольких кулаков и тяжких преступников. Салин приговорен к 10 годам лишения свободы, один из кулаков к расстрелу.

В отношении работников суда и прокуратуры, уличенных во взяточничестве, должны применяться самые суровые меры наказания, так как получение взятки является для них основанием к укрывательству преступника или вынесению несправильного судебного приговора.

Наконец последний вид взяточничества, правда резко сократившийся за последние годы, но не добитый окончательно, это получение должностными лицами от граждан взяток за совершение законных действий.

Обычно получение взяток сопряжено здесь с вымогательством, если понимать это в широком смысле слова, а не ограничиваться, как это принято в теории, случаями требования взятки под угрозой незаконных действий в отношении отказавшегося дать взятку.

По сообщению астраханской газеты «Коммунист» член сельсовета Досимов (Володарский район) вымогал у нескольких колхозников по 100 руб.

Шайка взяточников, засевшая в Ставропольском райотделении связи, не выдавала ни одной посылки, ни одного перевода до получения взятки в 10—15 руб.

Такие виды вымогательства взятки, ущемляющие законнейшие права советских граждан, особенно нетерпимы в настоящее время, когда забота о людях должна пронизывать работу каждого советского и общественного учреждения и предприятия, каждого работника.

Между тем меры наказания в отношении этих лиц, пытающихся сейчас реализовать словословия, созданные в эпоху господства продажного чиновничества: «Не подмажешь — не поедешь», «Сухая ложка рот дерет» и т. п., явно недостаточны.

Были приговорены в 1 половине 1934 г. по РСФСР без автономных республик и областей:

Следовательно, меры наказания как за получение, так и за дачу взятки значительно слабее, чем за растрату, хотя и по ст. 116 репрессия недостаточна. Лишение свободы применяется почти исключительно по части 2 статьи 117 (3 года и выше).

По первой же части ст. 117, по которой проходит главная масса дел о взяточничестве, вопреки закону применяются почти исключительно исправительно-трудовые работы, причем совершенно недопустимым является массовое назначение их по месту службы, по данным Ленинградского кабинета уголовной политики достигающее 70%.

Если в отношении некоторой категории взяткодателей трудящихся, пошедших на преступление впервые и по несознательности, можно допустить применение условного осуждения, то в отношении получающих взятки применение условных исправительно-трудовых работ надо признать нецелесообразным.

Недостаточно часто применяется репрессия по ч. 2 ст. 117 УК. В общем по первой части ст. 117 осуждено около 85%, а по части 2—не более 15%. Это происходит потому, что многие суды наступление тяжелых последствий обычно не рассматривают как квалифицирующие обстоятельства.

В целях усиления борьбы со взяточничеством как одним из самых отвратительных пережитков могут быть предложены такие меры:

1. Необходимо устранить резкую разницу в санкциях статей УК союзных республик о взяточничестве.

Например дача взятки по ст. 118 УК РСФСР влечет за собой лишение свободы на срок до 5 лет, по УК БССР лишение свободы на срок не ниже 6 месяцев, а при отягчающих обстоятельствах на срок не ниже 5 лет, по ст. же 106 УК УССР дача взятки карается лишением свободы до двух лет.

Получение взятки по УК Узбекской ССР влечет при отягчающих обстоятельствах лишение свободы до 5 лет, во всех остальных республиках—до 10 лет.

За провокацию взятки предусмотрено в УК РСФСР лишение свободы до 2 лет, в УК Туркменской ССР—лишение свободы до 10 лет.

Необходимо повесить наказание за дачу взятки в УССР и за получение взятки в Узбекской ССР.

2. Исходя из установок письма В. И. Ленина к Курскому от 4 мая 1918 г., декрета 8 мая 1918 г., подписанного Лениным, и постановления СНК и ЦК ВКП(б) 9 марта 1934 г., установить в принципе одинаковую ответственность для взяточников и дающих взятку, внося изменения в ст. 118 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

3. Разъяснить, что оказание всякого рода услуг материального характера работникам учреждений или предприятий социалистического сектора в связи с их служебной деятельностью в интересах лица, оказывающего услугу, или в интересах учреждения или предприятия, которое он представляет (как-то: премирование, уплата денег за совместительство, незаконное снабжение, предоставление товаров по пониженным ценам), должно квалифицироваться по ст. 118 УК РСФСР как дача взятки, а пользование этими услугами как получение взятки (ст. 117 УК РСФСР).

4. Разъяснить, что должностные лица, знавшие о факте дачи взятки и не принявшие мер к предотвращению или раскрытию взяточничества, подлежат уголовному преследованию по ст.ст. 17 и 117 УК.

5. Разъяснить, что если взятка давалась в целях совершения лицом, принявшим взятку, какого-либо преступления, то принявший взятку отвечает по совокупности по ст. 117 и по статье, предусматривающей то преступление, которое он за взятку совершил или приготовлялся совершить (в последнем случае через ст. 19).

В этом случае давшие взятку, помимо ст. 118, отвечают также и по совокупности через ст. 17 УК РСФСР по статье, предусматривающей преступление, к которому они склоняли должностное лицо, давая взятку.

6. Указать судам, что по точному смыслу ч. 2 ст. 117 УК применение ее должно иметь место не только в случаях, когда имеется прежняя судимость за взятку, но и тогда, когда должностное лицо уличено в том, что оно брало несколько раз взятки, хотя и не было судимо за них.

Разъяснить, что наступление или возможность наступления тяжелых последствий при взяточничестве должно влечь привлечение к ответственности по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

7. Разъяснить, что под вымогательством взятки надо понимать, в частности, и создание должностным лицом препятствий к быстрому и правильному удовлетворению законных требований гражданина в целях получения с него взятки.

8. Усилить в отношении злостных взяточников меры наказания, применяя по общему правилу лишение свободы. Допустить в виде исключения в отношении взяточдателей-трудящихся, совершивших впервые преступление при отсутствии отягчающих обстоятельств, применение условного осуждения.

9. Запретить применение исправительно-трудовых работ по месту службы по ст.ст. 117 и 119 УК.

М. Строгович

К реформе уголовно-процессуального кодекса

Выработанный подкомиссией уголовного процесса Правительственной комиссии по реформе кодексов проект Общесоюзного уголовно-процессуального кодекса был разослан на места для отзывов, опубликован отдельным изданием и обсужден в наших основных научно-исследовательских учреждениях (ИССП) Комакадемии, Институте уголовной политики при Прокуратуре СССР и ИКЮ РСФСР. Ни в одном отзыве проект не встречает принципиальных возражений. Общая его оценка — положительная. Местные работники юстиции, обсудившие проект на специальных совещаниях, отмечают актуальность и жизненность проекта, его простоту и доступность и правильность его принципиальных установок. В частности, прокурор Западносибирского края т. Барков от лица прокурорских работников края отмечает ряд достоинств проекта, наиболее существенными из которых являются такие: «проект впервые так широко ставит ставку на вовлечение трудящихся масс в непосредственное участие по расследованию дел... Проект написан чрезвычайно популярным, мы бы сказали, буквально народным, языком, и в силу этих достоинств он доступен пониманию широких трудящихся масс».

Основные принципиальные положения, из которых исходил проект и которые он проводит

во всех своих частях, местными работниками приняты очень сочувственно: усиление воспитательной работы суда, демократизация процесса, расширение процессуальных прав сторон (главным образом обвиняемого), большая гибкость процессуальной формы, чем по действующему УПК, четкость и ясность формулировки, решительная ставка на борьбу с процессуальным упрощением. Со стороны местных работников не высказано возражений против создаваемой проектом единой процессуальной формы, единого процессуального порядка для всех органов расследования и для всех судов. Действующий УПК, как известно, проводит раздвоение процессуальной формы, устанавливая на предварительном расследовании различный порядок для дознания и предварительного следствия, а на судебном рассмотрении — для производства дел в нарсуде и край(обл)суде. Против этого принципа единства процессуальной формы возражал Н. В. Крыленко, но Крыленко высказывается за двойственность процессуальной формы, предлагая на предварительном расследовании сохранить детально регламентированный порядок для отдельных категорий сложных дел, а для остальных, более мелких — установить суммарный порядок, освобожденный от таких форм, как предъявление обвинения, предъявление об-

виняемому следственного производства, составление обвинительного заключения и т. п. Точно так же и для стадии судебного рассмотрения т. Жрыленко предлагает предусмотреть два порядка — развернутый и сжатый (суммарный). Эта точка зрения не нашла поддержки, и как местные, так и центральные работники юстиции в основном высказались за единую процессуальную форму, которая бы, с одной стороны, была настолько гибка, что давала возможность органам следствия и суда варьировать свой подход к различным делам в зависимости от их конкретных обстоятельств, и с другой — устанавливала бы достаточно четкие и определенные процессуальные условия для производства уголовных дел и достаточные гарантии от неправильного привлечения и осуждения, соответственно предоставляя достаточно широкий круг процессуальных прав обвиняемому.

Сама система и структура кодекса возражений не вызывали, но работники Московского областного суда и Московского городского суда очень решительно возражали против чрезмерной, по их мнению, краткости проектируемого кодекса, который, по их утверждению, охватывает только отчасти узловые вопросы процесса, оставляя в стороне ряд более мелких, но для практической работы очень существенных вопросов (например, сроки, судебные издержки, гражданский иск, последовательность отдельных действий на судебном заседании и т. д.). Московские судебные работники предлагали расширить проект УПК и предостерегали против такого положения, при котором кодекс, по его выходе в свет, сразу же повлек бы необходимость дополнения его циркулярами, инструкциями и разъяснениями.

В такой постановке вопроса несомненно есть много правильного. Сейчас нет оснований особенно гнаться за сокращением количества статей УПК и вряд ли кто-нибудь будет смешивать упрощение процесса с упрощением Процессуального кодекса. Ведь ясно, что чрезмерное упрощение Процессуального кодекса означает, что ряд вопросов практической работы следствия и суда остается не регламентированным и не разрешенным, а это влечет не упрощение процесса, а, наоборот, его усложнение. Поэтому при суммировании замечаний на проект УПК и внесении в него поправок на основе этих замечаний проект УПК был дополнен в настоящий момент его размер уже достиг 202 статей, вместо 168 статей первоначальной (опубликованной) редакции.

Подавляющее большинство отзывов, не оспаривая основных положений проекта, вносит в него ряд поправок, дает иные формулировки отдельных статей, уточняет их и т. д. Многие из этих замечаний правильны и учтены при дальнейшем редактировании проекта УПК.

В отношении Вводной части проекта замечаний почти не было. В отношении предварительного расследования замечания сводились главным образом к вопросу об уточнении взаимоотношений, полномочий и обязанностей отдельных органов расследования. Подчеркивается руководящая роль прокурора в этой стадии расследования, его право изымать из про-

изводства всех органов расследования любое дело, давать обязательные указания по существу расследования (прокуратура Рязано-Уральской жел. дороги).

Вместе с тем отмечалось, что проект недостаточно четко определяет круг дел, подведомственных следователю (Одесская Областная Прокуратура). Возражения встретили статьи проекта УПК, допускающие ведение следствия милицией и по тем делам, которые подведомственны следователю, если в данном месте следователя не оказалось. Это замечание, на котором настаивали в частности московские работники, несомненно является правильным, так как введение в жизнь этого правила (ст. ст. 26 и 27 проекта) несомненно может повлечь сужение деятельности следователя, уход в органы милиции ряда дел, расследование которых должен производить именно он, а не кто иной.

В отношении стадии предания суду предложения проекта, вытекающие из резолюции 1-го всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников, встретили одобрение мест, особенно восстановление института распорядительных заседаний, допуск на них обвиняемого. Однако это последнее предложение — допуск обвиняемого к участию в распорядительном заседании суда, когда обвиняемый возбуждает ходатайство о пополнении следствия — вызвало возражения со стороны прокуратуры Западной Сибири по тем соображениям, что этот порядок повлечет затяжку прохождения дел. Замечание — несомненно неосновательное, так как такой затяжки не будет, если следствие будет проводиться доброкачественно и все заявления и объяснения обвиняемого будут исчерпывающе проверяться на предварительном следствии. Важность же и актуальность самой этой меры никем не оспаривается. Серьезные разногласия вызывает вопрос о том, кто должен быть докладчиком на распорядительном заседании — прокурор или член суда. Судебные работники, как правило, считают, что таким докладчиком должен быть член суда. Верхсуд Абхазии, настаивая на этом, приводит между прочим те соображения, что прокурор на распорядительном заседании имеет совещательный голос, поэтому докладчиком должен быть не он, а член суда, имеющий решающий голос. Разумеется, дело не в этом, никакой связи между вопросом о докладе дела и вопросом о праве решающего голоса нет. С этой точки зрения поступившие с мест замечания не поколебали установленного проектом порядка, при котором доклад на распорядительном заседании делается прокурором, утвердившим обвинительное заключение и передавшим дело в суд.

Этим кратким обзором мы ограничим содержание настоящей статьи. Вопросам судебного рассмотрения и кассационного производства, а равно ряду специальных вопросов реформы УПК будет посвящена в дальнейшем особая статья. Отметим еще лишь то, что все отзывы на проект УПК единогласно признают необходимость скорейшей реализации реформы УПК как важнейшего средства улучшения качества работы наших судебных и следственных органов.

О защите

(Заметки судьи)

На первом всесоюзном совещании работников юстиции т. Вышинский исключительно убедительно и достаточно резко говорил об абсолютной недопустимости нетерпимого отношения к защите. Это было не только правильно, не только необходимо, но и крайне своевременно, ибо совершенно четко определилось «левацкое» отношение к этому институту в отдельных звеньях судебной системы. В нашем суде, как совершенно верно утверждает проф. Строгович в своей работе «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде», «защита выполняет почетную роль, выполняет ответственную общественную обязанность и ни о каком сужении ее участия говорить нет оснований». Наоборот, есть все основания полагать, что мы недалеко от того времени, когда участие защиты в судебной работе будет расширено.

За истекшее время после первого совещания в отношении к защите произошел коренной перелом в смысле установления нормальных взаимоотношений между работниками суда и защитой. Московская судебная практика, по крайней мере, говорит за это, если не считать отдельных случаев. И поэтому нам представляется теперь актуальным делать ударение не на том, как следует относиться к защите и ее носителям, а на самой защите, ее кадрах, качестве ее работы.

Тот, кто внимательно следит за нашей юридической литературой и публикуемой судебной практикой, не может не заметить, какое незначительное внимание уделяется вопросам защиты. Между тем сейчас уже и газетой «Правда» поставлен вопрос о необходимости навести порядок в коллегиях защитников. Речь идет не только об организационной или материальной стороне дела, но прежде всего о внутреннем содержании, о качестве самой работы. Пора устно и печатно говорить о том, как работают наши защитники.

«Первое требование, которое надо предъявить к защитнику,—говорил т. Вышинский в своем докладе 21 декабря 1933 года,—это высокое чувство политической ответственности, высокая политическая квалификация, высокая выучка, хорошая школа, общественная дисциплина, словом, все те качества, которые требуют от защитника умение отстаивать: свою точку зрения и бесстрашно выступать в борьбе за то, во что он верит, не из интересов клиента, а из интересов социалистического строительства, из интересов нашего государства». (Подчеркнуто нами. — Е. Л.).

Работая в судебных заседаниях, приходится слушать много защитительных речей, и как часто в них отсутствует и «высокое чувство политической ответственности», и «высокая политическая квалификация» и многое другое!.. Выходит человек на трибуну, произносит много «красивых» фраз, упоминает всех основоположников социализма и вождей революции,

ссылается и на никому—и ему в том числе—неизвестных ученых (это излюбленное—«как сказал один ученый...»), а суду не помогает, массу не воспитывает, путем и искажает... И проходит это в подавляющем большинстве случаев не только безнаказанно, но и незамеченным. Руководители защиты не проверяют, как правило, своих членов коллегии на работе, на трибуне и знают о них по отдельным, часто случайным сведениям.

Судьи первой инстанции Московского городского суда, понимая, что за судебную трибуну защиты отвечает и суд, усиливают свою политическую бдительность в отношении защиты и сигнализируют коллегии о всех недопустимых случаях. Так, за последнее время Мосгорсуд возбудил ряд принципиальных дисциплинарных дел о защитниках.

Работа советского защитника очень трудна. Надо защищать клиента исходя не из обособленных интересов клиента, а из интересов нашего государства. Такое требование предъявляется советскому защитнику. Оно связано не только с большой культурой, но и с глубокой политической сознательностью. Однако повседневная судебная практика дает нам немало примеров обратного порядка. Фактически сплошь и рядом защитник исходит только из субъективных интересов подзащитного, не думая об интересах социалистического строительства, а так как крайне слаба борьба за новые принципы защиты, то даже отдельные защитники с общей высокой квалификацией все еще не перестроились. Мы были свидетелями, когда на заседании президиума Московской областной коллегии один старый, опытный защитник прямо говорил о том, как он действовал, исходя из задачи вытаскивать подзащитного из «беды». Общественно-политическую сторону дела и своей роли он взял за скобки. Замечательно, что такие откровенные речи не стесняются произносить даже на официальном заседании руководящего органа.

Определяя роль защиты, т. Крыленко в своей вступительной статье в книжке Вл. Громова «Предварительное расследование в советском уголовном процессе» пишет: «Материальная истина — в этом должны быть заинтересованы все судебные работники, в том числе и защита. Мы, конечно, понимаем, что разрешение на практике этого положения трудно. Требуется много времени для воспитания новых кадров защитников, которые считали бы для себя органически неприемлемым говорить суду неправду. Одним приказом тут ничего не поделаешь, но тем не менее принцип этот должен быть нами декларирован». Итак, **обязанность советского защитника** говорить только правду. Новые кадры в этом духе воспитать легче, чем перевоспитать отдельных старых работников, которые в основной своей массе не могут не быть сохранены.

Присмотритесь к работе некоторых «защитников» и вы увидите, как они из кожи лезут вон, чтобы, грубо выражаясь, втереть очки.— Облик такого «адвоката» отвратителен. Некоторые доходят до того, что «инструктируют» заново вызванного свидетеля, о чем и как говорить суду, а коллеги ведут с этим очень слабую борьбу. В этой связи стоит остановиться на поведении защиты в отношении других помощников суда. К ним мы относим в данном случае экспертов и представителей истца. Наш опыт говорит о том, что почти всегда, и не менее редко даже при надлежащем уровне подготовки экспертов и истцов, защитники рассматривают их буквально как своих врагов. Они всегда помогают суду в меру своих сил и знаний найти материальную истину, а защита, как правило, ведет линию на дискредитацию эксперта, истца. И если бы не власть председателя в процессе, то было бы не мало недоразумений... Особенно остро проходит процесс тогда, когда иск представляется коллегой-защитником, хотя, казалось бы, тут не должно быть места наскокам и т. п. В чем объективная причина такого положения вещей? Нам думается, что мы не сделаем ошибки, если скажем, что причина кроется все там же — в нежелании и неумении некоторых ЧКЗ помочь суду отыскивать уголовно-правовую истину.

Судебная аудитория—одна из самых широчайших и самых чутких. Каждое слово, произнесенное в суде, воспринимается особенно внимательно и остро. Оно не пропадает зря, о нем думают, его критикуют. Поэтому такие высокие требования предъявляются к сторонам в процессе. Судебные речи исключительно ответственны и трудны. К их существу относится то, что сказано выше. Сейчас надо остановиться на их внешней стороне, на форме судебных речей защиты.

Вопрос о языке в литературе поставлен как один из актуальнейших. Мы стремимся к тому, чтобы наша литература не только воспитывала, была бы доступна всем трудящимся, но и культивировала здоровый, красивый язык. Требования советского читателя, его оценка—самые высокие показатели для литератора.

Между тем защитники не обращают внимания на это. Мы знаем случаи, когда защитников не понимают, когда состав аудитории ими не учитывается, когда отсутствуют простота и ясность речи. Есть защитники, которые утверждают, что они говорят только для суда, а не для присутствующих. Есть защитники, которые не понимают, что они смешны, как в советском суде, на восемнадцатом году революции, они, прибегая к ложному пафосу, бия себя в грудь и эмоционально надрываясь, произносят речи, в которых нередко трудно найти здравый политический смысл и логическую последовательность в изложении фактического материала. Вопрос о форме судебной речи советского защитника нуждается в подробной, практической разработке.

В судебном процессе надо в известном смысле различать защиту и защитников. Защитники должны в целом едино представлять защиту. Но, к сожалению, частенько бывает такое положение, когда в публице говорят: «Защитники между собой переругались». Это вы-

зывает иронию, смех. Допустимо ли, чтобы над стороной в процессе смеялись, чтобы по ее адресу посылались иронические замечания? Едва ли это можно признать терпимым. А происходит «ссора» оттого, что группа защитников, выступающая в одном процессе, действует вразброд, внутри ее нет бригадира, нет организатора, общая позиция по делу не выработана, не согласована. Защиту при такой ситуации разъедают противоречия в положении обвиняемых, изолированные интересы которых довлеют над общими принципами и критериями. Коллегии не могут ограничиваться выделением, назначением защиты. По каждому процессу защита должна организовываться. И тот стол назначения защиты, который создан в Московской коллегии не без нажима Мосгорсуда, должен быть не только столом «распределения рабочей силы», но и таким звеном аппарата президиума, который организует защиту в отдельных процессах.

В последнее время все чаще и чаще говорят об обстановке судебного процесса, о том, что судебный процесс должен быть обставлен торжественно, внушая всем своим видом уважение к суду как могучему орудию диктатуры пролетариата. Не последнее место среди элементов, составляющих судебный процесс, занимают живые люди, его проводящие и в частности защитники. От поведения участников процесса во многом зависит та обстановка торжественности, которая нам нужна. И вот мы не всегда бываем довольны поведением отдельных защитников. Сильно бьющий в нос налет угодничества, гнилой сентиментальности в сочетании с какой-то, ничем не вызываемой, робостью отравляют атмосферу процесса, искажают судебное равновесие и создают неверные представления о суде, о роли обвинения и защиты.

После исторической майской речи т. Сталина вопрос о кадрах защиты надо поставить с новой силой. Здесь должна идти речь об отсеве чуждого, ненужного и негодного; следует взяться за переподготовку и идеологическую перековку тех старых кадров, которые субьективно-целиком являются советскими защитниками, но не освоили по-настоящему в области своей специальности новые методы работы, и наконец со всей решительностью надо взяться за дело подготовки в наших вузах нового поколения защитников. Надо добиться, чтобы каждый год наши правовые вузы, которые готовят судей, прокурорских работников, работников исправительно-трудовых органов, выпускали бы и работников советской защиты. Кустарные мероприятия в этой области отдельных коллегий вопроса не решают и не обеспечивают соответствующего идеологического руководства.

**

Эту статью мы не случайно назвали заметками. В ней мы бегло коснулись тех вопросов, связанных с работой защиты, которые возникли перед нами из судебного опыта. Из-за судебного стола очень хорошо видны все стороны работы защиты. И обязанность каждого судьи—прямо сказать о том, что он видит, чтобы своим опытом помочь общему делу повышения качества работы всей нашей защиты.

О непосредственном направлении в суд уголовных дел¹

Ни действующее процессуальное законодательство, ни проект УПК 1934 г. не считают предварительное расследование обязательным этапом в разрешении каждого уголовного дела. Ст.ст. 96 и 233 действующего УПК РСФСР предусматривают возможность непосредственного принятия судом дела к своему производству прямо по поступившему к нему заявлению о совершенном преступлении, а прокурору та же ст. 96 УПК предоставляет выбор между направлением дела для производства предварительного расследования и направлением его непосредственно в суд.

Ст. 71 проекта УПК 1934 г. устанавливает, что дела «по которым производилось предварительное расследование и по которым может быть судом назначено лишение свободы, направляются для предания суду прокурору. Все остальные дела направляются в суд непосредственно». Под «остальными делами», очевидно, понимаются либо такие дела, по которым не может быть назначено лишение свободы, либо такие, по которым не производилось предварительного расследования.

Но нигде ни в действующем законе, ни в проекте УПК не содержится указаний на то, по каким делам предварительное расследование должно быть обязательной частью процесса, по каким можно обойтись без него. Все относящиеся к этому вопросу положения, которые имеются в действующем УПК и в проекте, касаются только определения подсудности уголовных дел, т. е. вопроса о том, как эти дела распределяются между различными органами расследования.

Анализ положений действующего УПК РСФСР по этому вопросу приводит к таким выводам:

1) безусловно обязательно производство предварительного расследования по делам, перечисленным в ст. 108 УПК;

2) обязательного дознания по остальным делам (поскольку различие между дознанием и предварительным следствием действующим УПК проводится) УПК не знает;

3) из сопоставления ст.ст. 208, 221 и 235 УПК можно сделать лишь вывод, что если по делу производилось предварительное расследование, то обвинительное заключение должно быть утверждено прокурором, но никакого вывода об обязательности предварительного расследования по какой-либо категории дел, не указанной в ст. 108 УПК, сделать нельзя.

Из ст.ст. 24—27, 71 и 84 проекта УПК можно сделать лишь тот вывод, что предварительное расследование является обязательным по делам, отнесенным к подсудности следователя, и по делам, подведомственным органам НКВД. Из ст. 26 можно было бы сделать вывод, что предварительное расследование обязательно и по всем остальным делам, если бы

не указанная выше формулировка ст. 71 проекта, допускающая направление какой-то категории дел непосредственно в суд без предварительного расследования.

Эта категория дел, очевидно, может быть выделена лишь из дел, отнесенных ст. 26 проекта к подсудности органов милиции.

Общий вывод из этого анализа действующего законодательства и проекта УПК СССР таков: существует определенная категория дел, по которым предварительное расследование не обязательно, но какие дела относятся к этой категории и есть ли какие-либо процессуальные особенности при судебном рассмотрении этих дел, остается неясным.

Между тем правильное разрешение этих вопросов чрезвычайно важно. Известно, что отказ от обязательного предварительного следствия является одной из характерных черт фашистского процесса. § 12 германского указа об исключительных судах от 9 августа 1932 г. не только устраняет вперед предварительное следствие по делам, подсудным этим судам, но и предписывает все те дела такого рода, по которым к моменту издания указа производится предварительное следствие, немедленно переслать обвинительной власти при исключительном суде. Производство предварительного следствия по делам, подсудным так называемому народному суду, поставлено в зависимость от усмотрения прокуратуры. Фашистский УПК Италии расширил применение так называемого суммарного следствия, производимого прокурором, за счет формального следствия, производимого следственным судьей. Уже одна эта склонность фашистского законодательства к ограничению предварительного следствия заставляет крайне настороженно относиться к этому вопросу. Тенденции развития процесса в странах буржуазной диктатуры и в стране диктатуры пролетариата прямо противоположны.

В то время как у них, по мере все большего расшатывания старых основ господства буржуазии, все более и более ярко проявляется стремление к расширению сферы ничем не ограниченной, произвольной расправы не только с активными деятелями революционного движения, но и с любым рядовым представителем трудящихся масс, посмевшим в какой-либо форме выразить недовольство невыносимым гнетом усиливающейся эксплуатации, у нас, по мере развития невиданных успехов социалистического строительства, по мере все возрастающего укрепления советской власти, правовая норма в новом, неизвестном для эксплуататорских стран виде приобретает все большее значение как один из способов осуществления крепнущей и развивающейся пролетарской демократии. Речь т. Сталина на выпуске слушателей военных академий поставила в этом отношении перед органами юстиции новые задачи еще более внимательного и за-

¹ В порядке обсуждения. Ред.

ботливого отношения к человеку, возложила на них величайшую ответственность за то, чтобы ни один трудящийся нашей страны не только не был бы неправильно осужден, но чтобы и самый процесс в возможно меньшей степени нарушал нормальную жизнь затрагиваемых им лиц.

В свете этих задач поставленный выше вопрос о возможности рассмотрения в суде уголовных дел, по которым не производилось предварительного расследования, приобретает очень важное значение.

Его необходимо разрешить с абсолютной ясностью, руководствуясь при этом исключительно соображениями об обеспечении наилучшего качества процесса, такой организации процесса, которая, при гарантии наибольшей полноты и всесторонности исследования дела в наименьшей возможной степени нарушала бы нормальную жизнь затрагиваемых данным делом трудящихся.

В настоящих условиях каждый работник юстиции обязан заботиться не только о том, чтобы не привлечь кого-либо неосновательно к ответственности, но и о том, чтобы лишний раз не вызывать свидетеля на допрос, чтобы не заставлять его лишний час дожидаться и т. п. Само собой разумеется, что строгое соблюдение прав, предоставленных законом обвиняемому, самая внимательная проверка его объяснений теперь более чем когда-либо составляют безусловную обязанность каждого работника юстиции.

Исходя из этих задач, и надо решать вопрос об обязательности или необязательности предварительного расследования.

При оценке решения этого вопроса законодательством фашистских государств необходимо иметь в виду, что там ограничение предварительного следствия всегда сопровождается ограничением объема судебного исследования дела, ограничением права защиты на суде, ограничением права обжалования и т. д. Например, цитированный выше германский указ от 9 августа 1932 г. содержит такие правила: «исключительный суд может отказаться от рассмотрения тех или других доказательств, если он придет к убеждению, что такое рассмотрение не требуется для выяснения дела» (§ 14); «занесение показаний в протокол судебного заседания не является обязательным» (§ 16); «приговоры исключительных судов не подлежат никакому обжалованию» (§ 17).

В свете этих постановлений упразднение предварительного следствия приобретает совершенно определенный смысл. Закон дает прокуратуре возможность как ей угодно подтасовать материал, так как деятельность ее при собирании этого материала никакими правовыми нормами не определяется. Затем закон лишает обвиняемого возможности разоблачить эту подтасовку на суде, так как суд в силу § 14 может отказаться от рассмотрения представленных обвиняемым доказательств и наконец тот же закон запрещает обвиняемому жаловаться на приговор, каков бы этот приговор ни был. Более откровенного использования суда для расправы с лицами, неугодными фашистскому руководству, трудно себе представить.

Но этот результат достигается не одним только фактом упразднения предварительного следствия, но и всей совокупностью указанных выше мероприятий. Совершенно иное получится, если отсутствие предварительного расследования будет уравнивлено таким порядком судебного рассмотрения дела, который даст обвиняемому возможность представить суду все оправдывающие его доказательства и обеспечит тщательное рассмотрение этих доказательств.

Можно ли безоговорочно признать, что предварительное расследование во всех случаях без исключения улучшает качество процесса? Нет, такого утверждения сделать нельзя.

Во-первых, предварительное расследование неизбежно удорожает процесс и затягивает его, что не только ослабляет его политический эффект, но и всегда бывает невыгодно для обвиняемого, так как неопределенное положение подсудимого и подсудимого, особенно если оно затягивается на длительный срок, неизбежно становится для него очень тягостным. Во-вторых, предварительное расследование, несомненно, увеличивает обременение свидетелей, экспертов и других, связанных с делом лиц, вынужденных являться на допрос дважды: один раз — к следователю и вторично — в суд. Наконец нельзя не признать, что, до известной степени, наличие по делу материалов предварительного расследования предрасполагает некоторых судей к меньшей тщательности в проведении судебной проверки обвинения. Это конечно не обязательное свойство предварительного расследования, но это факт, с которым нужно считаться, стремясь в то же время всеми мерами к полному изжитию такого отношения к делу со стороны суда.

Поэтому есть все основания притти к выводу, что предварительное расследование надо производить лишь тогда, когда оно необходимо, когда без него не может быть произведено исчерпывающей проверки обвинения на суде. Тов. Вышинский в своем курсе уголовного процесса говорит: «Нужно ясно представить себе отличительную и важнейшую функцию следственной власти — розыск, как бы ни казалась эта функция дисгармонирующей с тем судейским ореолом, которым окружается имя следователя».

Следовательская работа — это розыскная работа в широком смысле этого слова, хотя и представляющаяся более сложной, чем работа иных розыскных органов» («Курс уголовного процесса» 1927 г., стр. 152—153).

Розыск «в широком смысле слова» означает не только розыск неизвестного или скрывающегося преступника, но и выяснение вопроса о том, кто из работников того или иного учреждения несет ответственность за какие-либо преступные извращения в работе данного учреждения (например, выяснение причин, последствий и виновников срыва посевной кампании в колхозе или в совхозе, невыплате заработной платы на предприятии и т. п.), выяснение лиц, которые могут быть свидетелями по делу, розыск необходимых документов и т. д.

Предварительное расследование необходимо во всех случаях, когда необходим розыск в этом широком смысле слова, когда без рассле-

довательской деятельности нельзя ни установить лицо, ответственное за данное преступление, ни собрать доказательства его виновности.

В этих случаях указанные выше невыгодные предостия предварительного расследования предпочтительнее, чем необоснованное предание суду первого подвернувшегося под руку лица на основе случайных и односторонних материалов.

Но есть очень значительная категория дел, по которым в таких розыскных действиях нет надобности. Если с самого начала известно, кто должен быть обвиняемым по делу, если с самого начала известны доказательства, которые должны быть представлены в суд, если для получения этих доказательств нет надобности в каких-либо оперативных действиях вроде обысков, то все, что нужно для постановки дела на судебное рассмотрение, имеется налицо. Например протокол милиции о хулиганской выходке, приводящий данные о личности обвиняемого, о сущности его поступка и фамилии и адреса свидетелей, в большинстве случаев содержит в себе все необходимое и достаточное для судебного рассмотрения этого дела. Акт семенной инспекции НКЗема о недопустимых условиях хранения семян в колхозе, содержащий точное описание этих условий и состояния, в котором находятся семена, указывающий фамилии лиц, ответственных за хранение данных семян, и свидетелей, также может в некоторых случаях служить основанием для передачи в суд дела по ст. 111 УК РСФСР без предварительного расследования. Такое же положение может быть по очень значительному числу дел о нарушении правил уличного движения, о невыполнении заданий похозполиткампаниям, об обмеривании и обвешивании и т. п. Можно даже представить себе случаи, когда ревизионный акт о растрате какой-либо определенной суммы (не о систематических растратах с подлогами и т. п.) может служить достаточным основанием для передачи дела по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР непосредственно в суд.

Могут возразить, что например именно по делам по ст. 61 УК РСФСР имели место в большом числе неосновательные приговоры, что кажущаяся простота этих дел не избавляла суд от грубых ошибок. Но дело в том, что причиной этих ошибок было не отсутствие предварительного расследования по этим делам, а плохое качество судебного рассмотрения, штамповка этих дел судом. Предварительное расследование по этим делам, в тех случаях, когда оно производилось, сводилось обычно к выполнению ряда трафаретных действий и лишь давало суду лишнее основание к подобному «штамповальному» подходу.

Но допущение передачи подобных дел в суд без предварительного расследования может быть допущено, как уже было сказано, лишь при условии обеспечения тщательной судебной проверки обвинения.

Для этого необходимо установить ряд особых правил о порядке направления в суд такого рода дел и о подготовке их к слушанию:

1. Непосредственное направление в суд дел по таким статьям УК, по которым грозит...

«лишение свободы, должно производиться не иначе, как через прокурора, который может по каждому делу такого рода либо назначить предварительное расследование в полном объеме, либо произвести отдельные следственные действия, которые он найдет необходимыми».

2. По делам, поступившим непосредственно в суд, судья должен вызвать обвиняемого для ознакомления с делом и для выслушивания его ходатайств еще до внесения дела в судебное заседание.

Факультативный характер, приданный этому вызову ст. 256 УПК РСФСР, недостаточен. Вызов обвиняемого судьей должен быть обязательен.

В зависимости от характера ходатайств, заявленных обвиняемым, судья должен решить вопрос о возможности удовлетворения тех ходатайств, которые он признает уважительными, прямо в судебном заседании или о необходимости направления дела для производства предварительного расследования. По делам, по которым грозит лишение свободы, эти вопросы должны разрешаться в распорядительном заседании суда.

Сам обвиняемый должен иметь право просить о направлении дела для производства предварительного расследования. Отклонение этого ходатайства должно допускаться не иначе как по мотивированному определению распорядительного заседания суда.

3. Обвиняемому должна быть обеспечена возможность собрать и представить в суд доказательства, опровергающие обвинение. Для этого прежде всего должно быть установлено правило, что в случае ходатайства о том обвиняемого дело не может быть назначено к слушанию ранее 5 дней со дня ознакомления обвиняемого с делом.

Далее, обвиняемому по его просьбе должны выдаваться свидетельства на получение из различных организаций необходимых ему справок и документов, если судья или распорядительное заседание суда признает, что эти справки и документы необходимы для правильного разрешения дела. Отказ в выдаче таких свидетельств, а также в вызове свидетелей должен допускаться не иначе как по мотивированному определению распорядительного заседания суда. Удовлетворение же ходатайств обвиняемого может быть произведено единолично судьей.

4. Обвиняемому должна быть предоставлена возможность при ознакомлении с делом и заявлении ходатайств пользоваться помощью защитника.

5. Суд должен иметь право признавать обязательным поддержание прокурором обвинения на суде.

6. Порядок непосредственного направления в суд дел (помимо дел дежурных камер) не должен применяться в случаях, когда возникает необходимость в применении к обвиняемому в виде меры пресечения содержания под стражей.

Другие меры пресечения в случае их необходимости должны назначаться распорядительным заседанием суда после ознакомления обвиняемого с делом и по заслушании его ходатайств.

При соблюдении этих условий отсутствие предварительного расследования не грозит однобоким, неполным исследованием дела и ни в чем не ограничивает прав обвиняемого. Выгадываются же при этом не только расходы и время, не только то, что свидетели и другие связанные с делом лица должны будут являться для допроса один раз вместо двух, но и то, что обвиняемый не находится в тягостном положении подследственного и вопрос о нем разрешается со всей возможной быстротой.

Само собой разумеется, что по таким делам, как дела о контрреволюционных преступлениях и об особо опасных преступлениях против порядка управления, дела по законам 7 августа 1932 г. и 8 декабря 1933 г., дела об убийствах и тяжелых телесных повреждениях, дела о половых преступлениях, дела о грабежах и разбоях и, в соответственных случаях, дела о воинских преступлениях — про-

изводство предварительного расследования в полном объеме должно быть признано обязательным. Что касается дел о должностных преступлениях, то по этим делам непосредственное направление их в суд должно допускаться в исключительных случаях.

Указанный выше порядок не требует для своего осуществления изменения законодательства. Он ни в чем не противоречит действующему УПК РСФСР и УПК других союзных республик.

Но в целях ясности в этом вопросе и устранения возможности непосредственного направления дел в суд без соблюдения указанных выше необходимых гарантий желательно, чтобы указанные правила были преподаны как директива Верховного Суда и Прокуратуры СССР. В проект УПК следовало бы ввести специальную главу «о непосредственном рассмотрении уголовных дел в суде».

С. Фиделев

Гарантии для обвиняемого—гарантия доброкачественности приговора

Специальная юридическая печать уже давно бьет тревогу по поводу того «упрощения», которое на местах вносят судебные и следственные работники в свою работу. Высшие судебные органы с неослабевающей и наоборот все с возрастающей энергией борются против тех извращений и нарушений процессуальных норм, которые искажают всю перспективу дела и зачастую ведут к совершенно неправильным выводам. Совещания и обследования прокурорских и судебных работников не менее энергично проводят по этому поводу широкую разъяснительную работу. И тем не менее на этом участке судебно-следственной работы перелома еще нет, и даже не чувствуется со стороны следственных и судебных работников стремления к подобному перелому.

А между тем наши процессуальные законы в отличие от буржуазных, стремящихся лишь к соблюдению внешней формы в целях показа формального равенства при наличии ярко выраженного фактического неравенства, имеют глубокое внутреннее содержание, заключающееся в том, что с их помощью и содействием выявляется классовая сущность совершенного действия. Наши процессуальные законы по сложности и многостатейности совершеннее буржуазных законов. У нас они много короче и много проще. И в этом не недостаток, а огромное достоинство их. Но дальше сокращать уже сокращенное и упрощать уже упрощенное—это значит искажать и извращать целевую установку наших процессуальных законов.

Особо важное значение в советском уголовном процессе имеют те процессуальные нор-

мы, которые уже давно приобрели специальное название «гарантий для обвиняемых». Имея своей целью чуткий и осторожный подход к живым людям, для осуществления которого каждому обвиняемому предоставляются реальные возможности доказывать свою невиновность, эти законы о процессуальных правах лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, способствуют правильному разрешению всякого дела, что является единственно важным в советском суде и к чему последний единственно стремится. Казалось бы, что подобная целевая установка этих «гарантийных» норм со столь важным результатом, как правильное, соответствующее конкретным обстоятельствам и потому справедливое разрешение дела, обязывает органы следствия, прокуратуры и суда к особой бдительной охране этих норм и к особо решительной борьбе за их соблюдение. Однако практика говорит как раз о совершенно противоположном и свидетельствует о том, что некоторые органы следствия, прокуратуры и суда не только не ведут борьбы за охрану и соблюдение этих норм, но наоборот именно эти органы на местах, недооценивая все значение процессуальных гарантий для обвиняемых на данном этапе диктатуры пролетариата, являются главными и основными нарушителями этих процессуальных норм. При таком положении надо ли удивляться, что за растрату, совершенную при стечении ряда случайных обстоятельств, приговаривается к расстрелу молодая, неопытная, полуграмотная дочь красных партизан, отец которой расстрелян белобандитами Шкуро, брат которой тоже расстрелян белыми, мать которой красная партизанка, ныне инвалид, а сама подсудимая всегда вела трудовой

образ жизни?¹. И что странного в том, что при столь поверхностном отношении к личности сидящей на скамье подсудимой и к ее правам наш советский классовый суд не сумел отличить случайно ступившую на путь преступления трудящуюся от классового врага, совершающего преступления против социалистической собственности и подрывающего основные законы социалистического государства?

Или надо ли удивляться, далее, что Верховсуду пришлось во второй половине прошлого года выправлять приговор Хакасского суда, приговорившего за убийство бригадира колхоза «Заветы Ильича» к расстрелу одного из подсудимых, а второго к 10 годам лишения свободы на основе косвенных улик, причем предварительное следствие, имея в своих материалах указания на то, что пятна крови на сорочке обвиняемых принадлежали быку, которого кололи перед убийством бригадира, не удосужилось столь существенного по делу обстоятельства проверить, а судебное следствие велось столь небрежно, что в протоколе нашло отражение в такой форме: «свидетель Шушеначева перешла от показаний к чувствам»?². И что странного в том, что при подобном расследовании преступления на предварительном следствии и при подобном ведении дела на суде мог избегнуть привлечения к ответственности настоящий виновник преступления, намеки на которого имеются в материалах дела, но так же не обследованные ни на предварительном следствии, ни на суде?

Процессуальных норм, охраняющих права привлекаемых к следствию и суду и одновременно гарантирующих и оберегающих приговор от извращений и перегибов, наш Уголовно-процессуальный кодекс знает немного. Но каждая из этих норм, взятая в отдельности, и все они, вместе взятые, в особенности насыщены конкретным содержанием столь существенным и важным, что не возбуждают ни малейшего сомнения в том, что двойная цель их создания и существования — гарантия для обвиняемых и гарантия доброкачества приговора — полностью оправдывается.

Требование кодекса например об обязательном присутствии подсудимого на суде во всех случаях, когда последнему грозит лишение свободы, нашло себе яркое объяснение в постановлении президиума Верховсуда РСФСР от 3 июня 1932 г. по прот. № 18 как требование, не только охраняющее права обвиняемого, но и обеспечивающее правильный приговор. «Имел в виду, — говорит Верховсуд, — что одним из необходимых условий вынесения правильного приговора является полное и всестороннее рассмотрение всех обстоятельств дела и в особенности показаний и объяснений самого обвиняемого, признать, что рассмотрено дела в отсутствии обвиняемого на основании п. 2 ст. 265 УПК («если доказано, что подсудимый уклонился от вручения повестки о вызове в суд или скрывается от суда») может допускаться лишь в исключительных случаях, когда обстоятельства дела не вызывают никаких сомнений.

В остальных случаях, — категорически устанавливает Верховсуд, — в особенности когда обвиняемому грозит применение высшей меры социальной защиты, суд, как правило, не должен слушать дела о скрывающемся обвиняемом и обязан выделить дело о нем с тем, чтобы оно было возобновлено после розыска обвиняемого».

Правила, предусмотренные ст. 276 УПК, требующие от органов следствия разъяснения права и предоставления возможности обвиняемым ознакомиться со всеми материалами по делу на предмет их дополнения указанием обстоятельств, могущих иметь существенное для судьбы дела значение, есть не что иное, как стремление обеспечить всесторонним обследованием всех обстоятельств дела правильный не только по форме, но — и это главное — по существу судебный приговор.

Вот почему для того, чтобы эта действующая статья действующего УПК не бездействовала, по выражению т. Вышинского, «приходилось брать в штыки некоторых работников», а НКЮ РСФСР своим циркуляром от 10/II 1935 г. за № 11, устанавливая особый учет с занесением в специальный список следователей и прокуроров, не соблюдающих и нарушающих во время следствия процессуальные нормы, упоминает ст. 206 УПК отдельно от ряда других нарушений и искажений УПК. Вот почему и в резолюции первого всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников и первого всесоюзного прокурорского совещания мы читаем следующую категорическую директиву: «подтвердить к обязательному исполнению требование ст. 206 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик о предъявлении, по окончании расследования, следственных материалов обвиняемому в целях последующего, по его ходатайству, дополнения следственного производства новыми материалами».

Вручение обвинительных заключений каждому обвиняемому не в выписках, а непременно полностью (постановление президиума Верховсуда РСФСР от 3/IX 1934 г.) и притом не позднее, чем за три дня до слушания дела; восстановление фактически не действовавшего порядка обжалования действий органов расследования с соблюдением павил ст.ст. 107, 112 и 120 УПК (резолюция первого всесоюзного совещания судебных и прокурорских работников); возобновление распорядительных (подготовительных) заседаний с неперемнным вызовом и участием обвиняемых, если по вопросу, рассматриваемым в этих заседаниях, имеются заявления обвиняемых (разъяснение 47 пленума Верховсуда Союза ССР от 7/VI 1934 г.); установленное тем же разъяснением 47 пленума Верховсуда Союза правило о передаче дел по обвинению в должностных и хозяйственных преступлениях целого ряда должностных лиц в краевые, областные, главные и верховсуды «в целях устранения возможности необоснованного осуждения руководящих работников промышленности и сельского хозяйства и обеспечения наиболее квалифицированного рассмотрения дел этой категории в суде»; всякого рода иные постановления распоряжения и разъяс-

¹ «За соцзаконность» № 4 1935 г., стр. 37.

² «СЮ» № 9 1935 г., стр. 11.

яснения процессуальных правил и законов—все это явления одного порядка, направленные на то, чтобы за формальным действием не проглядеть живого человека и тем самым не нарушить классовый принцип нашего советского приговора.

Несмотря однако на приведенные категорические требования процессуального закона и многочисленные подтверждения крайней необходимости точного и безоговорочного их соблюдения, наши следственные и судебные органы в подавляющем большинстве случаев до сих пор не сумели проникнуться той основной мыслью, что правильного приговора без правильно проведенного следствия быть не может, а правильно проведенным будет следствие только тогда, когда наряду с исследованием обстоятельств, изобличающих обвиняемого, будут исследованы и обстоятельства, его оправдывающие или смягчающие его вину. До сих пор в наших следственных и судебных органах живы тенденции такого рода, что, мол, всякие требования и ходатайства лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, суть не что иное, как стремление затуманить, затушевать ясное, по мнению следователя, дело, а также затянуть его исследование, дабы скрыть следы преступления. И до сих пор наши следственные и судебные органы не могут (или не хотят) понять, что та совокупность мер, которая имеется в их распоряжении при расследовании каждого дела, является при правильном их применении абсолютно достаточной гарантией от тех извращений, которые в отдельных случаях могут пытаться вносить в следственное производство отдельные обвиняемые из числа классово чуждых элементов и перерожденцев. И в результате получают случаи вроде вышеприведенного, когда только вмешательство высшей инстанции спасает жизнь молодой 22-летней женщины.

«Надо наконец понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры...». «Мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого

работника, способного принести пользу общему делу».

Эти великие слова вождя мирового пролетариата не могут не дойти до слуха наших следственных и судебных работников. «Мы должны прежде всего научиться ценить людей». Это значит, во-первых, что каждый человек, попавший на исследование следственных и судебных органов, вправе рассчитывать на чуткое и внимательное к себе отношение, на осторожный к себе подход. Это значит, во-вторых, что каждому человеку, привлеченному к следствию и суду, должны быть предоставлены не только формальное право, но и широкие возможности реабилитировать себя всеми имеющимися у него способами и доказательствами, которые по его требованию должны быть исследованы всесторонне и до дна. Это значит, в-третьих, что каждое дело, за которым стоит живой человек, должно расследоваться так, чтобы собиравшись следственными органами не только доказательства его виновности, но и доказательства иного порядка, которые в своей совокупности порой могут окончательно подавить и уничтожить весь тот материал, который без них казался совершенно достаточным не только для предания суду, но даже для вынесения обвинительного приговора. Это значит, в-четвертых, что каждый обвиняемый на суде вправе требовать от лиц, определяющих его дальнейшую судьбу, беспристрастного, культурного к себе отношения, без грубостей и издевательств и без обвинительного уклона. Это значит, в-пятых, что «мы должны научиться судить за дело—это первое, кого следует—второе, судить культурно—третье, судить по закону, судить с душой—четвертое» (Каганович).

Надо наконец понять, что правильно проведенное предварительное следствие с соблюдением всех процессуальных норм и с полной охраной прав и интересов обвиняемого, проведенное в условиях советского процесса судебным следствием, гарантирует правильный, классово выдержанный и потому справедливый приговор. Тот советский приговор, который единственно может удовлетворить широкую общественность.

„Лозунг „Кадры решают—все“ требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к „малым“ и „большим“, в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д.“.

(СТАЛИН)

Бригада ИССП Комакадемии и Института уголовной политики в Минске

Поставленная т. Сталиным в его последней речи с исключительной глубиной задача — «Кадры решают все» ставит перед теоретическим фронтом вопросы огромной важности и сложности.

В частности в свете этих указаний т. Сталина приобретает особо серьезное значение вопрос о более широкой связи центральных научно-исследовательских учреждений с периферией, о более активной помощи местам в повышении теоретического уровня практических работников.

В особенности необходимо подчеркнуть важность этой задачи при разрешении вопроса о повышении квалификации работников судебно-прокурорского аппарата. Ибо в этом отношении, надо прямо сказать, правовые научно-исследовательские институты проделали еще совершенно недостаточную работу.

Выезд бригады в Минск с научными докладами выявил огромную тягу на местах к овладению марксо-ленинской теорией права, и в частности уголовного права. Кадры наши растут, они требуют квалифицированного освещения узловых проблем современной карательной политики. То большое внимание аудитории, которое было проявлено к поставленным бригадой докладам, является лучшим в этом отношении свидетельством.

Бригадой были поставлены следующие доклады, на которых присутствовали практические работники, студенчество и научные работники:

1) Волкова Г. И. — «Наказание в советском уголовном праве», 2) Шляпочникова А. С. — «Преступность в СССР за 1934 г.», 3) Маньковский Б. С. — «Расовая теория уголовного права германского фашизма». Помимо того Маньковским студенчеству были еще прочтены два доклада: «Авторитарная теория уголовного права» и «Социал-демократия и фашистская теория уголовного права».

Доклады были поставлены под углом речи т. Сталина, имеющей исключительное значение при анализе основных проблем советской уголовной политики.

Помимо докладов членами бригады тт. Ошеровичем и Дурмановым был изучен законодательный материал НКЮ и Верховуда БССР и материал судебной практики для подготовки учебника по юридическому минимуму для судебно-прокурорских работников Белоруссии. Собран исключительно ценный материал, показывающий очень важные особенности уголовного законодательства БССР по сравнению с РСФСР. Несомненно крупнейшим недочетом нашего теоретического фронта является то положение, что до сих пор серьезно еще не начато изучение особенностей уголовного законодательства национальных республик. Предварительные данные, которые получены в Белоруссии, уже дают возможность поставить целый ряд новых вопросов, которые ранее не

намечались. Выполнение в кратчайший срок задачи подготовки учебника по юридическому минимуму будет действительно эффективной и конкретной помощью органам юстиции Белоруссии со стороны научно-исследовательских институтов.

Бригадой был поставлен вопрос об организации в Минске группы товарищей для теоретической разработки вопросов уголовной политики во главе с т. П. В. Кузьминым. На совещании в НКЮ в этом отношении был принят ряд решений, и в частности в качестве первоочередной темы намечена разработка вопроса о должностных преступлениях, имеющего исключительное значение в свете речи т. Сталина. Принято также решение о постановке докладов минских работников в Москве, и в частности доклада т. Кузьмина о судебной политике в Белоруссии. На этом совещании т. Кузьмин сделал весьма интересное сообщение о практике органов юстиции Белоруссии в современных условиях, о формах тесной связи органов юстиции с партийными организациями (когда при отчетах секретарей райкомов например обсуждается также и вопрос о судимости в районе), что дало возможность снизить судимость по должностным преступлениям в четыре раза. Освещение т. Кузьминым ряда других вопросов, как например особенности современного бандитизма в Белоруссии, особенно показало совершенно недостаточное изучение нами огромной революционной работы органов юстиции, которая ими проводится в борьбе за построение бесклассового социалистического общества в национальных республиках.

Необходимо далее отметить, что бригада много получила из местного опыта и для развертывания научно-исследовательской работы. Так в этом отношении нужно отметить прекрасную организацию Института судебной экспертизы, оказывающего каждодневную практическую помощь судебным работникам. В особенности нужно подчеркнуть, что директор института т. Черваков организовал в институте крепко спаянный коллектив и добился высокой трудовой дисциплины, которой так не хватает часто во многих наших научных учреждениях.

Перед отъездом бригада была принята председателем Совнаркома т. Голодедом, который в беседе с большой ясностью и глубиной осветил очередные задачи органов юстиции. Прежде всего т. Голодед отметил огромное значение для правового теоретического фронта разработки проблем новой советской конституции. Справедливо было указано на крупные недочеты в нашей работе в этом отношении. Тов. Голодед далее отметил в качестве важнейшей задачи расширение политического и культурного горизонта работников юстиции. Он отметил, что «неграмотный юрист — либо болтун, либо администратор», что необходимо

серьезное внимание уделить историческому образованию юристов; широко образованный юрист сможет всегда четко применить советский закон в борьбе с разнообразными формами сопротивления классового врага, ибо никогда нельзя написать такие законы, которые могли бы предусматривать все случаи жизни; при поднятии теоретического уровня судебных работников нужно их заинтересовать весьма умелой пропагандой марксо-ленинской правовой теории, в силу чего, указывал т. Голодед, «НКЮ должен проявить также большие и педагогические способности». В работе суда,—говорил т. Голодед,—нужно уметь сочетать задачу принуждения и убеждения, ибо, применяя беспощадные меры расправы с классовым врагом, нельзя забывать, что суд также выполняет задачи «социалистической педагогики» и что «всякий судья и прокурор является социалистическим педагогом»; именно интересы социалистической педагогики требуют, чтобы приговор писался простым, понятным языком, иначе он теряет свою эффективность и убедительность. В качестве важнейшего недочета т. Голодед отметил совершенно недостаточную охрану судебными органами интересов личности трудящегося, и в частности чести трудящегося, ибо охрана последней в связи с проблемой советского патриотизма и любви к социалистическому отечеству приобретает особо актуальное значение.

Конечно в краткой заметке нельзя исчер-

пать освещения всех тех вопросов, которые поставил в своем выступлении т. Голодед (в частности о значении художественной литературы и театра для подъема культурного уровня судебных работников). Но эта беседа в исключительно яркой форме наметила решающие задачи органов юстиции на современном этапе. На совещаний у т. Голодеда было принято решение об организации в Белоруссии юридического журнала и об издании ряда работ. Тов. Голодед также предложил единовременное ассигнование на создание для судебно-прокурорских работников библиотек по художественной литературе. В заключение т. Голодед обратил внимание на необходимость систематической связи и систематических выездов московских работников с теоретическими докладами.

Нужно отметить, что бригада встретила в своей работе весьма товарищескую поддержку со стороны местных работников.

Опыт поездки в Минск показал, что такие выезды для нашей теоретической работы дают богатый материал. К намеченным очередным выездам в Киев, Баку и Тифлис необходимо провести уже сейчас серьезную подготовительную работу, чтобы в максимальной мере выполнить те задачи, которые стоят сейчас перед научно-исследовательскими учреждениями в области уголовной политики в современных условиях.

Г. Свердлов

Насчет острот

(Вместо фельетона)

С каждым человеком может в конце-концов приключиться такая неприятность. Как известно, человеку при рождении выбрать себе подходящих родителей не удается. Папу и маму человек при рождении получает вместе со всеми остальными жизненными принадлежностями в совершенно готовом виде. Получает такими, какие они есть. И вполне естественно, что при этих условиях у человека может оказаться неважная фамилия.

Но все равно, как бы эта фамилия ни звучала,—пусть это будет гоголевская Яичница, или чеховский Чепчик, или даже, предположим, Гусь,—все равно человеку ставить это в упрек просто неумно.

Все это довольно элементарно, все это установлено довольно давно и спорить против этого не приходится. И если бы кто-нибудь в обращении с человеком, носящим, предположим, гусиную фамилию, позволил бы себе какую-нибудь вольность насчет, скажем, пресловутого гуся, который свинье не товарищ, или что-нибудь еще в этом роде, то мы безошибочно могли бы сказать, что этот очаровательный шутник просто свинья.

И все же нам приходится констатировать, что люди, от роду страдающие неважными фамилиями, слишком часто еще—и это конечно очень грустно—испытывают прямо ужасные страдания от этаких развеселых шутников.

Но все это в конце-концов дело частное, житейское, дело такта в обращении между гражданами, и пусть уж сами граждане какнибудь разберутся в подобных неприятностях. Пусть меняют фамилии, пусть привлекают своих обидчиков к суду, пусть не водятся наконец с людьми, лишенными вкуса и тем не менее острящими.

Но вот, представьте себе, что человека, носящего фамилию Болотовский, передают суду. Еще неизвестно, чем кончится дело, еще суровое слово судьбы не произнесено, еще трудовая репутация человека не подорвана, приговор еще впереди. Но уже попросил слово прокурор. Он обличает подсудимого, он разбирает все улики, он настаивает на виновности подсудимого, он требует сурового наказания.

Все это хорошо. Прокурор убежден в виновности Болотовского, он может, он обязан требовать наказания.

Но прокурору нехватает концовки для своей пламенной речи, нехватает, как говорят, искорки, острого, запоминающегося словечка. И вот прокурор, с великолепным патетическим жестом протягивая руку в сторону подсудимого, бросает в залу изящную саркастическую шутку:

— Болотовский!.. Товарищи судьи, обратите внимание—показательная фамилия! Перед вами тот самый Болотовский, который произошел от слова болото, от знаменитых вонючих пинских болот, и нужно ли удивляться, товарищи судьи, если от Болотовского болотом воняет!

Ах, как смешно, как остроумно, как потрясающе остроумно! То есть, так и хочется от восторга покрыть горячими аплодисментами это симпатичное прокуророво лицо, так и хочется прошептать ему ласково и задушевно:

— Нельзя ли, прокурор, без выкрутасов?

Ведь от этой милой прокурорской шутки пахнет (чтобы не выражаться языком ее автора) уже не частной житейской обидой. Тут несет такой густой волной отвратительного чиновничьего чванства, барского пренебрежения к личности осужденного, от которой претит буквально на расстоянии пушечного выстрела.

Случай, о котором мы рассказываем, сейчас расследуется, и прокурорская острота, если она подтвердится, получит свою достаточно острую оценку. Но дело ведь не в этом конкретном случае. Дело, к сожалению, в том, что такие, или похожие на этот, факты не единичны.

Ах, это пристрастие прокурора, судьи, защитника снискать себе лавры человека «с острецей»! Как часто в погоне за дешевым успехом то большее ответственное дело, которое делает судебнo-прокурорский работник, искажается, дискредитируется фокусничаньем, гримасничаньем, неумным стремлением «театрализовать» серьезное политическое действие, происходящее в суде.

Судят в Москве группу кооперативных работников. Серьезное, сложное дело, в котором много за и много против, к которому приковано внимание большого многотысячного завода, в кооперативе которого работали подсудимые. В клубе этого завода происходит показательный процесс. Рабочие слушают дело внимательно, сурово и бдительно. Но вот, в ответ на какое-то показание одного из подсудимых, судья бросает реплику, отчетливо слышную всему залу:

— Ну да, понятно... Торговали—веселились, подсчитали—прослезились...

И очень довольный своей шуткой судья смеется. А в зале гробовая тишина.

Или оценка, о которой рассказал т. Вышинский в своем недавнем докладе. Случай, когда один московский судья, после разбора какого-то дела об увечьи, послал в догонку истице напутствие, построенное в стиле крепких базарных острот:

— Иди, иди, гражданка, да смотри, как бы тебя опять не смазали по физиономии оглоблей...

Мы вовсе не хотим, чтобы с лица советского судьи исчезла улыбка или другие эмоции, столь украшающие человека. И мы вовсе не хотим, чтобы прокурор походил на бездушную счетную машину, которая певнятной скороговоркой отстукивает номера параграфов, статей и пунктов уголовных законов. Наоборот. Пора признать, что красноречие, что ораторское искусство—это тоже качество, которое прокурору прямо к лицу. Пусть будут советские Демосфены. Пусть в каждом районе будет свой, советский Плевако. Мы не против.

Но если прокурор или судья острят так, что от их легкокрылых шуток лошади шарахаются, если их шутки и красноречие дискредитируют далеко не шуточное дело, которое им доверено,—тогда лучше не надо. Обойдемся без Плевака.

„Если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие,—мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях кадры решают все“.

(СТАЛИН)

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

3 февраля 1935 г. по делу Каманова, Васильева и др., осужденных Саратовским крайсудом по статье 58^а УК, президиум Верхсуда РСФСР вынес постановление, содержащее ряд принципиальных положений, являющихся абсолютно неверными и способных создать лишь путаницу в практической работе судебных органов.

Верхсуд РСФСР в этом постановлении разъяснил, что тех случаях, когда обвиняемыми совершены преступления «объективно являющиеся контрреволюционными», но «формально» попадающие под статьи, предусматривающие преступления неконтрреволюционного характера (ст.ст. 136, 109 и 110 УК и т. д.), суд, рассматривающий дело, должен квалифицировать преступления обвиняемых **одновременно и по этим статьям и по ст. 58^а УК.**

По смыслу этого разъяснения и дальнейшего изложения постановления президиума Верхсуда видно, что президиум Верхсуда имеет в виду те дела, по которым прямо не установлена контрреволюционная цель обвиняемых, но установлен объективный политический вред, причиненный их действиями.

В качестве примеров президиум Верхсуда приводит ряд действий, совершенных осужденным Саратовским крайсудом Камановым, который, будучи председателем сельсовета, «допустил вхождение в колхоз отдельных кулаков», «допускал и поощрял на почве охраны индивидуальной собственности самосуды над бедняками», «не принял мер к преданию суду кулака за убийство мальчика, залезшего к нему в огород, и т. д.

К подобного рода действиям, являющимся, по мнению Верхсуда «объективно безусловно контрреволюционными», президиум Верхсуда и предложил применить, комбинируемым путем, ст. 58^а УК и «неконтрреволюционные» статьи, предусматривающие соответствующие действия обвиняемых (ст.ст. 136, 109, 110 УК и т. д.).

Так как ст. 58^а УК имеет однако лишь определяющий характер и не предусматривает определенной санкции, то, как разъяснил президиум Верхсуда РСФСР, наказание назначается обвиняемому по ст. УК, прямо предусматривающей совершенные им действия (ст.ст. 136, 110, 109 УК), но «политическая квалификация» этих действий дается применением ст. 58^а УК.

Это разъяснение Верхсуда РСФСР Прокуратура Союза опротестовала по следующим основаниям:

Первое и основное требование, предъявляемое к любому судебному приговору, это определенность и четкость предъявленных осужденным обвинений.

Разъяснение Верхсуда может привести к тому, что по некоторой категории дел будут выноситься приговоры, страдающие неопределен-

ностью и противоречивостью, ибо, с одной стороны, эти приговоры фактом применения ст. 58^а УК будут констатировать наличие в действиях обвиняемых общих признаков контрреволюции, а с другой — назначением наказания не по статьям о контрреволюции будут признавать в этих действиях наличие признаков неконтрреволюционных преступлений.

Разъяснение Верхсуда создает, в сущности, своеобразное состояние «полуконтрреволюционности», характеризуемое тем, что суд, признавая данного человека контрреволюционером, идет на несвойственный советскому суду компромисс, «квалифицируя политически» для «очистки совести» преступления обвиняемого как контрреволюцию, в то же время карая его по статье, предусматривающей неконтрреволюционное преступление.

Разъяснение, данное президиумом Верхсуда РСФСР о порядке применения ст. 58^а УК к действиям, «объективно являющимся контрреволюционными», но «формально подпадающими под признаки ст.ст. 136, 109 и 110 и пр. УК», принципиально и практически совершенно неправильно и противоречит основам уголовного законодательства.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев 20 мая 1935 г. протест Прокуратуры Союза, постановила:

Принимая во внимание:

1) что ст. 58^а УК является определяющей статьей и не предусматривает никакой санкции;

2) что применение ст. 58^а УК к преступлениям, которые не являются контрреволюционными (ст.ст. 136, 109, 110 и др. УК) приводит к тому, что преступление неконтрреволюционного характера произвольно переводится в разряд контрреволюционного преступления;

3) что постановление президиума Верхсуда РСФСР приводит к такому положению, когда к лицам, совершившим неконтрреволюционное преступление (ст.ст. 136, 110, 109 и др. УК), будет применяться без всяких оснований квалификация их действий как контрреволюционных (по ст. 58^а УК), —

согласиться с протестом Прокуратуры Союза ССР и, находя постановление президиума Верхсуда РСФСР от 3 февраля 1935 г. неправильным и противоречащим основам уголовного законодательства, указанное постановление отменить.

Предложить председателю Верхсуда РСФСР разослать настоящее постановление для сведения всем краевым (областным) судам.

***

Водный суд Камского бассейна 26 ноября 1934 г. приговорил Иванова Ник. Сем. и Ель-

шина Илью Як. по ст. 109 УК — первого к 6 месяцам и второго к 3 месяцам и.-т. работ.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда за мягкостью по следующим основаниям:

Пароходы «Жемчужина» и «Ленинград», принадлежащие Камскому речному пароходству, были направлены на капитальный ремонт — первый в затон «Парижская коммуна», второй на завод им. Молотова.

Преддоговорное соглашение между КРП и затоном «Парижская коммуна» обязывало КРП поставить пароход «Жемчужина» в затон в полном вооружении.

Преддоговорным соглашением между КРП и заводом им. Молотова разоружение парохода «Ленинград» возлагалось на завод им. Молотова.

В нарушение указанных соглашений нач. МСС Камского пароходства Иванов, зам. нач. службы эксплуатации Ельшин, зам. нач. службы эксплуатации Сафронов распорядились направить пароходы «Жемчужина» и «Ленинград» в Чистопольский затон и затон им. Дзержинского (принадлежащие Камскому речному пароходству) для разоружения и уже после разоружения поставить эти суда на капитальный ремонт в затон «Парижская коммуна» и на завод им. Молотова.

Отдавая распоряжение о разоружении, Иванов и Ельшин в первой телеграмме предложили снять инвентарное имущество, в следующей телеграмме Иванов и Сафронов предложили «произвести полное разоружение», и третьей телеграммой Иванов приказал «снять все нужное могущее быть употреблено для судоремонта и других целей».

В полном соответствии с указанными выше телеграфными распоряжениями было произведено хищническое разоружение и фактически разрушение пароходов, особенно «Жемчужины». В частности с парохода «Жемчужина» были сняты инвентарь, оборудование, умывальники, унитазы, выломаны двери, вынуты рамы, оконные стекла, сорвана клеенка с мебели, клеенка со стен, линолеум, сорвана электропроводка и в довершение всего снята труба.

Материалами следствия (предварительного и судебного) полностью доказано, что работники службы эксплуатации Камского речного пароходства, руководствуясь местническими антигосударственными соображениями, распорядились произвести безобразное хищническое разоружение пароходов во вред государственным интересам, чем совершили тяжкое преступление.

Суд, совершенно не уяснив себе тяжести преступления и политическое значение дела, вынес приговор, явно не соответствующий характеру и значению преступления.

Верхсуд РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определил: приговор водного суда Камского района за мягкостью отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

**

»

Нарсуд г. Нежина 9 июня 1932 г. приговорил гр. Пискуна Макара к 10 годам лишения свободы по ст. 138 УК за подстрекательство к убийству членов своей семьи.

Киевский облсуд 25 июня 1932 г. отменил этот приговор за невыясненностью ряда существеннейших обстоятельств и передал дело на новое рассмотрение.

Однако УКК Верхсуда УССР 20 апреля 1932 г. отменила это определение облсуда и утвердила приговор нарсуда.

Прокуратура Союза, считая, что виновность Пискуна по делу не может считаться доказанной и что дело о нем подлежит прекращению, опротестовала решение УКК Верхсуда УССР по следующим основаниям:

15 марта 1932 г. вечером, в отсутствие Макара Пискуна, была убита его 12-летняя дочь Анна, тяжело ранена жена Приска и легко мать его Ульяна. Убийца был тут же опознан потерпевшими и оказался соседом Пискунов и их свояком — вторым мужем быв. жены брата Макара Пискуна гр. Петром Полевином. Вся обстановка убийства носила характер разбойного нападения в целях овладения имуществом. На это указывает и факт ограбления трупа убитой девочки. Однако убийца при допросе дал показания в том смысле, что его мол подговорил к этому убийству Макар Пискун, посулив ему за это 500 руб. и дав в виде задатка 45 руб. По словам Полевика, Пискун поручил ему убить не только жену и дочь, но и отца и мать (живших отдельным хозяйством), пощадив лишь двух младших ребят. Сделал он это для того, чтобы избавиться таким путем от своей семьи, мешавшей ему сожительствовать с некоей Иващенко, с которой Макар за несколько дней до убийства уехал куда-то под Москву.

На основании этого показания убийцы был задержан розыск Пискуна, но, не дожидаясь заключения последнего, Полевик был предан суду и осужден 11 апреля 1932 г. к 10 годам лишения свободы и тут же отправлен в дальние лагеря. Месяц спустя после этого Пискун вернулся домой и был арестован.

Таким образом дело это было расценено на две части: сначала судили Полевика (в отсутствие Пискуна), а затем Пискуна (в отсутствие Полевика). Расследование по обоим делам велось одновременно и обособленно, причем ни на предварительном расследовании, ни на суде очной ставки между ними устроено не было, так как Полевик после осуждения тут же был этапирован в дальние лагеря.

Таким образом нарсуд при рассмотрении дела Пискуна имел лишь письменные показания Полевика.

Этих показаний имеется три. Стоит сравнить их между собою, чтобы убедиться как в их противоречивости между собой по существеннейшим моментам, так и в надуманности и неправдоподобности той версии, какая в них преподносится.

Совершенно непонятно, какие мотивы могли толкнуть Пискуна на уничтожение всей своей семьи, в том числе подростка-дочери 12 лет, и стариков родителей, которые жили отдельно и совершенно не вмешивались в его личную жизнь. Мало того, даже и в отношении его жены Приски не могло быть никаких побудительных мотивов у Макара, чтобы ее убивать. По показаниям всех свидетелей, в том числе и самой Приски, отношения между супругами были хорошие, и даже супружеская

неверность Макара, о которой Приска давно знала и с которой мирилась, не вызывала между ними ни ссор, ни недоразумений. Во всяком случае Приска ничем не мешала мужу в его любовной истории с соседкой Иващенко. Зачем же нужно было Макару Пискуну таким зверским образом истреблять свою родную дочь, своих стариков родителей и даже свою — пусть нелюбимую, но не мешавшую ни в чем — жену, мать и опекуницу тех двух маленьких ребят, которых он, по словам убийцы, приказал пощадить? Зачем ему нужно было бросать на произвол, на расхищение, без всякого присмотра, свое трудовое хозяйство, все свое имущество, да еще платить за эту «услугу» убийце 500 руб.? Бессмысленность и надуманность подобной версии совершенно очевидна, бьет в глаза.

Все поведение Пискуна также говорит против этого предположения. Уезжая из села, он делал это открыто; родные знали, что он отправляется на заработки и скоро вернется; приехав в г. Егорьевск, где он поступил на работу, он шлет письмо в свою деревню, делая распоряжения по хозяйству; обещает скоро вернуться; в начале мая он действительно возвращается домой и, узнав о случившемся и о возникших против него подозрениях, не пытается скрыться, а сам добровольно идет в милицию. Разве такое поведение свидетельствует о его причастности к этому зверскому преступлению?

Добавочные соображения УЖК Верхсуда о том, что «Полевик частенько заходил в квартиру к Пискуну и выпивал с ним», во-первых, не совсем точно отражают то, что установлено по делу: заходил не «частенько», а изредка; а во-вторых, они не имеют никакого компрометирующего обвиняемого значения, так как Полевик и Пискун — соседи и свояки и кроме того, как видно из показания самой же Приски Пискун, незадолго перед убийством между ними происходил обмен зерна, что и вызвало посещение Полевикум и его женой квартиры Пискуна и женой последнего — квартиры Полевика. Связывать в какой-либо мере эти посещения с убийством нет решительно никаких оснований.

Таким образом по всему ходу дела ясно, что оговор Полевика, не подтвержденный решительно ничем, сделан был им для того, чтобы уменьшить свою собственную ответственность, чтобы таким путем избежать привлечения за разбойное нападение, грозившее ему расстрелом, а фигурировать только в роли наемного убийцы, действующего по чужой указке и под чужим руководством. Это ему удалось: судили его не по ч. 3 ст. 174 УК, как следовало бы, а по ст. 138, не за разбой, а за убийство.

И вот этого единственного, полного взаимных противоречий, по существу бессмысленного оговора, которому не поверила даже сама Приска Пискун, не поверили родители Макара, оказалось достаточным для суда, который не проверил его правильности, не видел и не слышал Полевика, а лишь читал противоречивые записки его показаний, — оказалось достаточным для того, чтобы осудить отца, мужа и сына за убийство родной дочери и покушение на убийство жены и матери. И это несмотря на то, что самая личность Макара Пискуна не

давала никаких оснований к подобным предположениям: он рядовой колхозник, имевший ранее середняцкое хозяйство, последние 3 года занимавший по выборам должность председателя сельского кооператива, никогда не судившийся, ничем решительно не опороченный.

По этим основаниям приговор суда в отношении Пискуна, вынесенный на основе непроверенного и не подтвержденного материалами дела голого оговора уличенного убийцы, спасающего этим свою собственную шкуру, никак не может быть признан правильным и правосудным.

Пленум Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда в отношении Макара Пискуна отменить и дело о нем производством прекратить.

Одновременно пленум постановил указать нарсуду на неправильность квалификации преступления Петра Полевика, которое следовало квалифицировать по ч. 3 ст. 174 УК УССР.

***

Сельский учитель, узбек Халил Рустамов, 27 лет, был приговорен нарсудом Бауманского р-на к 7 годам лишения свободы по ст. 212 УК УзбССР за растление недостигшей половой зрелости гр. Хидаят-Ай, являющейся в настоящее время его женой.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда как явно нецелесообразный по следующим основаниям:

Хотя факт полового сношения Рустамова с несовершеннолетней Хидаят-Ай и лишение им при этом ее дественности установлен бесспорно и таким образом все признаки преступления, предусмотренного ст. 212 УК, имеются налицо, однако суд при назначении наказания должен был учесть всю совокупность данных не только в момент совершения преступления, но и к моменту суда. Из дела видно, что указание в приговоре на то, что Рустамов, как учитель, использовал свое влияние на потерпевшую, как ученицу, неверно, так как он не являлся ее учителем. Близость между ними возникла в результате взаимного влечения и Хидаят-Ай добровольно ушла к Рустамову, чтобы стать его женой. Молодые люди и во время суда жили вместе как муж с женой, и никаких претензий потерпевшая к своему мужу не предъявляла.

При таких условиях формальный подход суда к этому случаю становится в резкое противоречие с жизнью и интересами самой потерпевшей. Правда, девушка не достигла в момент замужества половой зрелости, но из дела не видно, чтобы обвиняемый знал тогда об этом. Неопределенность ее возраста (по одним данным ей 14 лет, по другим — 16 лет) допускает возможность даже вполне добросовестного заблуждения его по этому поводу. Но даже если исходить из худшего — что он знал о недостижении ею половой зрелости, — то и в этом случае нецелесообразность столь жестокого приговора бьет в глаза.

Именно такие случаи противоречия между санкциями УК и требованиями жизни имел в виду закон, предоставляя суду право, в порядке ст. 52 УК, выходит за нижние пределы,

указанные в соответствующих статьях, не смотря на наличие состава преступления.

Надзорная коллегия Верховсуда УзбССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда по делу обвиняемого Халил Рустамова отменить и, учтя срок пребывания обвиняемого под стражей, на основе ст. 52 УК немедленно его освободить.

***

Линсуд Самара-Златоустовской ж. д. приговорил по ст. 59^в УК Гуменского Федора Дмитриевича к 2 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Гуменский был осужден за то, что, следуя с поездом № 829 со ст. Куванык до ст. Сара с толкачом в голове, в пути следования вел поезд неравномерно, делал автотормозами часто рывки, отчего получился на кривой при уклоне сход заднего ската 33-го от паровоза вагона. Это было замечено поездной бригадой, которая начала давать сигналы остановки. После сигналов об остановке машинист Гуменский неумело затормозил поезд, отчего сошли еще 3 вагона, которые были повреждены.

Комиссия, рассматривавшая происшествие, не нашла нужным предать суду Гуменского, а ограничилась снятием его с должности машиниста на 6 месяцев. Приказом ТЧ-10 констатируется, что Гуменский, будучи до этого случая командирован на ст. Куванык, образцово выполнял порученную ему работу. На транспорте он работает с 1909 г., не судился ранее.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Гуменского Федора Дмитриевича отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить, с направлением на разрешение в дисциплинарном порядке.

***

13 апреля 1933 г. нарсуд Бауманского района г. Москвы приговорил 1) Пальцева И. Н., пом. зав. магазином № 46, по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы и 2) Воронина П. Р., зав. магазином № 46, по ст. 111 УК к 3 годам лишения свободы.

КК Мосгорсуда приговор суда в отношении Пальцева оставила в силе, а в отношении Воронина изменила, определив ему меру наказания вместо лишения свободы 1 год н.-т. работ.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда в отношении осужденного Пальцева по следующим основаниям.

Из обстоятельств дела видно, что Пальцев 11 января 1933 г. был задержан с 5½ кило хлеба, в хищении которого он признал себя виновным.

Проверка движения хлеба по магазину № 46 за декабрь 1932 г., январь и февраль 1933 г. обнаружила недостачу 1647 кг хлеба; это послужило основанием к обвинению Пальцева в систематических хищениях, а зав. магазином

Воронина — в халатном отношении к своим обязанностям.

Недостача хлеба в магазине № 46 не могла явиться результатом хищений его одним Пальцевым. Кроме установленного случая хищения 5½ кило хлеба других случаев хищения со стороны Пальцева не выявлено. Причины недостачи такого большого количества хлеба установлены не были, в связи с этим у суда не было достаточных оснований для квалификации действий осужденного Пальцева по закону 7 августа.

Вторая коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда Бауманского района и определение КК Мосгорсуда в отношении Пальцева изменить, переквалифицировать его действия по п. «г» ст. 162 и ст. 111 УК и в отношении меры соц. защиты ограничиться отбытым им сроком.

***

Линсуд ж. д. БССР 25 ноября 1932 г. приговорил по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы гр-н: Ледохович Василия, Домократского Матвея, Ястребова Ивана и Шебеко Тита.

Все они были признаны виновными в хищении старых мостовых брусьев и шпал у полотна ж. д. Лепельской дистанции пути. Конкретно вина каждого из них выразилась в следующем.

Домократский, работая в качестве ремонтного рабочего пути и имея нужду в топливе, решил воспользоваться 8 старыми брусьями, лежавшими у полотна ж. д. Чтобы эти брусья подвести к себе домой, он обратился с просьбой к осужденному Ледоховичу дать ему лошадь. Ледохович, не доверив Домократскому свою лошадь, поехал вместе с ним за этими брусьями. По дороге у них сломалось колесо и они вынуждены были взятые брусья свалить в поле.

При обыске у осужденных во дворе было найдено: у Ястребова 9 шпал, у Шебеко 8 шпал, в поле обнаружены 6 или 8 брусьев и 4 шпалы, брошенные Ледоховичем и Домократским при поломке телеги.

Линсуд совершенно необоснованно приписал осужденным все хищения шпал и брусьев, имевшие место на указанной дистанции пути. На основе добытых данных не было основания квалифицировать действия обвиняемых по закону 7 августа и подвергать их столь суровому наказанию.

Определением транспортной коллегии приговор линсуда был оставлен в силе.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: принимая во внимание незначительность хищения и первую судимость, приговор линсуда и определение транспортной коллегии отменить, переквалифицировать преступление осужденных Ледоховича Василия Евстафьевича, Домократского Матвея Антоновича, Ястребова Ивана Каллистратовича, Шебеко Тита Андреевича на п. «д» ст. 162 УК РСФСР

и определить в соответствии с этим меру наказания 2½ года лишения свободы каждому с немедленным освобождением всех из-под стражи ввиду отбытия ими указанного срока лишения свободы.

***

Линсуд Московско-Казанской ж. д. 13 декабря 1934 г. приговорил Силичева Ивана Ивановича по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы. Кроме того суд удовлетворил гражданский иск ора в сумме 11 459 р. 87 к.

Определением транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 31 декабря 1934 г. приговор линсуда Московско-Казанской ж. д. был оставлен в силе, с исключением гражданского иска как нереального.

Существо дела заключается в следующем. Гр. Силичев, работавший заведующим магазином № 13 райорса на ст. Малаховка, Моск.-Казанской ж. д., в сентябре 1933 г., закупив в Москве у кустарной артели две партии хозяйственного мыла в количестве 4 094 куска, по цене 1 р. 60 к. кусок, перепродал все это мыло Лунинскому горту по цене 1 р. 90 к., причем часть мыла в количестве 2 345 кусков Силичев по книгам магазина не оприходовал и полученную таким образом разницу в цене (2 345 кусков по 30 коп. на кусок) — 703 р. 50 к. — обратил на покрытие штрафа, наложенного на агента магазина Лапцова за превышение последним конвенционных цен при покупке яиц.

Кроме того в результате неоприходования Силичевым 4 094 кусков мыла на 7 778 р. 60 к. Финорганами не была сделана соответствующая бюджетная паценка и не взыскан налог с оборота для сельских местностей. Впоследствии же (через 6 мес.) фининспектурой эта операция была выявлена и на райорсе были начислены по этой операции налог и паценка в сумме 9 723 р. 25 к.

Сам Силичев в своих первоначальных объяснениях на имя начальника ора, признавая неправильность своих действий, указал на то, что эту операцию он проделал для того, чтобы покрыть имевшиеся убытки по магазину в сумме 695 р. 20 к. (штраф, наложенный на агента Лапцова за превышение конвенционных цен, — 300 руб., стоимость отобранных яиц — 304 руб. и кроме того расходы по отправке капусты — 91 р. 20 к.).

Аналогичные показания были даны Силичевым и на предварительном следствии, где он указал: «зная, что этот убыток райорсом принят не будет, я решил покрыть его за счет неоприходованного мыла, что и сделал, получив 703 р. 50 к.»

При вторичном допросе и показаниях на суде Силичев также признал себя виновным в нанесении убытка орсу, указав, что он сделал это не с корыстной целью, а по своей неосведомленности.

Таким образом преступление Силичева заключается в том, что он, желая, покрыть убыток по магазину в сумме 695 р. 20 к., не заприходовал часть мыла, проданного Лунинскому горту, и полученные от этого деньги в сумме 703 р. 50 к. обратил на покрытие этих убытков.

Принимая во внимание, что в действиях Силичева нет личной корысти и он денег не присвоил, так как после покрытия убытков по магазину у него осталось только 8 р. 50 к., неправильные его действия явились следствием желания его покрыть убытки по магазину, нанесенные агентом Пайковым, и что Силичев ранее не судим и имеет положительные отзывы с работы, Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила заменить Силичеву Ивану Ивановичу 2 года лишения свободы исправ.-труд. работами сроком на 1 год с вычетом 15% зарплаты.

***

Линсуд Московско-Казанской ж. д. приговорил гр. Лукичева Федора Лотаповича по ч. 2 ст. 169 УК к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Определением транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 25 января 1935 г. приговор линсуда был оставлен в силе, с исключением из приговора конфискации имущества.

Лукичев, работая в должности вагонного цардчика на ст. Горький Московско-Казанской ж. д., 25 августа 1934 г., получив от вагонного мастера Слушаенко 20 000 руб. для выдачи зарплаты рабочим и выдав 25 августа 1934 г. часть денег, остальные деньги в сумме 4 735 руб. присвоил.

Кроме того Лукичев пытался похитить продуктовые карточки и талоны, подлежащие раздаче рабочим, и скрыться, но был задержан проводницей вагонов Ефремовой и другими рабочими.

При допросе на предварительном, а также на судебном следствии Лукичев признал себя виновным лишь в халатном отношении, указав, что 25 августа 1934 г. после выдачи части денег рабочим, он встретился со своим знакомым Тимофеевым, вместе с которым он пошел в буфет обедать. Во время обеда они выпили пол-литра вина и по три кружки пива, так как он, Лукичев, боялся, чтобы у него не похитили лежавших в кармане денег, он якобы передал их Тимофееву, который с ними скрылся.

Место жительства Тимофеева Лукичев не знает, так как, по его показаниям, «он лишь иногда встречался с ним на вокзале».

Преступление Лукичева (присвоение 4 735 р.) должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 116 УК, а не ч. 2 ст. 169 УК.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда. Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать преступление Лукичева на ст. 116 и определить ему в соответствии с этим меру наказания 3 года лишения свободы.

***

На перегоне Коканд—разъезд Массальский 23 января 1935 г. потерпел крушение товарный поезд № 912, вследствие которого оказались убитыми 3 человека и тяжело ранены 2 человека. От разбитых и поврежденных вагонов дорога понесла убыток 28 986 руб.

Обстоятельством, вызвавшим крушение, явилось назначение в качестве главного кондуктора малоопытного мл. кондуктора Хамдамова, вместо неявившегося на работу главного кондуктора Кодилова, который не обеспечил безопасность поезда.

Произошло это следующим образом: по сформировании состава п. № 912 нарядчик поездных бригад Позиллов предложил вместо главного кондуктора поехать младшему кондуктору Хамдамову, который от этого не отказался, надеясь с этой работой справиться. Поезд вел машинист Плескач. В пути следования по перегону имелся подъем, которого Плескач не смог преодолеть. Тогда Плескач предложил главному кондуктору Хамдамову отцепить часть состава с тем, чтобы вывести состав частями, что Хамдамовым было выполнено, после чего Плескач получил сигнал и отправился. Оставленная на перегоне часть поезда закреплена не была, почему она покатила обратно на ст. Коканд и со скоростью 40—45 км врезалась в маневровый состав.

Линсуд признал виновными в крушении и осудил следующих лиц:

1. Позилова — нарядчика кондукторских бригад к 7 годам лишения свободы за то, что он вместо того, чтобы вызвать другого главного кондуктора взамен главного кондуктора Кодилова, обязанного явиться, но не явившегося к поезду, отправил младшего кондуктора Хамдамова в роли главного кондуктора, хотя знал, что Хамдамов малоопытен в работе. Кроме того он не проинструктировал Хамдамова и не снабдил его сигналами.

2. Хамдамова — мл. кондуктора к 5 годам лишения свободы за то, что он, являясь мл. кондуктором, согласился заменить главного кондуктора п. № 912, в пути следования согласился трижды на осаживание машинистом состава, во время отцепки части состава не закрепил оставшегося на перегоне состава и не ограждал его сигналами, не доложил машинисту об ограждении и укреплении состава, не выдал машинисту письменного разрешения для дальнейшего следования поезда, не отобрал у машиниста Плескача жезл и не остался сам с хвостовой частью, а поехал вместе с головной частью, чем создал условия, повлекшие за собой крушение поезда.

3. Назирова, — мл. кондуктора к 5 годам лишения свободы за то, что допустил крушение неприятием мер к сокращению хода поезда, не затормозил тормоз, на котором он следовал.

4. Плескача — машиниста к 4 годам лишения свободы за то, что он, будучи машинистом п. № 912, следуя на подъем, не мог вывести состава, стал производить осадку поезда и наконец отцепил часть поезда, с которой уехал, не убедившись в закреплении оставшейся части, увез с собой жезл, который им был без ведома гл. кондуктора взят у ДСП, и увез с собой главного кондуктора.

Кроме этих лиц осужденные были еще ст. кондуктор Вабаходжаев, ДСП Климкович и зав. кондукторской бригадой Баранчиков.

Осужденные приговор обжаловали в транспортную коллегия Верховсуда Союза, которая определением от 31 марта приговор в части Вабаходжаева отменила и дело производством

в этой части прекратила, а Назирову снизила лишение свободы до 2 лет. В остальной части оставила приговор в силе без изменений.

Прокуратура Союза, считая приговор и определение транспортной коллегии неправильными в отношении Плескача, Назирова, Хамдамова и Позилова, опротестовала его по следующим основаниям:

В части Плескача. Судом осужден Плескач — машинист за неосуществление им таких действий, которых он по правилам технической эксплуатации и не обязан был совершить, — за неограждение и неукрепление оставшейся части состава. Эти обязанности возложены указанными правилами на кондукторскую бригаду, в частности — на главного кондуктора. Обвинение его в увозе с собой главного кондуктора совершенно неосновательно, ибо командиром поезда являлся гл. кондуктор, а не машинист, машинист не обязан был проверять, где находится главный кондуктор. Обвинение в увозе с собой железа является правильным, но этот факт никакого отношения к крушению поезда не имеет и никак не влиял на происшедшее крушение, и за этот поступок он мог быть привлечен лишь к дисциплинарной, а не к судебной ответственности.

Предание суду машиниста Плескача и его осуждение свидетельствуют о том, что как комиссия, расследовавшая крушение, так равно и судебно-следственные органы подпали под влияние последствий крушения и потеряли необходимый объективный анализ причин, повлекших за собой крушение, и роли в этом крушении каждого из работников поездной бригады, ибо иначе Плескач не мог быть привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В части Хамдамова приговор является слишком суровым, ибо суд бесспорно установил, что Хамдамов как гл. кондуктор случайный человек, что он малоопытен, чем и было вызвано с его стороны нарушение ПТЭ повлекшее за собой крушение.

В части Назирова приговор также слишком суров, ибо не получил распоряжение от гл. кондуктора о торможении вагонов при их отцепке.

В части Позилова приговор является правильным, но срок наказания слишком велик и не соответствует содеянному.

По своему социальному положению никто из них не является социально чуждым.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Плескача Николая Павловича отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить, с направлением на разрешение в дисциплинарном порядке, имея в виду, что со стороны Плескача допущено нарушение правил технической эксплуатации — оставление у себя жезла.

Определение транспортной коллегии в отношении остальных осужденных отменить и дело передать на вторичное рассмотрение в транспортную коллегия, с представлением копии определения председателю Верховсуда Союза.

***

Линейный суд Октябрьской ж. д. 21 октября 1934 г. приговорил в числе других б. продавца

магазина орса 4 района Октябрьской ж. д. Кабанова Г. А. по ст. 109 УК к лишению свободы на 2 года.

Приговором установлено, что:

Кабанов и Орлов (продавец) систематически в мае—июне 1934 г. занимались обвешиванием и остатками мяса ежемесячно (8—16 кг) делили между зав. магазином Титовым, пом. зав. Красавцевым и продавцами Орловым и Кабановым.

Орлов и Кабанов 31 июля 1934 г. продали клетку свежих огурцов за 45 руб. и деньги присвоили.

Орлов и Кабанов участвовали в пьянках вместе с зав. Титовым и пом. зав. Красавцевым в помещении магазина.

Линсуд осудил всех четверых к лишению свободы на 2 года каждого.

Транспортная коллегия Верховного Суда СССР приговор оставила в силе, переквалифицировав однако действия Титова и Красавцева на ст. 111 УК, признав, что в их действиях не было корыстных моментов, и определив им и.т. работы сроком на один год с удержанием 20%.

От осужденного Кабанова поступило заявление о том, что своим участием в означенных преступлениях он преследовал лишь цель разоблачения других осужденных по данному делу. Прокуратура Союза поручила особоуполномоченному НКВД по Ленинградской области произвести по существу заявления Кабанова расследование.

Расследование установило, что Кабанов — комсомолец-активист, и что действия его действительно имели целью уличить замеченных в злоупотреблениях лиц, совместно работавших с ним в магазине. Это нашло подтверждение и в материалах следствия — показанием Красавцева, указывающего на то, что о продаже клетки свежих огурцов на 45 руб. Кабанов в тот же день сообщил Красавцеву, чтобы уличить Орлова; об этом же дал показания на суде сам Кабанов.

В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, подтверждающими невинность Кабанова, Прокуратура Союза опротестовала приговор.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Кабанова Георгия Алексеевича отменить и дело о нем в уголовном порядке производством прекратить.

***

Линсуд Московско-Казанской ж. д. 13 января 1935 г. приговорил гр. Ивановского Виктора Дмитриевича по ст. 59^а УК к 2 годам и 6 мес. лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР 25 января 1935 г. приговор линсуда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда по следующим основаниям.

13 декабря 1934 г. Ивановский В. Д., работая дежурным по ст. Реутово Московско-Курской ж. д., при уборке поезда № 57 со станционных путей, не проверив проход хвоста поезда через стрелку № 20, перевел рычаг этой стрелки под движущимся составом, в результате чего одна цистерна сошла с рельс. Последствием этого происшествия было повреждение пути на 50 метров и порча двух стрелок, чем был причинен материальный ущерб в 3000 рублей.

При подъеме сошедшей с рельс цистерны вследствие неправильной организации подъемных работ, производившихся под руководством начальника вагонной службы управления Московско-Курской ж. д. Годовикова, цистерна эта была свалена, разбита, и бензин, находившийся в цистерне, вылился.

К уголовной ответственности был привлечен только Ивановский (материал о неправильной подъеме цистерны Годовиковым выделен) и линсуд Московско-Курской ж. д. в приговоре от 13 января 1935 г. указывает, что, хотя непосредственным виновником падения цистерны с бензином является Годовиков, но так как «подъем цистерны имеет причинную связь с происшествием, то вся сумма материального ущерба по существу значителен как нанесенная от неправильных действий Ивановского (преждевременный перевод стрелки № 20). Однако из имеющихся в деле материалов, актов служебного расследования и показаний свидетелей Березовского, Абросимова и др. с полной очевидностью устанавливается, что падение цистерны с бензином произошло исключительно по вине Годовикова, который, зная о том, что в тяжеловесных цистернах находится весьма огнеопасный груз — авиационный бензин, а также то, что цистерна стоит поперек 1-го и 6-го путей, все же распорядился тащить ее паровозом, и когда один паровоз не в силах был стащить цистерну, Годовиков потребовал второй паровоз и начал тащить цистерну двойной тягой, в результате чего цистерна свалилась на бок, получилась большая пробонна и бензин вытек.

Таким образом виновником падения цистерны является не Ивановский, а Годовиков, Ивановский же виновен лишь в неправильном переводе стрелки № 20 под движущимся составом.

Принимая во внимание, что Ивановский работает на ж.-д. транспорте 10 лет, не имел административных взысканий и имеющимися в деле справками характеризуется как хороший производитель, нецелесообразно применение к нему меры социальной защиты, связанной с лишением свободы.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила заменить Ивановскому Виктору Дмитриевичу лишение свободы 1 годом и.т. работ с удержанием 10% зарплаты.

***

Линсуд Московско-Курской ж. д. 3 февраля 1935 г. по ст. 59^а УК приговорил Дубинкина Ивана Михайловича к 2 годам лишения сво-

боды и Гурьева Макара Степановича — к 1½ годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР 22 февраля 1935 г. приговором линсуда оставила в силе.

Сущность дела заключается в следующем.

23 декабря 1934 г. на перегоне Домодедово—Востряково Московско-Курской ж. д. поездом дальнего следования № 74 под управлением машиниста Дубинкина и пом. машиниста Гурьева были задавлены 4 рабочих строительства магистрали Москва—Донбасс, которые шли по путям, возвращаясь с работы.

Из имеющихся в деле материалов видно, что указанный случай произошел при следующих обстоятельствах.

28 декабря 1934 г. рабочие магистрали Москва—Донбасс в числе 24 человек, окончив работу, направились по полотну ж. д. на площадку Востряково для того, чтобы с первым же пригородным поездом поехать домой на пл. Ленинская.

Идя по полотну ж. д., рабочие увидели, что пригородный поезд № 127 со стороны Каширы уже подошел к площадке Востряково. Не желая опоздать к этому поезду, рабочие бросились бежать, обгоняя друг друга, дабы успеть уехать с этим поездом.

В этот момент к площадке Востряково со стороны Москвы подходил пассажирский поезд дальнего следования № 74 под управлением машиниста Дубинкина и пом. машиниста Гурьева.

Как видно из материалов дела, машинист Дубинкин при скрещении поездов дал один короткий свисток. Кроме того, по показанию ряда свидетелей (Чистякова, Вершинина), Дубинкин дал еще 2 предупредительных сигнала. Из показаний свидетелей Ярыгина, обвиняемого Гурьева видно, что видимость у машиниста была очень плохая в виду сильного парения салыников.

Осужденный Дубинкин как на предварительном, так и на судебном следствии виновным себя не признал, указав, что им были приняты все необходимые меры. Осужденный пом. машиниста Гурьев на суде подтвердил свои показания на предварительном следствии и указал, что машинист Дубинкин действительно предупредил его, чтобы он усилил бдительность с его стороны, так как со стороны машиниста видимость была плохая. Однако, смотря в окно, Гурьев никого на путях не видел и как только заметил идущих по путям рабочих, он сразу же сказал машинисту и последний дал несколько сигналов.

Это обстоятельство было подтверждено на суде и свидетелями (Ярыгин, Першинин и др.).

Таким образом халатность со стороны машиниста Дубинкина и пом. машиниста Гурьева материалами дела не установлена.

Дубинкин работает на ж.-д. транспорте 26 лет, именуясь в деле материалами (характеристика треугольника, утвержденная на общем собрании паровозных бригад) характеризуется как хороший работник-ударник, паровоз которого как лучший по техническому состоянию был выделен в первый всесоюзный конкурс. Гурьев работает на транспорте 10 лет, также имеет положительные отзывы и до этого случая никаких взысканий не имел.

Считая по этим основаниям применение к Дубинкину и Гурьеву лишения свободы нецелесообразным, Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переqualificировать преступление Дубинкина Ивана Михайловича и Гурьева Макара Степановича на ст. 139 и заменить лишение свободы условным осуждением на срок, определенный им линсудом, с испытанием в течение одного года каждому.

... „Только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры“.

(СТАЛИН)

По союзным республикам

РСФСР

СУДЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР ПРОВОДЯТ «СВОЮ» ЗАКОННОСТЬ

Строжайшее соблюдение революционной законности — одна из основных задач суда как органа пролетарской диктатуры. Проведение этой задачи требует от работников юстиции повседневной, упорной и настойчивой борьбы за качество выносимого приговора; четкого и ясного изложения обстоятельств дела, соблюдения процессуальных норм и т. д.

Наряду с этим следует подчеркнуть, что борьба за качество и соблюдение процессуальных норм не должна быть оторванной от борьбы с волокитой, бюрократизмом, невнимательным отношением к людям со стороны отдельных бюрократов, пролезших в наши советские органы и пытающихся своими действиями оказывать сопротивление социалистическому наступлению. Борьба с проявлением этого рода сопротивлений должна быть поставлена в центре внимания наших работников юстиции и особенно в аппарате самого суда.

Проводится ли эта борьба судами Бурят-Монгольской АССР? Нет ли здесь нарушений революционной законности? Сказать, что борьба проводится, что законность не нарушается — никак нельзя. Чтобы не быть голословным в своих утверждениях, я позволю себе сослаться на целый ряд фактов, имеющих в моем распоряжении и говорящих об исключительно безобразном отношении к этому делу целого ряда судебных работников Бурят-Монголии. Например нарсудья Закаменского аймака (района) БМАССР, рассматривая дело по обвинению колхозников Цырепилова и Дульманова по закону 7 августа 1932 г., выносит приговор, в котором дословно говорится: «Цырепилова и Дульманова по закону 7 августа 1932 г. подвергнуть и.-т. работам на 3 месяца с отчислением 50% зарплаты в пользу государства и с испытательным сроком на 2 года. Решение окончательное и обжалованию не подлежит» (дело № 151 за 1934 г.).

По другому делу этот же нарсудья выносит приговор: Бадмаеву Цырен Доржи и Хандуеву Бадму по ст. 156 УК подвергнуть 1 месяцу и.-т. работ каждого без отрыва от колхозного производства с испытательным сроком на 5 лет. Решение окончательное и обжалованию не подлежит» (дело № 152 за 1934 г.).

Сказать, что судья в данном случае руководствовался социалистическим правосознанием — никак нельзя. Ярким примером отсутствия социалистического правосознания и потери классового чутья у этого же нарсудьи является следующее. Рассматривая дело по обвинению гр. Жаргалова Д. по п. «г» ст. 162 УК

(кража 560 руб. из кассы сельпо), суд выносит приговор: «Жаргалова Доржи, 17 лет, подвергнуть по п. «г» ст. 162 УК лишению свободы сроком на 10 лет, но по несовершеннолетию на основании ст. 50 УК меру соц. защиты снизить до 5 лет» (дело № 1—316 за 1934 г.). Санкция п. «г» ст. 162 УК предусматривает лишение свободы до двух лет или и.-т. работы до одного года. Но какое дело нарсудье до этого? У него «свои» законы, отличные от общих всероссийских законов. И на этом еще не кончается. Вот образец того, как этот судья искажает линию партии и правительства:

Лодоев Садбо, кулак, по ст. 192-а УК приговорен к 2 годам лишения свободы;

Роднаев Цибен, лама, по этой же статье и на этот же срок;

Жинбаев Санжа, бедняк—тоже;

Дашеев Нима, середняк—тоже;

Бургутов Цырен, бедняк—тоже.

Из приведенного примера видно, что нарсудья совершенно не обращает никакого внимания на классовую сторону обвиняемого. Будь это кулак, лама, бедняк—нарсудья подходит ко всем с одной «меркой» и «стрижет», как говорят,—под одну гребенку.

Закаменский нарсуд не единственный в своем роде и не составляет исключений в этих художествах.

Еще факт из практики «работы» этого же нарсуда. Перед нами копия приговора нарсуда от 25 февраля 1935 г.; несмотря на его «красочное» изложение стиля, мы опускаем описательную часть его, а ограничимся приведением только резолютивной части. Суд пишет: «Старкова Г. С., русского, грамотного, холостого, 19 лет, подследственного по ст. 162 УК, лодыря колхозного производства, исключенного из колхоза, подвергнуть по ст. 74 УК 2 годам лишения свободы, по ст. 142 УК 3 годам лишения свободы и по ст. 73 УК 5 годам лишения свободы, заменив последнее мерой соцзащиты, предусмотрено мерой соцзащиты по ч. 2 ст. 74 УК и по ч. 1 ст. 142 УК, и Тюрина П. А., русского, малограмотного, беспартийного, 20 лет, холостого, колхозника, несудимого, Нарынского с/с подвергнуть по ч. 2 ст. 74 к 1 году и.-т. работ по ч. 1 ст. 142 УК к 2 годам лишения свободы, засчитать мерой, предусмотренной выше; мерой пресечения Старкову избрать содержание под стражей, Тюрина оставить на свободе до вступления приговора в законную силу» (дело № 150, нарсудья т. Бертунов).

А вот второй факт из практики «работы» нарсудьи Бертунова: «гр. Батурина К. К., 32 лет, русского, женатого, малограмотного, беспартийного, средняк-единоличник, несудимый,

уроженец с. Тарбогатай, проживающий в с. Н. Убукун и Хомуев М. М., русский, 26 лет, женат, малограмотный, беспартийный, середняк-единоличник, уроженец с. Н. Убукун, подвергнут по ч. 2 ст. 61 УК к мере соц. защиты лишение свободы сроком на два года с конфискацией части имущества, мерой пресечения избрать под стражу» (приговор от 14 августа 1934 г.).

Аналогичные случаи нарушения законности имеют место и в других судах республики (Тарбогатайский нарсуд, Агинский, Хоринский, Кяхтинский и другие) и в городском суде, находящемся рядом с главным судом. Здесь вы всегда натолкнетесь на факты волокиты, бюрократизма, нарушения революционной законности и т. д. Этим примером имеется очень много, но, чтобы не загромождаться ими, я позволю себе сослаться только на такой факт. Городской судья т. Коротков, рассматривая дело по обвинению гр. Пентс по ст. 159 УК, выносит приговор, согласно которому Пентс приговаривается к 3 месяцам и.т. работ при колонии массовых работ (санкция же по ст. 159 УК предусматривает всего 2 месяца и.т. работ).

Обо всем этом главсуд Бурят-Монгольской АССР знает, но никаких мер не принимает. Больше того, главсуд сам нарушает революционную законность. Доказательством этого является следующее. Нарсудом Хоринского аймака от 12 декабря 1934 г. были осуждены: Машанов И. В. по ст.ст. 73 и 146 УК к 5 годам лишения свободы, Сотников Н. Т.—к 2 годам лишения свободы и Урбатов П. С.—к 3 годам лишения свободы. Кассжалоба осужденных поступила в главсуд 20 января 1935 г., а рассмотрена она была только 28 марта 1935 года, т. е. через два месяца и восемь дней после ее поступления. Приговор был отменен и осуждение подлежали немедленному освобождению из-под стражи, однако определение КК главсуда пролежало в столе члена главсуда 10 дней и было отправлено только 7 апреля 1935 г., и то по требованию соответствующих органов.

Осужденные нарсудом Закаменского аймака Очипов Д. и Логинов Г. 4 ноября 1934 г. по ст. 166 УК к 5 годам лишения свободы каждый подали кассжалобу в главсуд, КК которого в заседании своем от 25 декабря 1934 г. дело в уголовном порядке прекратила. Осужденные подлежали немедленному освобождению, но так как определение послано не было, то они содержались в заключении до 4 марта 1935 г.

Осужденные этим же нарсудом 12 октября 1934 г. по ч. 1 п. 3 ст. 60 УК Мандалов Л., Дымпилов Р., Цыбиков Ж. и Ласарионов С. (так написано и в определении.—П. С.) к 2 годам лишения свободы каждый подали кассжалобу в главсуд. КК под председательством зам. предглавсуда Мосюкова 28 ноября 1934 г. приговор отменила и дело в уголовном порядке прекратила. Эти осужденные подлежали немедленному освобождению из-под стражи, но в виду невысылки определения нарсуду они находились под стражей до 4 марта 1935 г., т. е. четыре месяца и семь дней и содержались бы дольше, если бы не вмешался ОМЗ УНКВД.

Я привел только пару примеров из целой

серии случаев беззакония, которые говорят о неблагополучии в главном суде БМАССР, о которых знают пред. главсуда т. Хабаев, и его заместитель т. Мосюков, но мер никаких не принимают. Когда к ним обращаются по таким делам, они отвечают: «разберемся». Но конкретных результатов от этих разборов пока не видно. Доказательством этому является следующее. Осужденные к 10 годам лишения свободы каждый Пигучин и Дарижанов подали кассжалобу в главсуд. КК, рассмотрев жалобу, пишет начальнику ФЗИТК, что приговор такого-то нарсуда по обвинению Пигучина и Дарижанова оставлен в силе, а кассжалоба — без последствий, изложенное сообщается «для исполнения» (подписал председательствующий член КК главсуда Шепелев). Получив такое уведомление, начальник колонии осужденных отправляет в лагери, а спустя месяц приходит определение, в котором за подписью того же Шепелева было написано, что мера соц. защиты осужденным Дарижанову и Пигучину понижена—первому до 5 лет, а последнему до 1 года и.т. работ.

Нельзя обойти молчанием и такой случай: в Улан-Удэнской ФЗИТК содержатся заключенные: Гребенщиков И. И. с 26 октября 1934 года и Дондуков Б. с 2 ноября 1934 г., дела которых находятся более 5 месяцев «на рассмотрении» у нарсудьи Тарбогатайского района. Этот нарсудья, несмотря на категорические требования начальника колонии о быстрейшем рассмотрении дел, продолжает упорно молчать. Вмешательство ОМЗ УНКВД через прокуратуру республики и председателя главсуда не дало результатов. Предглавсуда т. Хабаев и его заместитель т. Мосюков разводят руками: да, действительно безобразно, но что поделаешь с таким судьей, он и на наши приказания не обращает внимания...

Вот еще один факт, умолчать о котором нельзя. Выездной сессией главсуда 10 марта 1933 г. было осуждено по закону 7 августа несколько граждан, в числе которых был осужден гр. Перфильев В. А. к 10 годам лишения свободы. По кассжалобе осужденных дело рассматривалось в Верховном суде РСФСР. 19 мая 1933 г. приговор был отменен, дело возвращено главсуду для производства дополнительного расследования. 23 июля 1933 г. главсуд это дело направил прокурору Агинского аймака для производства дополнительного расследования, осужденных освободили из-под стражи, кроме Перфильева. Где находится это дело сейчас — никто не знает. На телеграфный запрос ОМЗ УНКВД о положении дела, расследуемого прокурором Агинского аймака, последний отношением от 16 марта 1935 г. сообщил, что дела по обвинению Перфильева в его производстве нет и не было. Принятые меры к розыску дела Перфильева результатов не дали. Дело оказалось затерянным. Поставленный перед прокуратурой республики вопрос о дальнейшем содержании под стражей Перфильева находится все еще «в стадии предварительного разрешения».

Несмотря на то, что законных оснований для содержания под стражей Перфильева нет, он содержится под стражей, и эта «история» продолжается почти 2 года.

Всякие обращения в главсуд и прокуратуру республики с требованием принятия решительных мер к устранению подобных нарушений законов остаются для них фактами, «не имеющими никакого значения». От этих работников приходится слышать одно — «примем меры, чтобы устранить нарушения». Но дальше разговоров дело не движется.

Характерно отметить еще такой факт, когда кассжалобы осужденных, направляемые в Верховный суд РСФСР, последним рассматривались в 4—5 раз быстрее, чем кассжалобы, направляемые в главсуд БМАССР, который раньше 2 месяцев почти ни одного дела не рассматривал. Есть факты, когда отдельные дела в КК главсуда рассматривались (и сейчас рассматриваются) по 6 месяцев.

Подобных случаев волокиты, безответственного отношения к делу, нарушения революционной законности можно бы привести еще целую серию, но можно ограничиться и тем, что было приведено выше, их вполне достаточно, чтобы сказать, что это «люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают таким образом основы партийной и государственной дисциплины, эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, их надо смещать с понижением по должности и опубликовывать об этом в печати... Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе» (Сталин, Отчетный доклад XVII партсъезду, стеногр. отчет, стр. 34).

П. САФОНОВ

КАК АПШЕРОНСКАЯ ПРОКУРАТУРА УЧАСТВУЕТ В ВЫПОЛНЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

На территории Апшеронского района, Азово-Черноморского края, расположены Апшеронский и Хадыженский нефтепромысла треста Майнефть и громадные массивы ценных пород леса.

Нефть и лес определяют лицо экономики района. Это обязывало районную прокуратуру организовать так свою работу, чтобы прокуратура помогала выполнению производственной программы. Помощь прокуратуры должна была выражаться в борьбе за качество продукции, за охрану социалистической собственности, за укрепление трудовой дисциплины, за улучшение бытовых условий рабочих и инженерно-технических работников (вопросы рабочего снабжения, общественного питания, своевременной выплаты зарплаты и др.).

Апшеронские и Хадыженские нефтепромысла в 1934 г. программу по добыче выполнили на

106,3 проц. Нефтяная промышленность района добилась всесоюзных показателей по скоростям бурения. По лесу план был выполнен по заготовке на 106,4 проц. И самой высокой наградой для работников районной прокуратуры было признание руководства нефтяной и лесной промышленности, что прокуратура имеет все права делить радость победы вместе с лучшими мастерами, бурильщиками, инженерами. Это же констатировало и бюро РК ВКП(б) в решении по отчету о работе райпрокуратуры.

Как же мы работали?

Прежде всего мы на всех предприятиях, во всех цехах, на буровых и на лесоучастках организовали свой актив. Всего райпрокуратура имеет актива 193 человека, входящих в состав 43 групп содействия прокуратуре. По принадлежности наш актив составляет—коммунистов 23 человека, комсомольцев 37 человек и беспартийных 133 человека.

За второе полугодие прошлого года наш актив выполнил 149 поручений райпрокуратуры. От актива было получено 38 сигналов. Силами актива самостоятельно расследовано три уголовных дела.

В числе полученных сигналов были ряд ценных сообщений о преступлениях и о нарушениях законов в отдельных цехах и предприятиях.

Так например от группы актива Хадыженских нефтепромыслов было получено сообщение о злоупотреблениях в гараже промыслов. На место был выслан народный следователь для проверки сообщенных фактов. В результате были сняты с работы заведующий гаражем и его заместитель.

Ценный сигнал был получен от актива Апшеронских нефтепромыслов. Актив установил и сигнализировал о том, что механическая мастерская в Нефтегорске систематически выпускает недоброкачественное монтажное оборудование, из-за чего часто простаивают буровые, в частности большой простой имел место на буровой № 142. Виновные привлечены были к ответственности.

Группа содействия на паротурбинной электростанции выявила, что бухгалтерия ПТЭС ведет неправильный учет среднего заработка рабочих при выплате пособий по больничным листам. Это сообщение было проверено через бухгалтерию треста,—сигнализация полностью подтвердилась, прокуратура заставила произвести перерасчет и 36 рабочих получили 492 руб.; за допущение таких безобразий с работы был снят и привлечен к ответственности счетовод.

Кроме актива прокуратура имеет пять сосовместителей. Все они рабочие, один, член пленума крайкома ВКП(б) Суховеев, бурильщик Апшеронских промыслов. За вторую половину 1934 г. от сосовместителей было получено 16 сигналов. Кроме того они выполнили 72 поручения прокуратуры. За четыре месяца 1935 г. от сосовместителей было получено 11 сигналов, выполнено ими 47 поручений. Нужно отметить одну ценную информацию сосовместителя Дегтерева (сосовместитель по лесной промышленности), который сообщил о том, что начальник строительства узкоколейной железной дороги дал незаконное распоряжение разобрать детали ферм, полученных для стро-

ительства моста, по распоряжению начальника Крестникова. Разобранные фермы были израсходованы на строительство бани. По материалам соцсовместителя против начальника строительства Крестникова было возбуждено уголовное преследование по ст. 109 УК.

Актив работал неплохо, только потому, что работники прокуратуры немало поработали с самим активом. Постоянные совещания, живой инструктаж, живая связь, радиопереклички — вот способы нашей работы с активом.

Кроме работы с активом работники прокуратуры проводили среди рабочих предприятий массовую работу. За второе полугодие 1934 г. на массовых собраниях было проведено 39 докладов и бесед. За четыре месяца 1935 г. было проведено 22 доклада и бесед. Темы бесед самые разнообразные: о задачах актива по вопросам борьбы за качество, по вопросам дисциплины и трудового законодательства, разъяснение новых законов и наконец постоянные систематические отчеты о работе прокуратуры. Прокуратура отчитывалась за работу каждого полугодия. О работе за первое полугодие 1934 г. было сделано 9 докладов, о работе второго полугодия — 12.

Имея актив, постоянно вращаясь среди рабочих цехов и предприятий, работники прокуратуры знали, что делается на каждом участке работы. Там, где можно было, применяли меры профилактического порядка, там, где имели место преступления, виновных привлекали к ответственности и судили.

По возбуждаемым делам прокуратура быстро проводила следствие, организовывала показательные процессы с выездом на места, дела широко освещались в местной печати.

Приведу несколько примеров: на узкоколейной дороге леспромабината участились случаи крушений и аварий с передвижным составом. За один только март 1935 г. на дороге было три крушения. В течение десяти дней провели следствие, организовали показательный процесс с выездом на дорогу, осудили прораба дороги Днепровского к двум годам лишения свободы, двух дорожных мастеров, артельного старосту, всего пять человек. Дело до рассмотрения в суде и после процесса было освещено в газете. В результате после суда на дороге был проведен ряд практических мероприятий по предотвращению крушений и аварий.

19 марта с. г. рабочий, плотник Хадыженских нефтепромыслов Лыгеза Михаил, работая по разборке вышки на буровой № 9, перелезая с десятого креста на девятый, отвязал предохранительный пояс. Соскользя с бревна, он упал с высоты 22 метров и разбился. Расследование установило, что на Хадыженских промыслах при строительстве и разборке буровых вышек грубо нарушались требования техники безопасности. На вышках не устраивались предохранительные деревянные настилы или сетки, которые могли бы удержать упавшего рабочего. Было установлено, что в этом деле халатную бездеятельность проявил инженер по технике безопасности Иванов, который к работе по технике безопасности подходил формально, занимаясь только тем, что брал расписки, подписки и справки об инструктаже, рабочих и мастеров, сам на производстве не

бывал и не знал, в каком состоянии находится техника безопасности. Было установлено, что начальник строительного цеха также не занимался вопросами техники безопасности. Через пять дней после окончания следствия на промыслах был проведен показательный судебный процесс. Инженер Иванов осужден к трем годам лишения свободы, начальник цеха Бредихин к полутора годам лишения свободы и бригадир Червоный к шести месяцам и. т. работ. Кроме этого суд вынес частное определение, обязывающее дирекцию треста организовать на всех вышках предохранительные настилы или сетки. После этого процесса несчастных случаев на промыслах не было.

Апшеронский лесопромкомбинат на протяжении долгого времени систематически не выплачивал зарплату рабочим по 2—3 месяца. Руководители отдельных участков комбината заработную плату расходовали на другие цели. Начальник строительства Шраменко средства, ассигнованные на зарплату, тратил на приобретение материалов и инструментов, растратив таким путем за один только январь месяц 6 тысяч руб., при месячном фонде зарплаты в 15 тыс. руб., за февраль им из фонда зарплаты на другие цели было разбазарено 2400 руб. В течение трех дней было проведено следствие по этому делу, и через три дня суд, выехав на производство, слушал это дело показательным процессом. Шраменко был осужден к 2 годам лишения свободы. Кроме привлечения к ответственности Шраменко прокуратура приняла меры к погашению задолженности по зарплате. Зарплата выплачена.

На промыслах Майнефти на автотранспорте часто имели место аварии. За 1934 г. 27 проц. машин имели аварии. Нередко аварии вывели из автомашин совершенно из строя или на продолжительный срок. Прокуратура, придавая этому виду преступления большое значение, организовала ряд показательных процессов против лиц, виновных в авариях. Показательные процессы были проведены по семи делам. Так было рассмотрено дело по обвинению шофера Лобойко, который 27 марта, перевоза на вахту рабочих, нарушая правило езды, шел со скоростью 40 километров в час, сделал неправильные вырвал и опрокинул машину. В результате 7 рабочих получили ушибы. Лобойко осужден к двум годам лишения свободы. Манохин — шофер гаража № 2, будучи пьяным, нарушил правила езды, заехал в кювет и разбил машину. Манохин приговорен к году исправительно-трудовых работ на общих основаниях с оплатой всех расходов и убытков по ремонту машины и по простую. После каждого рассмотрения дела этой категории мы в гаражах, совместно с партийной и профсоюзной организациями, проводили массово-разъяснительную работу и с помощью нашего актива прорабатывали приговоры суда.

Оперативно быстро расследовали и рассмотрели дело по обвинению 8 работников гужтранспорта Апшеронских нефтепромыслов — Степаненко, Фоменко и других, обвиняемых в том, что они, работая ездовыми конюхами, один бригадиром и один ветфельдшером, варварски относились к тяглу, лошади часто выбывали из строя на большой срок из-за наносимых им побоев. Ветфельдшер Фоменко

при лечении одной лошади вырвал у нее язык. В корм попадали куски железа, гвозди, стекло. Ездовые не ухаживали за лошадьми. Следствие установило, что из привлеченных к ответственности Рожков и Негольников—кулаки, а Фоменко—б. белогвардеец. Виновные были осуждены на различные сроки лишения свободы.

Не менее интересным является дело по обвинению Шекера, зав. нефтегорской электростанцией, привлеченного к ответственности по ст. 109 УК за то, что он однажды ночью взял с конюшни пару лошадей, прикрепленных к электроцепи, выехал на них в соседнюю станцию, напился пьяный, на лошадях устроил катание, затем бросил этих лошадей без всякого присмотра и их неизвестные злоумышленники изувечили. Лошади выбыли из строя на два месяца. Шекер был приговорен к двум годам лишения свободы.

Большую работу мы провели совместно с нашим активом по реализации декрета правительства от 25 июля 1934 г. о борьбе с обмериванием и обвешиванием.

В начале августа райпрокуратура провела совещание работников кооперации, на котором был обсужден вопрос о борьбе с обмериванием и обвешиванием. После этого создано совещание актива прокуратуры и суда, где этот вопрос также был проработан.

Помимо этой работы прокуратура возбудила ряд уголовных преследований против лиц, избличенных в обмеривании, обвешивании, в обсчетах, и кто умышленно пользовался непригодными и неклеяемыми весами. Всего было возбуждено и закончено 19 дел. Виновные были приговорены к различным срокам лишения свободы.

Районная прокуратура провела ряд профилактических мероприятий.

Прокуратура проверила состояние борьбы с прогулами. На этот участок работы мало обращали внимания и только этим можно объяснить то, что на предприятиях Майнефти количество прогулов не снижалось. За 1934 г. на предприятиях Апшеронских нефтепромыслов было 227 прогулов, на Хадыженских промыслах — 102 прогула. Причем увольняемые с работы прогульщики не выселялись из заводских квартир и нередко в день увольнения принимались на работу в соседний цех. Отдел кадров треста Майнефть знал об этом, но никаких мер не принимал. Прокуратура созвала совещание хозяйственников предприятий нефтяной и лесной промышленности. На совещание были приглашены работники профорганизаций и актив прокуратуры. В результате совещания трестом был издан специальный приказ, в котором был указан ряд практических мероприятий по организации борьбы с прогулами. Уже начиная с 1935 г. количество прогулов резко снизилось. Если за первый квартал 1934 г. на промыслах было 102 прогула, то за первый квартал этого года было только 37 прогулов.

В октябре было создано совещание хозяйственников, работников профсоюза и актива по вопросу о борьбе с производственным травматизмом. Перед совещанием работники прокуратуры провели большую работу по изучению причин травматизма, по изучению карательной политики судов по делам этой категории. Со-

вещание констатировало, что причинами травматизма являются неправильная организация работ, работа в ненормальных условиях, отсутствие и недостаток ограждений и неумение рабочих обращаться с инструментом. Совещание установило, что отдел техники безопасности треста Майнефть не занимался организацией безопасности. Так например на Хадыженских нефтепромыслах вновь принимаемый на работу рабочий в течение 2—3 часов проходил техничским по безопасности и после таких «курсов» допускался к самостоятельной работе. Другой пример бездеятельности отдела техники безопасности — на промыслах ощущается большая потребность в предохранительных щитах на цепи Галле, из-за отсутствия этих щитов было несколько несчастных случаев. На совещании выяснилось, что во дворе сажевого завода лежат шесть щитов с 1933 г. По этому вопросу совещание наметило ряд практических мероприятий. Специальной докладной запиской о результатах совещаний были поставлены в известность дирекция треста Майнефти и райком ВКП(б). По нашим материалам по тресту был издан специальный приказ по вопросу организации работ по технике безопасности (приказ треста № 311 от 26 ноября 1934 г.). Проверив через три месяца реальность нашего совещания, мы установили, что количество несчастных случаев по сравнению с прошлым годом снизилось на 40 проц.

Райпрокуратура совместно с райкомом ВКП(б) проверила соблюдение норм трудового законодательства в отношении подростков, занятых на 12 предприятиях нефтепромыслов. Почти в каждом цехе были обнаружены нарушения трудового законодательства в отношении подростков. В основном эти нарушения сводились к увеличению рабочего дня, допущению несовершеннолетних к ночным работам, сверхурочным работам, нарушению закона о длительности отпусков для подростков. В большинстве предприятия и цеха не соблюдали правил прохождения медицинского осмотра при приеме на работу подростков и нарушали правила о предельных нормах для переноски тяжестей подростками.

В результате проверки было возбуждено три дисциплинарных преследования против начальников цехов, а десятник Бычков и зав. конным парком Корпенко были преданы суду по ст. 133 УК. Результаты проверки были обсуждены на бюро райкома комсомола и на бюро райкома партии. По этому же вопросу по нашим материалам трестом был издан приказ директора треста, обязывающий всех работников промыслов строго соблюдать нормы трудового законодательства в отношении подростков. Когда мы проверили выполнение соблюдения законодательства в отношении подростков после проведенных мероприятий, то оказалось, что за четыре месяца (январь—апрель 1935 г.) на всех объектах нефтепромыслов было только 7 нарушений.

Опыт нашей работы говорит о том, что прокуроры могут и должны в своей повседневной работе помогать производству. Прокурор может и должен быть активным участником в выполнении производственной программы.

А. КИОНАЛОВ

ПРАВО — ПРОЦЕСС — СУДОУСТРОЙСТВО В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

ОЧЕРК СУДОУСТРОЙСТВА В ПОЛЬШЕ

1. Общие положения

Организация суда в Польше определяется конституцией 1921 г., положением о судоустройстве 1928 г. с изменениями 1932 г. и уголовно-процессуальным кодексом 1932 г.

В Польше действуют три категории судов:

1) суды для выполнения чисто судебных функций (уголовные и гражданские);

2) суды конституционные (государственный трибунал, верховный суд и так называемый компетенционный трибунал);

3) суды административные (административный трибунал).

Суды организованы по принципу иерархии. В административном отношении суды подчинены министру юстиции. Каждый суд подчинен в административном отношении своему председателю. Высший надзор за судами и судьями принадлежит министру юстиции и может последним осуществляться через помощника государственного секретаря или через специальных судей высших судебных инстанций.

2. Уголовный суд

Уголовный суд организован в следующем виде: 1) судья единоличный (городской и уездный суд); 2) суд коллегиальный (окружной, апелляционный и верховный). Действующий коллегиально суд состоит из постоянных судей, равно как и действующий единолично. Кроме того существует суд с участием присяжных заседателей. Суды имеют общие и специальные. Общие указаны, а к специальным следуют отнести государственный трибунал, суды исключительные, суды военные, суды для несовершеннолетних и суды по трудовым делам.

Деятельность суда с участием присяжных заседателей ограничена территорией областей, входивших ранее в состав Австрийской империи. По постановлению совета министров, с утверждения президента республики участие присяжных заседателей может быть устранено временно на срок до 6 месяцев в порядке исключительного или военного положения (указы президента от 16 января и 16 марта 1928 г.)

3. Верховный суд

Верховный суд (местопребывание—Варшава) действует в составе трех членов, но в случаях сложных может быть созван присутствием из семи членов. Уточнение правовых выводов может быть перенесено на рассмотрение пленума верховного суда. Верховный суд организован следующим образом: он имеет две палаты (уголовную и гражданскую), которые в свою очередь делятся на секции. Передача на рассмотрение этих палат иных дел, кроме уголовных и гражданских, была запрещена, но новеллою от 1 декабря 1932 г. вопросы изби-

рательные передаются в палату по гражданским делам.

Верховный суд является кассационной инстанцией. Кроме того он уполномочен отменять в порядке надзора приговор и решения по причинам неподсудности соответствующим судам.

Верховный суд рассматривает также дела дисциплинарные. В качестве верховного дисциплинарного суда по второй инстанции он действует в составе 5 судей по делам судей и прокуроров апелляционных судов и верховного суда. При рассмотрении дел прокуроров в состав суда входят вместо двух судей два прокурора. В качестве дисциплинарного сената при верховном суде в составе трех членов-судей и двух судей-адвокатов (членов главного совета адвокатов) верховный суд рассматривает дела адвокатов, исключенных первой инстанцией из сословия.

Участие прокурора обязательно; обвинение поддерживает прокурор верховного суда.

Высшим дисциплинарным судом является коллегия из трех членов (первая инстанция) по делам судей и прокуроров апелляционных судов, по делам судей и прокуроров окружных, городских и уездных и нотариусов.

Во главе верховного суда стоит первый председатель, который выполняет общий внутренний надзор за деятельностью верховного суда, председательствует в заседаниях палат, но не управляет самими палатами. Второй председатель верховного суда управляет соответствующей палатой.

4. Специальные суды

Военные суды были организованы по постановлению совета министров от 10 мая 1920 г. одновременно с введением в действие заимствованного у Австро-Венгерской империи воинского устава у. с. от 5 апреля 1912 г.

В 1925, 1928 и 1932 гг. в этот устав были внесены изменения и дополнения.

В армии действуют районные и окружные суды; во флоте — морские суды для моряков рядового и унтер-офицерского звания и суды адмиральские — для офицеров. Кассационной инстанцией является для всех военных судов верховный военный суд в Варшаве. Районный суд действует в составе постоянного председателя — офицера судебного корпуса и двух ассессоров, окружной суд — в составе двух военных судей и трех ассессоров; верховный военный суд — в составе трех военных судей. Кроме того имеются исключительные суды, военно-полевые суды и эскадренные суды.

Характерной особенностью является то, что военный суд находится в подчинении у соответствующего строевого начальника (окружной суд — у командира корпуса, районный — у начальника гарнизона в районе), по приказанию которого определяется порядок про-

цесса вплоть до исполнения приговора. Во всех важных случаях военный прокурор обязан получить разрешение этого командира на производство отдельных процессуальных действий (арест подследственного, утверждение обвинительного акта, отсрочка исполнения приговора и т. д. В случае несогласия своего с предложением прокурора старший строевой командир обязан поставить немедленно вопрос на разрешение военного министра,

На практике в отношении судов исключительных и полевых это последнее правило совершенно не соблюдается.

Суд по делам несовершеннолетних может быть учрежден по распоряжению министра юстиции при любом окружном суде. Окружный суд поручает одному из своих членов исполнение обязанностей судьи по делам несовершеннолетних сроком на три года. Апелляционный суд тоже выделяет одного члена суда для исполнения этих обязанностей. Прокуратура в свою очередь выделяет помощника прокурора по делам несовершеннолетних. Суду по делам несовершеннолетних подсудны дела достигших 13—17 лет. В отношении несовершеннолетних соблюдаются особые правила судопроизводства. Необходимо тут же отметить, что ни один суд несовершеннолетних до настоящего времени не учрежден. Отбывание наказания должно происходить в специальных местах заключения для несовершеннолетних, но и этих специальных мест заключения не имеется.¹

Трудовой суд действует в составе единого судьи. Ему подсудны проступки, выражающиеся в нарушении правил о рабочем дне, об отпусках, о работе женщин и детей, об охране труда. Этот же суд является второй инстанцией по уголовным делам, разрешенным инспекторами труда (несложные нарушения тех же правил).

Организация трудовых судов является демогагической попыткой польских фашистов затушевать классовый характер своей судебной системы.

Исключительные суды созданы по указу президента от 19 марта 1928 г. Они трижды реорганизовывались исключительными законами. В 1921 г. исключительные суды были учреждены для «внедрения правопорядка», в 1928 г. — в качестве меры временной и «оздоровительной в обстановке чрезвычайного положения» на окраинах, а в 1931 г. деятельность их как нормального института была распространена на всю территорию Польши.

Исключительный суд состоит из трех членов окружного суда. Широкая подсудность (государственные преступления, воинские преступления и др.) и право выносить не подлежащие обжалованию смертные приговоры по делам, по которым в общих судах применяется лишение свободы, открыли широкий простор этому фашистскому органу для развития судебного террора.

Следует отметить, что подсудность исключительным судам дел, изъятых из общей подсудности, дает возможность применить смертную казнь в 92% статей особенной части польского УК.

Даже социал-фашистская печать («Работник» № 287 за 1933 г.) вынуждена была дать следующую оценку деятельности исключительных судов: «Жизнь обвиняемых отошла на задний план, на первом плане оказалась быстрота репрессий, доказательства играют второстепенную роль, правосудие носит спортивный характер».

Польский юрист доктор Виршубский констатирует: «Подземелье исключительных судов занимает в уголовной политике польской действительности достаточно серьезное место»².

Исключительные суды являются образцом фашизации государственного аппарата Польши и привели к крайнему обострению репрессий: более половины общего числа осужденных исключительными судами были приговорены к смертной казни.

Государственный трибунал (местонахождение — Варшава) организован на основании ст.ст. 51 и 59 конституции и положения 1923 г. Перед государственным трибуналом несут ответственность министры за преступления, которые связаны с их государственной деятельностью. Президент республики несет ответственность перед государственным трибуналом за измену родине, за умышленное нарушение конституции и за уголовные преступления, хотя бы и не связанные с его государственной деятельностью.

Государственный трибунал состоит из председательствующего—первого председателя верхнего и 12 членов (8 избираются сеймом и 4—сенатом).

5. Суды компетенционные и административные

«Компетенционный» трибунал создан на основании ст. 86 конституции и положения 1935 г. для разрешения споров о подведомственности дел между административными властями и административными судами, с одной стороны, и общими судами — с другой.

Административный трибунал организован на основании ст. 73 конституции и специального закона и призван рассматривать вопросы о законности постановлений как органов государственного управления, так и общественного самоуправления.

6. Порядок назначения и увольнения судей

Судьями назначаются мужчины. В виде исключения допускаются женщины в качестве кандидатов на судебные должности в делах о несовершеннолетних. Присяжным заседателем женщина быть не может, хотя ей принадлежит право быть назначенной на должность городского судьи.

Кандидат в судьи должен удовлетворить следующим условиям:

¹ Могильницкий, Кодекс постемпованія карного, стр. 58.
² Глязер, Польский процесс карны, стр. 337.
³ Perlstein, Kara Smierci w obowiazujacem ustawodawstwie, Wilno, 1932, l. 15.

польское подданство, с неограниченными правами гражданства, безупречность, 25-летний возраст (не моложе), знание польского языка, законченное высшее юридическое образование, предварительный кандидатский стаж или экзамен (от него освобождаются профессоры и доценты юридических факультетов, офицеры судебного корпуса и адвокаты). Для занятия судебных должностей в высших судах (апелляционном, окружном и верховном) надо иметь стаж судебной или прокурорской работы: 1) для членов окружных судов — 3 года службы городским или уездным судьей или помощником прокурора при окружном суде; 2) для председателей и вице-председателей окружных судов — три года службы членом окружного суда или прокурором и вице-прокурором окружного суда или 6 лет городским или уездным судьей; 3) для председателей апелляционных судов и членов верховного суда — три года председателем окружного суда, членом апелляционного суда, прокурором верховного суда или 9 лет судебной или прокурорской работы.

Председателем верховного суда может быть только член верховного суда, первый прокурор или прокурор верховного суда, председатель апелляционного суда или прокурор апелляционного суда или иной судья, который имеет 12 лет судебной или прокурорской работы.

Назначение на судебную должность входит в компетенцию президента республики (ст. 75 конституции).

Из трех кандидатов, выдвигаемых окружным и верховным судом, министр юстиции представляет одного; представление должно быть согласовано с председателем совета министров.

В отношении избрания в члены верховного суда действуют особые правила, по которым пленум верховного суда избирает тайным голосованием из намеченного списка кандидатов.

Судья может быть отстранен от должности, переведен на другую должность и уволен в отставку только по судебному приговору и в случаях, законом предусмотренных. Исключение может быть сделано только в порядке организационных мероприятий (ст. 78 конституции).

В связи с реорганизацией судов судьи могли быть переведены и увольняемы в отставку без их на то согласия. Председатели судов могли быть перемещаемы только на высшие должности.

4 марта 1929 г. несменяемость судей была вторично нарушена новеллой, по которой можно было перемещать и увольнять членов окружного суда, судей городских и уездных в течение года со дня вступления в силу положения о судостроительстве. Несменяемость судей была в третий раз нарушена указом президента от 23 августа 1932 г. на период от 27 августа до 31 октября 1932 г. В этот период можно было переводить судей в другие суды на те же должности или уволить в отставку. Председатели и вице-председатели окружных и апелляционных судов могли быть перемещаемы на должность членов тех же судов. Между тем перевод и увольнение по закону могли иметь место только: при упразднении

должности или ликвидации судебного места, при родстве между судьей и прокурорами, для блага правосудия — по постановлению соответствующего высшего суда и в порядке дисциплинарном. Во всех этих случаях приказы могли исходить от министра юстиции.

На практике простым распоряжением министра юстиции в 1932 г. было уволено 38 судей (из них 18 председателей окружных и апелляционных судов «за бездеятельность»¹). Уволенные были заменены другими судьями, состоявшими членами фашистской организации «Стрелец». Один из уволенных судей, Флещинский в № 3 «Голоса судей» за 1933 г. пишет: «В польском суде господствуют мертвечина, пассивность и апатия».

Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности или лишен свободы без разрешения того суда, членом которого он является. Если судья застигнут на месте преступления, то он должен быть немедленно уволен.

7. Дисциплинарная ответственность судей

За служебные проступки и несоответствие своему назначению судья подлежит дисциплинарной ответственности. Для рассмотрения дисциплинарных дел имеются специальные дисциплинарные суды: окружный и высший (первая инстанция) в зависимости от персональной подсудности. Кассационной инстанцией для окружного суда является высший дисциплинарный суд, а для высшего — верховный дисциплинарный суд. Дисциплинарный суд выносит постановление в закрытом заседании с выслушанием заинтересованного судьи и заключением прокурора. В верховный дисциплинарный суд могут быть обжалованы только постановления, запрещающие состоять в судебных должностях или приговаривающие к лишению свободы. Копия постановления направляется министру юстиции.

8. Прокуратура

Прокуратура является органом государственной власти. Организация прокуратуры соответствует организации суда с тем расчетом, чтобы при каждом суде была прокуратура. Прокуратура построена по принципу иерархии. Главным прокурором является министр юстиции. По французскому образцу польская прокуратура едина и независима от суда. Помимо иерархического принципа прокуратура централизована и пользуется правом замены одного прокурора другим равным или высшим по должности. Право надзора и руководства нижестоящим прокурором принадлежит вышестоящему прокурору. Заместителем главного прокурора является помощник государственного секретаря. При министерстве юстиции имеется отдел прокурорского надзора. Для занятия должности прокурора надо удовлетворять тем же требованиям, которые предъявляются к судье (см. выше). Назначение прокурора имеет место по указу президента республики, за исключением помощников прокуроров при

¹ «Robotnik» № 287, 1932 г.

окружных судах, которые назначаются министром юстиции. Дисциплинарная подсудность та же, что и для судей. Суду не принадлежит право дисциплинарного надзора за прокурорами. Задача прокурора следующая: «прокурор стоит на страже законов и борется с преступлениями» (ст. 231 ПОС).

Прокурор формально не вправе принадлежать ни к какой политической партии и дол-

жен избегать выступлений, хотя бы единичных и случайных, свидетельствующих об его политических симпатиях (ст.ст. 28 и 29 положения о прокуратуре). В действительности же большинство прокуроров принадлежит к фашистской организации пилсудчиков «Стрелец».

Такова судебная тема польского фашизма.

СУДОУСТРОЙСТВО В ИТАЛИИ

Общая характеристика итальянского судоустройства дана в «Курсе уголовного процесса» А. Я. Вышинского и В. С. Ундревича в следующих словах:

«Построение судебного аппарата фашистской Италии представляет собою особый интерес как уже «нормализованная» фашистская юстиция. Первой ее особенностью является совершенно открытый политический критерий отбора судей, которые должны быть политически «кристально чистыми», т. е. должны быть последовательными фашистами. Этот критерий приобретает в итальянской юстиции настолько решающее значение, что перед ним отступает даже классовый критерий, поскольку например для ассессоров требуется не только принадлежность к командующей верхушке эксплуататоров, но и фашистское свидетельство о благонадежности. Вторым характерным моментом является авторитарность юстиции, находящая свое выражение как в широких полномочиях единоличного судьи-претора, так и в фактическом упразднении суда присяжных, ибо ассесоры очень мало похожи на обычных заседателей, а являются скорее уполномоченными министра юстиции для придания известной декоративности суду, причем самый круг «избранных», допускаемых к правосудию, показывает ставку и на тщательнейший политический отбор и на стремление к своеобразному «аристократизму» избранных судей. Фактически это является показателем растущего недоверия фашистских диктаторов к мало-мальски демократическим представителям общественности, показателем все большей потери своей социальной опоры в мелкобуржуазной массе. Открыто террористические методы сохранения буржуазной диктатуры требуют максимально проверенной и строго отобранной армии судей. И это тем более характерно для обреченности фашистской диктатуры, что к такому суду она вынуждена прибегать по общеуголовным делам. Для дел политических существует специальный суд».

***

Основной закон итальянского судоустройства от 30 декабря 1923 № 2786, носящий название «единого текста», изданный в самом начале прихода фашизма к власти в Италии, вскоре был признан устаревшим. Однако целиком этот законодательный акт переработан не был, а только подвергся ряду изменений в ряде последующих декретов. В 1930 г. был издан вступивший в действие с 1 июля 1931 г. уголовно-процессуальный кодекс. Кроме этого надо отметить два декрета: 1) декрет от 25 ноября

1926 г. № 2008, коим был учрежден особый трибунал для защиты государства и к которому отошли все наиболее серьезные политические дела (см. ниже) и 2) декрет от 23 марта 1931 г. № 249, который упразднил суд присяжных в Италии.

Согласно «единому тексту» от 30 декабря 1923 г. № 2786 и последующим новелам, судьи и судьи Италии делятся на общие и специальные.

Общими судами и судьями являются: преторы, окружные суды, суды ассизов, апелляционные суды, кассационный суд и колониальные суды.

Специальными судами являются: 1) сенат в качестве верховного суда, 2) особый трибунал для защиты государства, 3) военные суды и 4) судья по финансово-налоговым делам («интенденто ди финанца» — единоличный судья, действующий на основании декрета от 7 января 1929 г. № 4).

**

Претор. Интересной фигурой в системе итальянской фашистской юстиции является претор. Это единоличный судья с довольно широкой юрисдикцией.

Согласно ст. 31 действующего итальянского уголовно-процессуального кодекса в компетенцию претора входят дела, за которые полагается лишение свободы до трех лет или штраф до 10 000 лир (как самостоятельное или дополнительное наказание).

Подбор преторов по существу находится в полной зависимости от министра юстиции. Претором может быть судья, не пользующийся несменяемостью, причем не только «добавочный судья» (ст. 97 «единого текста»), но и аудиторы (низшая степень судебного чиновничества, вроде прежних «кандидатов на судебные должности», назначаемые и увольняемые непосредственно приказом министра юстиции), которые после трех месяцев пребывания в должности вице-претора могут заменять претора (ст. 107 «единого текста»).

Другой характерной особенностью претора является то, что он совмещает в себе функции прокурора и судьи. Претор, как и прокурор, — орган суммарного (упрощенного) следствия. К претору стекаются все донесения, рапорты, жалобы, требования и пр. по уголовным делам. Об этих жалобах и донесениях он немедленно уведомляет королевского прокурора. Он дает им движение по делам своей компетенции, возбуждает уголовное преследование, производит следствие, направляет дело для рассмотрения по существу или прекращает уголовное пре-

следование. Все эти действия он делает, выполняя функции прокурора и находясь в полной зависимости от королевского прокурора, которому он подчинен в этой части своей работы. Если дело выходит за пределы его компетенции, он передает все документы королевскому прокурору, но в порядке неотложности собирает и обеспечивает доказательство и в случаях, предусмотренных ст.ст. 253 и 254 УПК, отдает предварительное распоряжение об аресте (ст. 231 УПК).

Он предварительно назначает дополнительные наказания и принимает меры безопасности в порядке ст. ст. 301 и 400 УПК.

Претор назначает подсудимому защитника (ст. 128 УПК), если подсудимый не выбрал защитника по соглашению. Если защитник по соглашению в каком бы то ни было отношении нарушает свои обязанности, претор заменяет его защитником по назначению.

Королевский прокурор имеет право требовать, чтобы прекращенное претором дело («сдача в архив») было возобновлено, т. е. фактически предрешает исход дела при слушании его по существу тем же претором.

Таковы прокурорские функции претора. При слушании дела по существу претор уже выступает в роли судьи. Функции прокурора или претора в судебном заседании выполняют аудиторы, вице-преторы, вице-комиссары общественной безопасности, синдаки коммуны, даже секретари и вице-секретари коммуны. При неурядке их в заседании функции прокурора могут быть переданы адвокату и нотариусу (ст. 80 «единого текста»).

Эти исполняющие обязанности прокурора могут приносить также апелляционные жалобы. Правом кассационного протеста пользуется один только королевский прокурор (ст. 527 УПК).

Королевский прокурор может любое дело путем не подлежащего обжалованию распоряжения передать из ведения претора в ведение окружного суда (ст. 31 УПК). Наоборот, в силу ст. 10 нового декрета от 20 июля 1934 г. о суде для несовершеннолетних прокурор этого суда может в исключительных случаях передать дело о несовершеннолетнем на рассмотрение претора.

Таким образом огромная судебная власть вручена лицам, находящимся в полном подчинении у министра юстиции и у прокурора. Вот истинная причина, почему была так увеличена юрисдикция преторов по новому УПК.

Суды ассизов. Суд присяжных в Италии был упразднен законом от 23 марта 1931 г. № 249 и заменен судом с участием ассессоров. Дальнейшие изменения в сторону полной фашизации суда с ассессорами были произведены законом от 5 июля 1934 г. № 1162.

Реформированному суду ассизов подсудны дела о преступлениях, караемых смертной казнью, или пожизненной каторгой, или исправительным домом (реклюзионе) на срок не ниже 8 лет (ст. 29 УПК).

Суды ассизов образуют отделения апелляционного суда, являясь однако судом первой инстанции, и в округе апелляционного суда могут функционировать один или несколько судов ассизов.

Двое коронных судей и пять заседателей (ассессоров) образуют единую коллегию, одинаково решающую вопросы права и факта и выносящую мотивированные приговоры. Обращено особое внимание на подбор ассессоров. Ассессоры не только назначаются из очень узкого круга «избранных» фашистского аппарата, но согласно декрету от 5 июля 1934 г. в обязательном порядке принадлежат к фашистской партии. Они назначаются королевским декретом по предложению министра юстиции. По предложению того же министра юстиции они во всякое время могут быть отозваны немотивированным королевским декретом (закон от 5 июля 1934 г.). Если по основному декрету список кандидатов в заседатели составлялся в конечной форме председателем апелляционного суда по согласованию с генерал-прокурором, то по новому декрету министр юстиции не только может вмешиваться в формирование списка, но может прямо подобрать ассессоров по определенному делу. Ассессоры по новому закону назначаются на 4 года и при отсутствии отвода механически продолжают оставаться в этой должности еще 4 года. Они приравняются по званию к советникам апелляционного суда и получают определенное вознаграждение.

Ассессоры являются подлинными «уполномоченными министра юстиции».

Ассессоры при голосовании приговора голосуют первыми, а затем коронные судьи.

***

Окружные суды (трибуналы) и апелляционные суды. Все остальные дела, за исключением отнесенных к ведению преторов и судов ассизов, подсудны окружным судам (трибуналам) — ст. 30 УПК. Окружные суды рассматривают дела в составе трех судей, без участия заседателей (ст. 35 «единого текста»).

Окружный суд является также апелляционной инстанцией по делам, решенным претором.

В составе апелляционного суда действуют три отделения: 1) апелляционное, являющееся апелляционной инстанцией по делам, решенным окружными судами, 2) следственное, контролирующее действия следственных судей, а иногда производящее самостоятельно следствие через своего делегированного советника и 3) суд ассизов, как суд первой инстанции.

Апелляционный суд рассматривает апелляции на дела окружных судов в составе четырех судей, а следственное отделение заседает в составе трех судей.

***

Кассационный суд. Кассационный суд согласно «единому тексту» о судостроительстве (ст. 61) «учреждается для надзора за точным соблюдением закона и является одним на все королевство с местопребыванием в Риме».

Кассационный суд рассматривает дела в порядке кассационном (ст. ст. 524—552 УПК) и в порядке ревизионном (ст. ст. 553—574 УПК). В кассационном порядке кассационный суд рассматривает жалобы на приговоры судов первой инстанции, решающих дело окончательно (суды ассизов), и на приговоры апелляционных инстанций. Кроме того он разрешает жалобы на те определения, по которым уголовно-про-

цессуальный кодекс предусматривает кассационное обжалование. В ревизионном порядке кассационный суд рассматривает жалобы на приговоры, вошедшие в законную силу, в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом.

В составе кассационного суда имеется два уголовных отделения с одинаковой компетенцией. Соединенное присутствие обоих отделений рассматривает пререкания между общей и специальной юстицией о подсудности, жалобы на приговоры специальных судов, вопросы единого толкования закона и пр. (ст. 62 «единого текста»). Председатель кассационного суда может любое дело, если считает его важным, передать на рассмотрение соединенного присутствия (ст. 530 УПК). Каждое уголовное отделение кассационного суда разрешает дело в составе 7 членов. Соединенное присутствие разрешает дела в составе 15 членов (ст. 65 «единого текста»).

* * *

Специальные суды. Из специальных судов необходимо остановиться на верховном суде сената и на особом трибунале для защиты государства.

Первый из названных судов представляет собою одновременно и судебный и политический орган. Ему подсудны дела сенаторов, в каком бы преступлении они ни обвинялись, и дела министров, обвиненных в государственной измене и преступлениях против безопасности государства, возбужденные палатой депутатов. По наиболее серьезным делам присутствие состоит не менее, чем из пятидесяти сенаторов. Обвинение поддерживает специально назначенный генерал-прокурор. По наиболее серьезным делам следствие ведет «обвинительная камера», состоящая из 12 сенаторов.

Особый трибунал для защиты государства был организован как суд временный и чрезвычайный в 1926 г., первоначально на пять лет. Этот трибунал восстанавливал в Италии смертную казнь. Смертная казнь была основным наказанием, выносимым указанным трибуналом; при маловажности деяния или смягчающих обстоятельствах смертная казнь заменялась заключением в исправительном доме на срок от 15 до 30 лет; по сравнительно второстепенным политическим преступлениям — заключением в исправительном доме от 3 до 10 лет с пожизненной потерей права на занятие государственных должностей; в отношении деяний, совершенных за границей, — потеря гражданства и конфискация всего имущества. Декретом от 4 июня 1931 г. срок его действия продлен до 31 декабря 1936 г. Вместе с тем декрет этот согласован с вышедшим тем временем уголовным кодексом; этому трибуналу таким образом подсудны преступления, предусмотренные 1-м разделом 2-й книги уголовного кодекса, т. е. наиболее серьезные политические дела. 1-й раздел 2-й книги уголовного кодекса озаглавлен: «Преступления против личности государства»¹.

В силу декрета от 4 июля 1931 г. этот трибунал, первоначально подчиненный военному министру, перешел в ведение главы правительства, т. е. Муссолини. Однако большое влияние на его деятельность оставлено за военным министром. Трибунал руководится нормами военно-уголовного кодекса о производстве по уголовным делам в военное время. Следствие по делам трибунала ведется особой следственной комиссией, действия которой не подлежат обжалованию или протесту (декрет от 13 марта 1927 г. № 313). Однако подсудимый может быть вызван непосредственно в суд без производства какого бы то ни было следствия, даже если ему угрожает смертная казнь (ст. 9 декрета от 12 декабря 1926 г. № 2062).

Трибунал состоит из председателя, избираемого из числа высших должностных лиц армии, флота, авиации и добровольной национальной милиции, из пяти членов, избираемых из должностных лиц добровольной национальной милиции, имеющих звание консула, и докладчика, избираемого из должностных лиц военной юстиции, без права решающего голоса (ст. 7 декрета от 25 ноября 1926 г.).

Приговоры трибунала окончательны. Они могут пересматриваться только в ревизионном порядке. Ревизионная инстанция была создана только декретом от 3 октября 1929 г., т. е. спустя три года с момента учреждения трибунала. Ревизионная инстанция называется «специальным советом по ревизии». Инициатива ревизии может принадлежать только военному министру, от которого зависит дать или не дать движение тем или иным жалобам и заявлениям.

Председатель трибунала может не разрешить выступления защитника из числа штатских. Во время подготовительных к суду распоряжений председатель трибунала может изъять от обозрения те или иные документы и вещественные доказательства (ст. 7 декрета от 12 декабря 1926 г.).

Едиственная мера пресечения, которая обязательно должна быть принята, — содержание под стражей (ст. 10 декрета от 12 декабря 1926 г.). Смертная казнь, вынесенная трибуналом, как правило, не публична, но может быть публичной, а в колониях, как правило, публична.

Особняком стоит вновь учрежденный декретом от 20 июля 1934 г. № 1404 суд для несовершеннолетних правонарушителей. Суд этот не является специальным судом, он входит в общую систему судов. При суде состоит «автономная» камера прокурора. (Подробное описание этого суда см. «Бюллетень иностранной информации» № 2—3 за 1935 г.).

* * *

Следствие по итальянскому УПК делится на формальное и суммарное. Органами суммарного следствия являются прокурор и претор. Органами формального следствия являются исключительно следственный судья и делегированный советник следственного отделения апелляционного суда (ст. ст. 234, 272, 295, 296, 392 УПК). Следственный судья не является должностным лицом судебной полиции (ст. ст. 220 и 221 УПК).

¹ Ныне, как сообщает газета «Тан» от 5 марта этого года, раздаются голоса о превращении этого учреждения из временного в постоянное.

Следственный судья не является несменяемым, кто бы ни исполнял его обязанности, хотя бы несменяемый судья (ст. 32 «единого текста»).

Следственная камера может иметь кроме следственного судьи, стоящего во главе ее, еще одного или нескольких добавочных следственных судей (ст. 32, 39 и 99 «единого текста»). Следственный судья, стоящий во главе камеры, может в любой момент передать следствие целиком или в части добавочным следственным судьям.

Делегированный советник следственного отделения апелляции суда пользуется всеми правами следственного судьи, если только в законе не содержится других указаний (ст. 297 УПК).

Генерал-прокурору принадлежит право передавать производство формального следствия по любому делу, по которому оно должно быть произведено, непосредственно делегированному советнику следственного отделения апелляции суда (ст. 234 УПК).

Следственное отделение апелляции суда, подобно окружному суду, апелляции суду, суду ассизов, кассационному суду, является учреждением коллегиальным. Следственное отделение апелляции суда состоит из пяти членов, не считая добавочных судей. Заседания происходят и определения выносятся в составе трех судей.

Следственная камера при окружных судах не является учреждением коллегиальным.

Общую фигуру представляет собою судья по надзору. Это судья больше по названию (что вынуждено признать даже фашистские правоведы — ср. Энрико Романо-Фалько «Курс уголовного процесса»). Функции его по существу чисто административные. Его назначение — покрывать действия тюремной администрации и, действуя в полном контакте с прокуратурой и политической полицией при принятии «мер безопасности», придавать им видимость законности.

***

Обращаясь к организации итальянской прокуратуры, необходимо прежде всего остановиться на роли министра юстиции, от которого чиновники фашистской прокуратуры зависят целиком. Министр юстиции воздействует не только на прокуратуру, но оказывает непосредственное влияние на назначение судей и на весь ход судебной жизни. Все судьи назначаются королевским декретом по предложению министра юстиции. Аудиторов министр юстиции назначает собственным приказом. Этого мало. Ст. 178 «единого текста» гласит: «Министр юстиции осуществляет высший надзор над всеми судами, трибуналами и судьями государства. Он может выносить им предупреждение. Он может вызвать к себе любого судью и потребовать от него объяснений. Судьи обязаны явиться в назначенный ему срок». О полученном судьей предупреждении составляется специальный протокол (ст. 184 «единого текста»). Таким образом министр юстиции имеет право налагать на судей взыскание в форме предупреждения, минуя дисциплинарные суды. Еще значительнее влияние министра юстиции, когда речь идет об ассизах суда ассизов.

Как известно, фашистское законодательство не только создало из суда орудие борьбы с рабочим классом и революционным движением, но и всячески озабочено созданием безопасности для фашистских погромщиков, для чиновников фашистской партии и правительства, и интересна роль, отведенная в этом направлении министру юстиции. Только с согласия министра юстиции может быть возбуждено преследование против органов охраны порядка, против агентов судебной полиции и против лиц, состоящих на военной службе, призванных к охране общественного порядка, за действия, совершенные при исполнении служебных обязанностей и связанные с применением оружия или других средств принуждения (ст. 16 УПК).

Вызванный в качестве свидетеля любой фашистский чиновник может отказаться от дачи показаний, ссылаясь на государственную тайну. Если суд признает такую ссылку неосновательной, то он может только через генерал-прокурора сообщить об этом министру юстиции. Больше того, фашистского чиновника нельзя привлечь за лжесвидетельство без разрешения министра юстиции (ст. 352 УПК).

УПК 1930 г. резко выдвигает на первый план принцип «односторонности» прокурора: в суде прокурор только обвинитель и больше ничего, он прежде всего сторона, а не абстрактный блюститель закона.

Министр юстиции не только осуществляет дисциплинарную власть над прокуратурой, назначает и сменяет прокуроров; вопреки решению прокурора, ведущего дело, он может предписать, чтобы было возбуждено уголовное преследование там, где прокурор не видит для этого оснований, или чтобы было прекращено уголовное преследование там, где прокурор находит необходимым его возбудить.

Функции прокурора при кассационном суде и при апелляции суда выполняются генерал-прокурором (при окружных судах — королевским прокурором (ст. 78 «единого текста»). Генерал-прокурор выполняет эти функции лично или через генерал-адвокатов и заместителей генерал-прокурора. Королевский прокурор действует лично или через прикомандированных королевских прокуроров и через своих заместителей.

При судах ассизов функции прокуратуры выполняет генерал-прокурор лично, или его заместитель, или генерал-адвокат. Генерал-прокурор может делегировать эти функции прокурорской камере при окружном суде, в районе которого заседает суд ассизов, или лично одному из королевских прокуроров или его заместителю (ст. 58 «единого текста»).

Функции прокурора выполняет, как мы видели, также и претор. УПК 1930 г. принцип централизации прокуратуры доводит до конца. Генерал-прокурор апелляции суда выражает в фигуру, облеченную особыми полномочиями и действующую в теснейшем контакте с министром юстиции. Генерал-прокурор имеет право вмешиваться решительно во все оперативные действия нижестоящих прокуроров и диктовать им свою волю. Нижестоящие прокуроры должны решительно во всех своих действиях отчитываться перед генерал-прокурором, претор — перед королевским прокуро-

ром. Что касается роли прокурора в процессе, то по УПК 1930 г. он из одного из участников процесса превратился в полного его распорядителя.

Заслуживает быть отмеченным широкое сотрудничество прокуратуры с полицией безопасности. В этом отношении особенно интересна вторая часть ст. 634 УПК, которая гласит: «когда мера безопасности может быть применена после обвинительного приговора согласно последнему абзацу ст. 205 УК, полиция общественной безопасности, если она считает осужденное лицо социально опасным, сообщает об этом королевскому прокурору, приводя доводы и доказательства, которые подтверждают эту опасность». Впрочем в тесном контакте с полицией безопасности работает не только прокуратура, но и суд, в частности «судья по надзору». Таким образом фашистский прокурор не только обладает свойствами «односторонности», но является подлинным приказчиком полицейского участка.

***

Вся судебская прокурорская лестница построена по строго иерархическому принципу и распадается на ряд последовательно проходящих рангов или званий: 1) аудиторы, 2) добавочные судьи, 3) судьи и заместители королевского прокурора, 4) советник и заместитель генерал-прокурора апелляционного суда, 5) советник или заместитель генерал-прокурора кассационного суда, 6) генерал-прокурор кассационного суда и 7) первый председатель кассационного суда.

Доступ в судебское сословие открыт итальянским гражданам, окончившим юридический факультет, находящимся в возрасте от 21 до 30 лет, обладающим «безупречной нравственностью» и «кристальной политической чистотой» и удовлетворяющим другим условиям, указанным в ст. 10 «единого текста».

Иностранцы и женщины в Италии судьями быть не могут. По достижении 30-летнего возраста назначение на судебную должность допускается только для профессоров права и практикующих адвокатов. Для получения низшего судебного звания — аудитора — необходимо выдержать испытание, которое происходит в Риме один раз в году. К экзамену не допускаются те, которые после наведенных справок не кажутся министру юстиции ли-

цами «безупречной нравственности и поведения» (ст. 103 «единого текста»). Если кандидат не выдержит два раза подряд экзамена, то к дальнейшим экзаменам он больше не допускается. Получившие лучшие отметки на экзаменах в пределах вакансий назначаются аудиторами по распоряжению министра юстиции. Аудиторы направляются в претуру для стажа на срок не ниже 6 месяцев. После 6 месяцев при хороших отзывах они могут выполнять обязанности вице-преторов. После трех месяцев пребывания в качестве вице-преторов могут заменять преторов. Для того, чтобы стать добавочным судьей, аудитор должен выдержать новый экзамен.

Аудитор назначается добавочным судьей после по крайней мере двух лет стажа, если он выдержит успешно экзамен, который он может держать по крайней мере после 18 месяцев стажа. Экзамен производится раз в году в Риме. Кандидаты с точки зрения дальнейшего продвижения классифицируются в соответствии с результатами экзамена этого и прежнего, а также в соответствии с полученными характеристиками и отзывами. Если в течение 4 лет аудитор не держал или не выдержал экзамена, он подвергается отчислению.

Мы видим таким образом, как велики возможности отсева негодных судей в течение уже первых лет их работы. Эта возможность отсева продолжается и во время дальнейшего продвижения по судебской лестнице. Принципом отсева служит отнюдь не одна неуспеваемость: принцип отсева по существу строго политический — отсутствие хорошей информации о «моральном» лице и поведении кандидата, так как эта информация входит основным элементом в оценку результатов испытаний.

Имеющий звание судьи и прослуживший в должности не менее 3 лет становится несменяемым. Эта несменяемость весьма призрачна, так как имеются многочисленные возможности при продвижении его по судебской лестнице к отрешению его от должности, не говоря уже об отрешении в порядке дисциплинарном. Кроме того ст. 173 «единого текста» предусматривает отрешение от должности «в силу явной непригодности или по другим основаниям», устанавливая порядок этого отрешения.

Такова система судоустройства в Италии, установленная фашистским режимом.

БИБЛИОГРАФИЯ

В. С. Гинзбург, О. Я. Липсис. В помощь секретарю народного суда. ОГИЗ. «Советское законодательство». 63 стр. Цена 45 коп.

Нормальная деятельность народного суда в значительной мере зависит от четкой работы его технического аппарата и в первую очередь секретарского состава. Говоря о протоколах судебного заседания, т. Вышинский в своем докладе на всесоюзном совещании работников юстиции указал на необходимость повышения качества нашей работы и со стороны ее техники. И следует отметить, что после совещания, исполняя его директивы, за технику судебной работы на местах взялись довольно ос-

новательно. Секретарь участка, секретарь судебного заседания становится все более заметной фигурой в жизни судов, их чаще стали собирать на производственные совещания, организуют специальные конкурсы на лучшую постановку технической работы в суде, проводят с ними специальные занятия и т. д.

Издание рецензируемой брошюры должно было восполнить имеющийся пробел по части печатного пособия секретарию. Нужда в таком пособии ощущается большая, и это обязывало к серьезной работе над темой, чего, к сожалению, нельзя сказать о брошюре Гинзбурга и Липсиса.

Основной недостаток этой брошюры заключается в том, что она абсолютно неверно определяет взаимоотношения, которые должны существовать между судьей и секретарем участка. Известно, что руководящие судебные органы всегда и упорно добиваются такого положения, когда бы нарсудья сам лично руководил и управлял канцелярией суда. Мы всегда стремимся к тому, чтобы нарсудья не хуже, если не лучше, секретаря бы свою канцелярию, и технику судебного дела не отдавал бы «на откуп» секретарю участка. Прочитав брошюру Гинзбурга и Липциса, получаешь впечатление, что основной работник в суде не нарсудья, а секретарь участка. Он всем руководит, он всем управляет, он все делает и иногда согласовывает вопрос с нарсудьей, а то и прямо проведет нарсудью.

Определяя круг обязанностей работников суда, авторы брошюры устанавливают: «Секретарь участка народного суда является руководителем всей канцелярии и ответственным за всю постановку в ней работы и распределяет работу между сотрудниками»¹. А что остается народному судье? Неужели он может только наблюдать за тем, как секретарь руководит, распределяет и отвечает? Неужели все эти вопросы не касаются народного судьи? Мы думаем, что эти функции в первую очередь должны быть отнесены к обязанностям народного судьи.

Рассказывая, как надо организовать прием посетителей, чтобы не было обезлички, и выдавать справки и документы, тт. Гинзбург и Липцис пишут: «Секретарь обязан согласовать (подчеркнуто нами. — Е. Л.) с судьей вопросы о назначении дела, о разрешении свиданий с заключенными, о вызове дополнительных свидетелей, о затребовании каких-либо материалов, о назначении экспертизы и пр.»². Оказывается, как видит читатель, судья без секретаря ни экспертизу назначить, ни свидетелей вызвать не может... Эти мероприятия он обязан согласовать с... секретарем... А мы-то все время считали, что секретарь в этих вопросах — лицо второстепенное, техническое. Как додумались Гинзбург и Липцис, чтобы так ограничить судью, — непонятно.

На обязанность канцелярии относят наши авторы и такую работу, как ведение учета политического и хозяйственного эффекта проведенных показательных процессов (между прочим, нас учат, что все процессы являются показательными, а в брошюре они отмечаются как самостоятельная категория), а также и материалов по предварительной подготовке их³. Это уж как будто совсем через край! Нечего говорить, что секретарю технически никак не учесть политического и экономического результата процесса. Но как это можно и от таких вопросов отводить в сторону судью и передать их секретарю?! Вслед за этим на полное попечение секретаря отдается вся работа по частным определениям и газетным корреспонденциям. Он лишь обязан докладывать судье об исполнении или неисполнении определений, а судья этим не занимается. Так Гинзбург и

Липцис освободили судью и от так называемой профилактической работы суда, передав ее секретарю.

Чтобы не утомлять читателя большим количеством примеров, говорящих о том, как за широкую спину секретаря Гинзбург и Липцис спрятали судью, остановимся еще только на двух местах брошюры. Первая глава оканчивается разделом о борьбе «за культурное состояние канцелярии». Согласимся с авторами, что только «секретарь должен следить за чистотой, порядком и культурной обстановкой в народном суде». Не станем спорить о том, какова роль судьи в этом деле. Но почему и как один только секретарь должен «обеспечить строжайшее соблюдение государственной и трудовой дисциплины со стороны всех технических работников», не допуская подмены чуткого отношения к человеку бездушно-бюрократическими методами работы⁴. И наконец, делая «общие замечания по поводу приема дел, забывшие о судье и искавшие природу секретаря Гинзбург и Липцис дошли до того, что учат секретаря не верить судье. Они утверждают, что «секретарь участка при поступлении к нему искового заявления с резолюцией судьи (подчеркнуто нами. — Е. Л.) должен проверить это заявление с точки зрения подсудности, оплаты единой пошлиной, наличия необходимых документов и пр.» Авторы исходят, очевидно, из того, что судья даже в своей подсудности и документах разобраться не могут... Мы о наших судьях лучшего мнения и поэтому никак не можем согласиться с тт. Гинзбургом и Липцисом.

Неправильно представляют себе авторы брошюры и общественную деятельность технических работников суда как членов коллектива государственного учреждения. Обычно всякий советский служащий принимает участие в общественной жизни либо как член профсоюза, либо как секционер совета, либо как член какой-нибудь другой общественной организации. По Гинзбургу и Липцису получается иначе. Они апеллируют к работникам канцелярии как к должностным лицам суда. «Секретарь... как общественник обязан принять непосредственное участие в составлении по заданию судьи информационных сводок о работе суда...; следить за своевременной отсылкой приговоров в редакцию газет»⁵ и т. д. Согласиться с этим никак нельзя, ибо эта работа прежде всего имеет отношение к судье. Додуматься до этого Гинзбург и Липцис могли только благодаря тому, что они хотят от значительной части работы освободить судью.

Целый ряд директив партии и правительства направлен против излишней писанины и канцелярщины. Все это должно относиться и к суду. Однако Гинзбург и Липцис стоят на другой точке зрения, они повидимому считают, что чем больше изводится бумаги и чернил, тем лучше работает суд. Ничем иным нельзя объяснить то бесконечное количество папок, нарядов, книг и тетрадей, которые должен вести, по их мнению, секретарь народного суда. Они требуют, чтобы в канцелярии нарсуда одних тетрадей велось шесть штук. Почувствовал,

¹ Стр. 5.

² Стр. 16.

³ Стр. 8, 9.

⁴ Стр. 15.

⁵ Стр. 8.

очевидно, некоторую неловкость от такой канцелярской канители, они на стр. 9 дают «рационализаторское» предложение — вместо пяти тетрадей рекомендуется завести одну общую книгу «с соответствующим подразделением по отдельным разделам». Это называется «вышли из затруднительного положения».

Эта книжка при наличии указанных дефектов не может быть рекомендована. Ее нужно коренным образом переработать под квалифицированной политической и юридической редакцией.

Е. ЛЬВОВ

Официальный ОТДЕЛ

О ЗАДАЧАХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО УБОРКЕ И ЗАГОТОВКЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ В 1935 г.

В соответствии с постановлением пленума ЦК ВКП(б) от 7/VI 1935 г. «Об уборке и заготовке сельскохозяйственных продуктов» предлагается дать указания местным органам прокуратуры о немедленном включении в уборочную и заготовительную кампании.

В этих кампаниях органы прокуратуры должны обеспечить своевременную, меткую, общественно-организованную и жесткую репрессию в отношении тех, кто:

1) попытается расхищать или разбазаривать сельскохозяйственные продукты;

2) проявит антигосударственные кулацко-рваческие настроения, направленные к срыву уборки или заготовок или ослаблению их темпов (снижение показателей урожайности, затяжка сроков уборки и молотбы урожая, невыполнение в срок плана сдачи сельскохозяйственных продуктов, увеличение установленного процента авансирования колхозников зерном и т. д.);

3) своим нарочитым или халатным и недобросовестным отношением к уборке и молотбе урожая допустит потерю урожая;

4) допустит сдачу и прием некондиционного зерна;

5) в прямое нарушение постановления пленума ЦК ВКП(б) допустит сдачу встречного заготовительного плана;

6) будет принимать зерно в счет выполнения планов зернопоставок по сохранным распискам;

7) допустит срыв подготовки складских помещений в приемке сельскохозяйственных продуктов (несвоевременный и недоброкачественный ремонт складских помещений, несвоевременная постройка складов там, где это строительство предусмотрено планом, неочистка складов и т. д.), причем особо жестко надлежит подходить к фактам небрежного хранения зерна;

8) допустит несвоевременный и недоброкачественный ремонт уборочных сельскохозяйственных машин и недоброкачественное их использование и не выполнит постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 19/IV 1935 г. «О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС» и постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 2/VI 1935 г. «Об оплате машинистов и других работников на молотбе»;

9) кто проявит преступно-бюрократическое отношение к материально-бытовым условиям рабочих совхозов и колхозников.

Органы прокуратуры должны обеспечить безоговорочное применение репрессии в отношении колхозников и единоличников, не выполняющих в сроки планов зернопоставок, руко-

водствуясь при этом инструкцией Комитета заготовок СНК Союза, утвержденной СНК Союза 23/III 1935 г., причем в отношении единоличников, злостно не выполняющих данного им плана зернопоставок, применять уголовную репрессию (ч. 2 или 3 ст. 61 УПК).

Органы прокуратуры должны усилить борьбу со спекуляцией хлебом и подсолнухом, пресекая всякое нарушение постановления пленума ЦК ВКП(б) от 7/VI о запрещении колхозной и индивидуально-крестьянской торговли хлебом и подсолнухом, а также закупки зерна и подсолнуха потребкооперацией и Заготзерном впредь до соответствующего разрешения этой торговли по каждому краю и области соответствующим постановлением правительства.

Прокуратура Союза считает необходимым указать, что успешное выполнение задач, возлагаемых на органы прокуратуры в предстоящие уборочную и заготовительную кампании, целиком будет зависеть от того, насколько органы прокуратуры смогут правильно организовать всю работу таким образом, чтобы знать о наиболее больших местах района, края и области и, следовательно, уметь метко реагировать на эти наиболее отстающие участки.

Органы прокуратуры должны обеспечить жесткую своевременную репрессию против каждой вылазки классово враждебных элементов и их приспешников, которые попытались бы сорвать или затормозить уборку урожая и выполнение плана заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Необходимо так применять репрессию, чтобы каждый репрессивный удар являлся средством мобилизации общественного мнения колхозных масс на лучшее выполнение уборки и заготовок и на борьбу с теми отрицательными явлениями, которые мешают уборке и заготовкам.

Так как своевременность репрессии является решающим в работе и прокуратуры и суда, Прокуратура Союза предлагает обеспечить не более, чем в пятидневный срок расследование дел, связанных с уборкой урожая и заготовками сельскохозяйственных продуктов, обеспечение в такие же сроки рассмотрение этих дел в суде, не допуская, однако, при этом какого бы то ни было упрощения, нарушения закона и массовости репрессий.

Принятые вами на основе этого циркулярного указания мероприятия представить мне не позднее 20/VI 1935 г.

Прокурор Союза ССР

А. Вышинский

13 июня 1935 г. № 50/9

О НАРУШЕНИЯХ КРЕДИТНОЙ РЕФОРМЫ

Циркуляром прокурора Союза от 26 августа 1934 г. за № 3-а предложено было прокурорам всех союзных республик обратить особое внимание на наблюдающиеся факты нарушений кредитной реформы, которые хотя в большинстве случаев и не заключают в себе элементов личной корысти, тем не менее представляют серьезную опасность, так как подрывают кредитную систему и дают возможность предприятиям нарушать планово-финансовую дисциплину.

Ввиду этого вам поручено было дать указания органам прокуратуры на местах о том, что подобного рода нарушения кредитной реформы являются преступным деянием, подлежащим квалификации по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, что дела этого рода надо взять на особый учет и принимать меры к тому, чтобы они во избежание нарушений нормальной работы предприятий оканчивались расследованием в максимально короткие сроки и во всяком случае не позднее чем через 10 дней после возбуждения дела.

Между тем по сообщенным правлением Госбанка Союза ССР данным циркуляр этот на местах не выполняется: рассмотрение возбужденных банком дел о нарушениях кредитной и кассовой дисциплины затягивается месяцами, результаты банку не сообщаются, наблюдается большой процент прекращенных дел.

Из переданных Госбанком по Союзу СССР в 1933—1934 гг. 11 605 дел для привлечения к уголовной ответственности работников хозорганов за нарушение кредитной и кассовой дисциплины рассмотрено только 6321 дело.

Из числа рассмотренных дел вынесено обвинительных приговоров только по 3260 делам, по остальным делам либо вынесены оправдательные приговоры, либо уголовное преследование прекращено.

Так как приведенные данные свидетельствуют о явной недооценке со стороны судебно-прокурорских работников необходимости проведения энергичной борьбы с нарушениями кредитной и кассовой дисциплины, поручаю вам в месячный срок произвести проверку состояния по вашей республике возбужденных банком дел о нарушениях кредитной и кассовой дисциплины и принять меры к немедленному окончанию еще нерассмотренных дел этого рода и сообщению о результатах каждого из рассмотренных дел тому банковскому учреждению, которым дело возбуждено.

В случае, если проверкой установлено будет неправильное прекращение этих дел или неправильное оправдание судом обвиняемых в нарушении кредитной или кассовой дисциплины, соответствующие приговоры и постановления подлежат немедленному опротестованию.

Лица, виновные в волоките и несоблюдении установленных циркуляром прокурора Союза от 26 августа 1934 г. за № 3-а сроков для расследования дел о нарушениях кредитной дисциплины, подлежат дисциплинарной ответственности.

О результатах принятых вами мер и состоянии дел о нарушениях кредитной и кассовой дисциплины по вашей республике сообщите

в Прокуратуру Союза не позже 10 июня 1935 г.

Зам. прокурора Союза ССР

Г. Леплевский

10 мая 1935 г.

№ 8/23

ОБ УСИЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ ПО ДЕЛАМ О СПЕКУЛЯЦИИ

Проверкой Прокуратуры Союза в порядке надзора дел о спекуляции установлен ряд фактов, свидетельствующих о том, что до сих пор органы суда и прокуратуры не обеспечивают правильной карательной политики в отношении этих преступлений.

С одной стороны, несмотря на категорическое указание закона 22 августа 1932 г. о всемерной борьбе со спекуляцией, лица, избранные в систематической, злостной спекуляции хлебом, фуражем и другими продуктами, приговариваются к лишению свободы на сроки ниже пяти лет и к исправительно-трудовым работам, т. е. к наказаниям ниже низших пределов санкции, установленной ст. 107 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

Например в Молдавской АССР осуждены 2/1 1935 г. гр. Дюенко (исключенный из колхоза) по ст. 127 УК СССР за неоднократную скупку хлеба в спекулятивных целях к двум годам лишения свободы; зарегистрированная спекулянтка Рыбачек осуждена за спекуляцию хлебом к трем годам лишения свободы; Бытько и Борькарь за злостную спекуляцию хлебом осуждены по ст. 127 УК к двум годам лишения свободы.

В феврале 1935 г. Тираспольским нарсудом гр-ка Чердан за систематическую спекуляцию хлебом была осуждена по ст. 127 УК УССР к пяти годам условно. Приговор этот опротестован был прокурором АМССР «ввиду его суровости» и в результате злостная спекулянтка гр. Чердан была осуждена к 2 годам условно.

По Днепропетровской обл. в январе—феврале 1935 г. за спекуляцию хлебом осуждено 27 чел.; из них только 9 чел. приговорены к лишению свободы на 5—6 лет, остальным наказание определено было ниже пределов, установленных ст. 127 УК УССР, причем три человека приговорены к и.-т. работам. Такие же приговоры были вынесены по Одесской, Донецкой и ряду других областей.

С другой стороны, наблюдаются случаи осуждения по закону 22 августа к пяти годам и высшим срокам лишения свободы лиц, уличенных в единичных незначительных случаях спекуляции.

Так например Тифлисский объединенный народный суд приговорил к пяти годам лишения свободы служащего кооперации Констаньяна за продажу на рынке одной пары галош, несмотря на его утверждение, что в связи с тяжелым материальным положением (большая семья, низкий заработок и пр.) он вынужден был продавать принадлежащие ему вещи, в том числе и галоши.

Нарсудом 1 участка Ростовского р-на ИПО была осуждена за спекуляцию к пяти годам лишения свободы работница совхоза Федосеева, 57 лет, несмотря на то, что собственным при-

нением последней установлен был только единственный факт продажи ею на рынке 7 пачек махорки.

Особенно обращают на себя внимание случаи привлечения к уголовной ответственности и осуждения по закону о спекуляции мелких торговцев с рук галантереей, фруктами, сладостями и пр.

За нарушения правил торговли указанными товарами (как например за торговлю не в надлежащем месте, за несоблюдение санитарных правил) виновные подлежат ответственности по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Обращая внимание прокуроров союзных республик на необходимость усиления с их стороны надзора за правильным применением карательной политики по делам о спекуляции, предлагаю:

1. Не допускать привлечения к уголовной ответственности за спекуляцию мелких торговцев, предметами, торговля которыми разрешена, согласно инструкции НКФ Союза от 10 июня 1934 г. за № 343; в случаях же нарушения этими торговцами правил торговли, если за такое нарушение не предусмотрена ответственность в административном порядке, привлекать виновных по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. В случаях систематической спекуляции добиваться применения без всякого послабления мер наказания, установленных законом 22 августа 1932 г. и соответствующими статьями УК союзных республик.

3. Не привлекать к уголовной ответственности как за спекуляцию в случаях продажи на рынке трудящимся лично им принадлежащих предметов.

4. В тех случаях, когда обвиняемый изобличается в единичных, случайных спекулятивных действиях, преступление квалифицировать по аналогии по ст.ст. 16 и 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в исключительных случаях ставить вопрос о прекращении уголовного преследования по маловажности совершенного преступления.

О проведенных вами во исполнение настоящего циркуляра мероприятиях сообщите в еженедельный срок со дня его получения.

Зам. прокурора Союза ССР

Леплевский

10 июня 1935 г.
№ 49/8.

***

**ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО № 21
ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР
17 мая 1935 г.**

**О СУДЕБНОЙ РАБОТЕ В УБОРОЧНУЮ И
ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ
Верхсудам Союзных республик**

По сведениям, получаемым с мест, весенняя сельскохозяйственная кампания текущего года как по подготовке к севу, так и самому севу проходит в условиях громадного трудового подъема и значительно лучшей организованности, чем в прошлом году. Весна текущего года является новым этапом на пути дальнейшего ук-

репления колхозного строя и подъема зажиточности колхозников. В связи с этим на судебную систему ложится большая задача обеспечения шестой колхозной весны от посягательства остатков развитых классов, когда наступит время реализации урожая уборки и хлебосдачи. В этих целях Верхсуд Союза ССР считает своевременным напомнить верхсудам союзных республик опыт судебной практики прошлого года и заострить их внимание на извращениях и судебных ошибках, какие были допущены в осеннюю сельскохозяйственную кампанию прошлого года и повторяются в текущую весеннюю кампанию.

Почти во всех союзных республиках, в том числе в большинстве краев и областей РСФСР и УССР, уборка и хлебопоставки прошлого года выполнены своевременно при сравнительно с прошлым небольшим количестве осужденных. В тех же областях и краях (З.-сибирский край, Челябинская, Воронежская обл. и др.), где выполнение плана хлебопоставок прошло с большими напряжениями, были допущены массовые осуждения и грубейшие извращения революционной законности. Причина этого явления, вскрытия 49 пленумом Верхсуда СССР, лежит в том, что в указанных областях органы юстиции своевременно не подготовились к уборочной и хлебозаготовительной кампаниям, не проводили никакой оргмассовой работы и проглядели вредительскую работу кулаков и других классовых врагов, пытавшихся сорвать уборку и хлебопоставки, в частности путем распускания контрреволюционных слухов о предстоящем снижении норм сдачи и пр. Когда же в ходе уборки и хлебопоставок обнаружился кулацкий саботаж, судебные органы растерялись и при нанесении удара встали на путь массовой репрессии и грубейших извращений революционной законности.

Опыт судебной работы по хлебопоставкам прошлого года показал, какое огромное значение для успеха кампании имеет своевременная меткая и решительная судебная репрессия:

Судебная практика еще не освободилась от извращений и ошибок, которые отмечены в ряде директивных писем Верхсуда СССР и директивных постановлений пленумов Верхсуда СССР:

К этим извращениям относятся:

1. Применение уголовного репрессии за мелкие и бескорыстные поступки. Вопреки установкам нового сталинского устава с.-х. артели на суды продолжают принимать к производству и налагать уголовные наказания на колхозников «за мелкие и личтожные проступки, за бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за недоброкачественную работу и за другие нарушения трудовой дисциплины», за которые уставом предоставлено право налагать взыскания правлению колхоза (§17).

В судебной практике новый устав с.-х. артели не нашел еще отражения. Народные суды попрежнему механически принимают все, что к ним поступает от органов расследования, главным образом от милиции, не выделяют для организации показательных процессов дел большого общественного и политического значения и не отсеивают мелких дел, которые должны быть разрешены в дисциплинарном порядке

или в общественных и производственно-товарищеских судах. С такими методами судебной работы необходимо решительно покончить. Значительная доля вины за эти извращения ложится на главные и краевые (областные) суды, которые всю тяжесть судебной борьбы перелажают на народные суды. Верховодам необходимо добиться, чтобы главные и краевые (областные) суды в качестве судов первой инстанции сами включались в борьбу за уборку и хлебосдачу. Дела о наиболее крупных преступлениях, имеющих особенное значение для данного района (массовые падежи и абортирование жеребых маток, частые случаи отказа единоличников от хлебосдачи, саботирование использования с.-х. машин) должны рассматриваться на месте выездными сессиями главных и краевых (областных) судов, а в республиках без краевого (областного) деления — верховодов.

На основе нового устава в с.-х. артели необходимо добиться решительного прекращения применения судебной репрессии за мелкие хозяйственные и бескорыстные проступки. На эту сторону судебной работы верховодам необходимо обратить особенное внимание.

2. Массовое привлечение и осуждение колхозного актива. Сведения о количестве осужденных по делам, связанным с весенней сельскохозяйственной кампанией текущего года по РСФСР и УССР и об удельном весе среди осужденных председателей сельсоветов и колхозов, бригадиров, заведующих МТФ и пр. свидетельствуют о том, что и в этом вопросе в судебной практике нет перелома. С одной стороны, массовое осуждение колхозного актива связано с отмеченным механическим отношением нарсудов ко всякому обвинительному материалу, который поступает от органов расследования, а с другой — с нарушением директивных указаний 48 пленума Верховода СССР о порядке привлечения предколхозов к уголовной ответственности. В соответствии с директивным постановлением 50 пленума «О судебной репрессии в отношении должностных лиц на селе» верховоды должны добиться чуткого, внимательного и осторожного подхода судей к делам о колхозном активе. При рассмотрении таких дел суды должны дать оценку всей хозяйственной работе активиста, а не только тем ошибкам и проступкам, которые вменяются ему в вину.

3. Сведения, получаемые от республик, в частности из Азово-Черноморского, Северокавказского, Сталинградского краев, из УССР и БССР, говорят о том, что в деле борьбы за лошадей у судебных органов нет единой карательной политики, что в ряде случаев судебные органы недооценивают значения этой борьбы и подменяют ее механическим массовым осуждением и ничтожными наказаниями (на несколько месяцев и.-т. работ). Абортирование жеребых маток в результате хищнического отношения к лошади, а часто прямого вредительства продолжается в совершенно недопустимых размерах. В некоторых колхозных бригадах абортирование доходит до 50% маточного состава и больше. Не выясняя действительных причин массового абортирования, не доискивая настоящих виновников, часто, даже не заслушав заключения экспертов, судебные органы приговаривают малоответственных, случайных

и второстепенных лиц к 3, 4 и 6 месяцам и.-т. работ.

С другой стороны, наблюдается необоснованная мягкая репрессия к действительным и главным, злостным виновникам особенно из классово чуждых элементов; 2 ч. ст. 79⁴ УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик и в особенности закон 7 августа 1932 г. применяются как исключение. Сигнализации, как правило, не существует.

Необходимо немедленно добиться изменения этой практики, всемерно усилить внимание судов к выяснению действительных причин падежа или абортирования путем проведения более тщательного судебного следствия, в частности более частым обращением к экспертизе. Необходимо указать судебным органам на недопустимость распыления репрессии по мелочам вместо решительного, жесткого и меткого удара в порядке показательных процессов по немногим лицам, которых суд изболочит как настоящих, главных, виновников.

4. Выше уже было отмечено, что в ряде краев и областей, где в прошлую осеннюю кампанию не было проведено достаточной подготовки к уборке и хлебосдаче, судебные органы пытались наверстать свои упущения за счет грубейших нарушений процессуальных законов.

Практика прошлого года знает немало случаев, когда предварительное и судебное следствие с вынесением приговора проведено в один день; были дела, по которым вовсе не было предварительного следствия; приговоры приводились в исполнение до вступления в законную силу и т. д. По сведениям, полученным от Верховода РСФСР, эти извращения в ряде мест не изжиты и в текущую весеннюю кампанию. Проверка судебной практики за текущий год показала, что некоторые суды пошли еще дальше по пути упрощенства.

Так, некоторые народные суды Сталинградского края заводят одно дело на все преступления, совершенные в колхозе или совхозе разными лицами на протяжении нескольких месяцев. Единственной связью между этими преступлениями является лишь то, что они совершены в одном месте.

С нарушениями революционной законности нужно повести решительную борьбу. Судебные органы должны быть предупреждены, что всякое нарушение закона неизменно повлечет за собой дисциплинарные, а в некоторых случаях и уголовные наказания.

5. Практика прошлого года выявила ряд случаев (в особенности по Сибири), когда под влиянием кулацкой агитации о возможном пересмотре и снижении норм сдачи единоличники упорно уклонялись от хлебосдачи. Этот опыт необходимо учесть в текущем году. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3/III 1935 г. «Об обязательных поставках зерна, риса и подсолнухов государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1935 г.» оставляет нормы сдачи прошлого года, а по некоторым областям даже снижает и против прошлого года. К 15 апреля всем колхозам и единоличникам вручены обязательства по хлебосдаче, из которых видно, что обязательство выполняется с той посевной площади, которая предусмотрена планом. Не выполняются постав-

ки с посевов, произведенных сверх планов, но вместе с тем не допускается снижение сдачи из-за невыполнения плана сева.

В связи с этим как в подготовительной организационной работе, так и при проведении судебных процессов необходимо внедрять в сознание колхозников и единоличников, что постановление об обязательных поставках является твердым и незыблемым законом.

6. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля с. г. «О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС» среди причин неполного и неправильного использования комбайнов отмечаются искажения и прямые извращения установленной правительством системы зарплаты в зерносовхозах.

Необходимость усиленного внимания судебных органов к борьбе за правильное использование и бережное отношение к тракторам, автотранспорту и с.х. машинам, а также к преступлениям в области материально-бытового обслуживания рабочих совхозов, МТС и колхозных бригад отмечена в ряде директивных указаний Верховного Суда СССР (№ 6 от 4/II 1934 г., № 32 от 15/XI и в директивном постановлении 50 пленума).

В связи с указанным выше постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) этот вопрос приобретает особенное значение и к нему необходимо мобилизовать исключительное внимание.

7. Судебная борьба в прошлую кампанию в основном была сконцентрирована непосредственно на хлебосдаче. Борьба за своевременную прополку, борьба с потерями и с хищениями урожая на корню и во время уборки и обмола, а также при перевозках и хранении урожая в элеваторах в ряде мест выпала из внимания органов юстиции. Между тем уборка и в особенности хлебосдача и хранение хлеба в элеваторах в прошлом году сопровождались большим количеством хищений.

Западносибирский краевой суд счел даже необходимым вынести по этому вопросу сигнализирующее определение о том, что большое количество хищений из загопунктов и элеваторов связано с недостаточной бдительностью при комплектовании аппаратов этих пунктов. Однако в ряде мест борьба с хищениями из загопунктов свелась к привлечению и осуждению второстепенных работников, между тем как главные виновники, создавшие систему учета и хранения, способствующую хищениям, остались безнаказанными. Так, Челябинский облсуд по делу Фомина и др. осудил за хищения из элеватора 36 чел.; весовщиков, шоферов, выбойщиков и пр.; но никто из администрации элеватора, виновной в вопиющей бесхозяйственности, к ответственности не был привлечен.

В текущем году необходимо подготовить органы юстиции к борьбе как за своевременное проведение прополочных работ, так и со всякого рода хищениями урожая.

8. Верховный Суд СССР неоднократно отмечал большую эффективность правильно организованной работы сельских общественных и производственно-товарищеских судов в борьбе с мелкими проступками и нарушениями. Это подтверждается и практикой текущей весенней кампании. Однако, как правило, общественные и товарищеские суды бездействуют, в то время как народные суды загружены мелкими делами о

ничтожных проступках, связанных в основном с нарушениями труддисциплины. Попрежнему общественные и товарищеские суды беспризорны, никем не инструктируются и не контролируются. Это отмечено в информационных сводках Верховного Суда РСФСР и в материалах обследования Азово-Черноморского и Северокавказского краев, произведенного Прокуратурой Союза.

Верховный Суд Союза ССР считает, что от констатации этого совершенно нетерпимого явления пора перейти к решительным мерам для оживления работы общественных и товарищеских судов.

Председатель Верховного Суда Союза ССР
А. Винокуров.

**

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО № 22 ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР

21 мая 1935 г.

О РАЗВЕРТЫВАНИИ СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ РАБОТЫ ПО ШЕФСТВУ И СОЦСОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

Верхсудам Союзных республик

XVII съезд ВКП(б) в своей резолюции по организационным вопросам принял директиву о том, чтобы «развернуть и качественно поднять оправдавшее себя шефство предприятий над госучреждениями и социалистическое совместительство работы на производстве с работой в госучреждениях».

Несмотря однако на директиву съезда партии, судебные органы, по имеющимся данным, уделяют еще недостаточное внимание вопросам внедрения рабочего шефства и соцсовместительства в судебную систему. За исключением отдельных случаев судебные органы явно недооценивают значение шефства и соцсовместительства.

Верховный Суд СССР обращает внимание всех судебных органов на необходимость максимального усиления работы судебных органов в этой области и считает необходимым указать, что ответственность за должную организацию рабочего шефства и соцсовместительства в судебной системе ложится не только на общественные организации, но и на руководителей соответствующих судебных органов.

Верховный Суд СССР предлагает учесть в этой работе следующее:

1. Председатели верховных, главных, краевых и областных судов должны под их личную ответственность заняться вплотную вопросом организации рабочего шефства и соцсовместительства в судебной системе — осуществлять систематическое оперативное руководство и контроль за постановкой этого дела в своих периферийных органах.

2. Шефствующие предприятия, МТС и совхозы должны явиться основной базой, откуда судебные органы должны привлекать соцсовместителей. Однако это не исключает возможности привлечения в число соцсовместителей рабочих других предприятий, совхозов и МТС, а в сельских районах, в частности где отсутствуют фабрично-заводские предприятия, МТС и совхозы, в число соцсовместителей могут быть привлечены лучшие передовики — колхозники-ударники.

При этом необходимо обратить особенное внимание на то, чтобы в состав соцсовместителей вошли лучшие рабочие — кадровики-ударники и передовые колхозники, политически выдержанные, не допускающие включения в состав соцсовместителей случайных, ненадежных и колеблющихся элементов и проявляя максимальную бдительность в смысле недопущения в состав соцсовместителей классово чуждых и враждебных элементов, которые несомненно будут пытаться проникнуть в состав соцсовместителей.

Такая же классовая бдительность, должна быть проявлена и в отношении рабочих шефских бригад, выделенных фабриками, заводами, МТС и совхозами. Помимо этого судебные органы должны бороться с текучестью шефских бригад, добиваясь закрепления их на длительные сроки.

4. Особенное внимание необходимо обратить на создание подходящих условий для работы соцсовместителей и шефских бригад. Необходимо создать соответствующую обстановку постоянного внимания и заботливости к соцсовместителям и шефским бригадам, оказывая им всяческую помощь и содействие и беспощадно пресекая всякие попытки со стороны отдельных работников аппарата к командованию соцсовместителями и рабочими шефскими бригадами или их игнорированию.

Вместе с тем необходимо озаботиться созданием специальных кружков по овладению юрминимумом, организовав для этой цели специальные кружки.

Наряду с этим необходимо, чтобы руководящие судебные работники осуществляли постоянное руководство соцсовместителями и учили их непосредственно в процессе практической работы на деле, оперативно.

Необходимо также обеспечить соцсовместителей и шефбригады необходимой литературой (кодексы, другие законодательные материалы и пр.) и оказывать им возможную помощь по материально-бытовым вопросам (оплата средств передвижения, премирование лучших соцсовместителей и пр.).

6. Соцсовместители, допускаемые к исполнению обязанности судей, должны предварительно оформляться в порядке, установленном для лиц, назначаемых на должность судей. Как правило, эти товарищи должны предварительно пропускаться через соответствующие курсы подготовки.

7. Судебные органы должны поддерживать постоянную связь с шефствующими предприятиями, ставя на них свои доклады о работе соцсовместителей и шефских бригад и добиваясь в частности освобождения их от других общественных нагрузок.

Верхсуд РСФСР призывает все судебные органы подойти самым серьезным образом к вопросу о внедрении рабочего шефства и соцсовместительную в судебную систему, вовлекая шефские бригады и соцсовместителей в работу судебных органов по реализации директив партии и правительства по важнейшим хозяйственным мероприятиям.

Верхсуды союзных республик должны довести настоящее письмо до сведения всех своих периферийных органов, проработать его на производственных совещаниях судебных работников и к 1 августа с. г. сообщить в Верхсуд СССР о проведенных ими мероприятиях во исполнение настоящего директивного письма.

Председатель Верховного Суда Союза ССР

А. Винокуров

С В О Д К А

важнейших постановлений правительства Союза ССР за май 1935 г.

1. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об организации отдела землеустройства при Наркомземе СССР — пост. СНК СССР от 25/II 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 139).

2. О частичном изменении структуры центрального аппарата Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 176).

3. Об упразднении Комитета по топливу при Совете труда и обороны — пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 186).

4. О времени созыва заседаний и совещаний в народных комиссариатах — пост. СНК СССР от 22/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 187).

5. Об организации в системе Народного комиссариата лесной промышленности лесозаготовительного треста «Калининлес» — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 190).

6. Об упразднении института заместителей председателей районных исполнительных комитетов по заготовкам — пост. СНК СССР от 24/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 207).

7. Об образовании в УССР шести округов — пост. ЦИК СССР от 1/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 157).

8. О проведении конкурсов-соревнований советов в 1935 г. — пост. ЦИК СССР от 7/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 198).

9. О порядке разрешения съездов, конференций и совещаний — пост. СНК СССР от 15/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 26, ст. 209).

10. Об организации Главного управления новых лубяных культур при Народном комиссариате земледелия Союза ССР (СЗ 1935 г. № 26, ст. 212).

2. Военное и морское дело

11. О воспрещении денежных и натуральных выдач со стороны государственных органов и хозяйственных организаций частям и учреждениям РККА и НКВД в порядке шефства — пост. СНК СССР от 26/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 15, ст. 205).

3. Просвещение

12. О строительстве школ в городах — пост. СНК СССР от 22/II 1935 г. (СЗ 1935 г. № 20, ст. 162).

13. О дополнении постановления СНК СССР от 13/II 1935 г. «Об ученых степенях и званиях» (СЗ 1935 г. № 23, ст. 188).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

14. О списке строителей, генеральные планы и сметы которых подлежат утверждению Совета труда и обороны, — пост. СНК СССР от 22/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 152).

15. О порядке утверждения титульных списков строителей потребительской, промысловой, рыболовецкой и интегральной кооперации и кооперации инвалидов — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 175).

2. Промышленность

16. О порядке распределения местных строительных материалов — пост. СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 184).

17. О планировании производства швейной промышленности и обеспечении ее тканями для переработки — пост. СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 185).

3. Земля и сельское хозяйство

18. Об утверждении инструкции Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза СССР по проведению в жизнь постановления СНК Союза ССР «О единоличниках, работающих в совхозах» — пост. СНК СССР от 29/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 153).

19. О плане работ машинно-тракторных станций в колхозах в 1935 г. — пост. СНК СССР от 17/IV 1935 г. (СЗ № 22, ст. 169).

20. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Северному краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 193).

21. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Ленинградской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 192).

22. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Западной области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 193).

23. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Татарской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 194).

4. Транспорт

24. О расширении списка грузов общегосударственного значения, перевозимых речным транспортом, — пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 161).

25. Об освобождении железнодорожного транспорта Народного комиссариата пищевой промышленности от земельной ренты и налога со строений — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 177).

26. О порядке составления и утверждения месячных планов водных перевозок — пост. СНК СССР от 14/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 202).

27. Об установлении размера процентных начислений по претензиям и искам по перевозке грузов и багажа по железным дорогам — пост. СНК СССР от 5/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 203).

5. Связь

28. Устав о дисциплине работников связи Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 20, ст. 163).

III. ФИНАНСЫ

29. Об освобождении от налога со строений и земельной ренты домов-объектаций начальной ступени состава Рабоче-крестьянской Красной армии — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 144).

30. Об освобождении премий, выплачиваемых рабочим и служащим, от подоходного налога и от сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 170).

31. О выдаче в 1935 г. ссуд местным советам и колхозам из прироста вкладов в государственные трудовые сберегательные кассы — пост. СНК СССР от 11/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 173).

32. О налоге с оборота на продукцию лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности — пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 189).

33. О государственном внутреннем займе второй пятилетки (выпуск третьего года) — пост. ЦИК и СНК СССР от 4/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 24, ст. 195).

34. Об установлении процентных отчислений от налога с оборота в бюджет союзных республик на 1935 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 25/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 176).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

35. О контрактационном договоре по свекле — пост. СНК СССР от 28/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 17, ст. 127).

36. Постановление Народного комиссариата земледелия Союза ССР и Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР от 3 апреля 1935 г. о контрактации и мероприятиях по повышению урожайности горчицы, периллы, сои, кунжута, арахиса, мака пищевого, льна-кадриша и озимого рапса в 1935 г. (СЗ 1935 г. № 17, ст. 132).

37. О разрешении рыболовецким организациям интегральной кооперации продавать излишки рыбы по выполнении квартальных планов — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 142).

38. Об утверждении инструкции Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР о порядке проведения обязательной поставки картофеля государству из урожая 1935 г. — пост. СНК СССР от 30/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 158).

39. О дополнении к инструкции Народного комиссариата пищевой промышленности «О порядке проведения обязательных поставок мяса государству в 1935 г.» (СЗ 1935 г. № 19, ст. 159).

40. О государственном плане заготовок и плане внеобластных обязательных отгрузок овощей из урожая 1935 г. (пост. СНК СССР от 31/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 160).

41. Об упорядочении сбыта автомашин и доставки их покупателям — пост. СТО от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 21, ст. 167).

42. О мясopоставках — пост. СНК СССР от 20/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 22, ст. 171).

43. О порядке привлечения к мясopоставкам отдельных категорий хозяйств — пост. СНК СССР от 11/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 172).

44. О порядке оптового сбыта продукции широкого потребления, вырабатываемой местной промышленностью, — пост. СНК СССР от 28/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 204).

45. О поставках картофеля с приусадебных посевов — пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 26, ст. 211).

У. КООПЕРАЦИЯ

46. О пересмотре отпускных цен на изделия промышленной кооперации и кооперации инвалидов — пост. СНК СССР от 5/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 21, ст. 166).

УІ. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

47. Об оплате труда трактористов в хлопковых колхозах, обслуживаемых машинно-тракторными станциями — пост. СНК СССР от 25/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 17, ст. 133).

48. Об охране труда и технике безопасности в общих артельных мастерских промысловой кооперации — пост. ЦИК и СНК СССР от

17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 23, ст. 178).

49. О мероприятиях, предотвращающих образование задолженности по заработной плате учителям, — пост. СНК СССР от 4/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 201).

50. О порядке утверждения штатов и о контроле за соблюдением установленных штатов — пост. СНК СССР от 13/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 26, ст. 208).

УІІ. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

51. О мерах борьбы с хулиганством — пост. ЦИК и СНК СССР от 29/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 18, ст. 141).

52. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 155).

53. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей, карающей переплавку государственной разменной монеты и использование этой монеты для производственных целей, — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 19, ст. 156).

54. О воспрещении обращать взыскание по исполнительным документам на сумму не свыше 500 руб. на банковские счета организаций обобщественного сектора — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 25, ст. 197).

Приветствия, поступившие на имя т. Вышинского

ИЖЕВСК.

Первое республиканское совещание работников юстиции Удмуртии шлет вам пламенный большевистский привет и заверяет, что в борьбе за соблюдение социалистической законности и охраны социалистической (общественной) собственности, строжайшее соблюдение советских законов, охрану интересов трудящихся, проявляя особую заботу к кадрам, мы будем стойки и непримиримы, подвергая свою работу жесточайшей большевистской самокритике.

Под руководством ленинской партии и любимого вождя нашего товарища Сталина мы будем беспощадно подавлять остатки умирающих классов.

По поручению президиума

Красильников

ОДЕССА.

Областное совещание работников юстиции Одессщины посылает вам, руководство совет-

ской юстиции пламенный большевистский привет.

Мы, один из отрядов диктатуры пролетариата в борьбе за осуществление социалистической законности, за охрану и укрепление общественной собственности, под нашим руководством будем добиваться образцовых показателей положения передовых органов юстиции в деле осуществления задач, поставленных перед нами партией и указаниями вождя нашей партии т. Сталина.

Президиум совещания

ДНЕПРОСТРОЙ.

Первая конференция товарищеских судов Днепрострога шлет вам свой большевистский привет. Конференция заверяет вас, что будет в передовых рядах борцов построения бесклассового социалистического общества.

Президиум конференции

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Ответств. редактор А. Я. Вышинский

Адрес изд-ва: Москва, Красная пл., здание ЦИК,
пом. 28

Редколлегия: Г. М. Леплевский, А. А. Сольц,
В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников.

Рукопись поступила в из-во 20, 21 и 23 июня 1935 г. сдана в произв. 22 и 25 июня 1935 г.; подписана к печати 11 июля 1935 г.; 4 печ. л.; 9,2 авт. л.; в 1 бум. л. 225600 зн.; формат бум. 72 × 105. С—04п. № 390.

Техн. редактор Холмогорова

Уполном. Главлита Б—9630.

Заказ 862

Тираж 10 000

15-я типография О. Из треста «Полиграфкнига», Мал. Дмитровка, 18.

**Край (обл.) прокурорам и прокуратурам республик,
председателям краевых (областных) судов и председателям
главсудов**

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

В целях широкого обмена опытом практических работников суда и прокуратуры и в целях вовлечения в качестве новых авторских сил в работу Государственного издательства „Советское законодательство“ и журналов „За социалистическую законность“ и „Советская юстиция“. Государственное издательство „Советское законодательство“ совместно с Прокуратурой СССР и НКЮ РСФСР объявило конкурс на лучшую популярно-массовую брошюру, написанную практическими работниками суда, активом юстиции, членами товарищеских судов и сенций революционной законности на основе непосредственного опыта своей работы. Темы для конкурсных брошюр (очерков) и условия конкурса объявлены в журналах „Советская юстиция“ № 15 и 16 и „За социалистическую законность“ № 5.

Придавая большое значение успешному проведению этого конкурса, Наркомат юстиции РСФСР и Прокуратура СССР предлагают Вам лично проследить за развертыванием конкурса, обсудить вопрос о конкурсе на ближайших совещаниях работников суда и прокуратуры, а также актива юстиции, считая включение в конкурс одной из основных форм массовой работы на ближайшее время.

О ходе проведения конкурса сообщите краткой докладной запиской в НКЮ РСФСР и в Прокуратуру СССР к 15 августа с. г.

**Прокурор СССР
А. ВЫШИНСКИЙ**

**Нарком юстиции РСФСР
Н. КРЫЛЕНКО**

М 5063
ЦЕНА 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Печатаются и в ближайшее время поступят в продажу:

- Проф. СТРОГОВИЧ М. С. — **Уголовный процесс.** Учебник для правовых школ и юридических курсов. Издание второе, исправленное и дополненное.
- КИСЕЛЕВ Я. Л. и МАЛКИН С. Е. — **Сборник важнейших постановлений по труду.** Практическое пособие для заводских и местных комитетов, профактива и работников юстиции. Издание пятое, переработанное и дополненное до 1 апреля 1935 г.
- РОЗЕНБЛЮМ Е. Е., проф. СЕРДЮКОВ М. и СМОЛЬЯНИНОВ В. М. — **Судебно-медицинская экспертиза.** Руководство для работников суда, расследования и судебно-медицинской экспертизы.
- ВОЛКОВ Г. И. — **Преступление по советскому праву.** Под ред. Н. В. Крыленко. Учебное пособие для правовых вузов и юридических курсов.
- КЛЕЙНМАН А. Ф. — **Гражданский процесс.** Учебник для правовых школ и юридических курсов. Издание второе, исправленное и дополненное.
- ПАШУКАНИС Е. — **Очерки по международному праву.**
- ЧЕКМЕНЕВ В. П. — **Законодательство о труде педагогов.**
- ГЕРЦЕНЗОН А. А. — **Уголовная статистика.** Учебное пособие для правовых вузов и юридических курсов.
- «ЮРМИНИМУМ» (учебное пособие по юридическому минимуму). Под редакцией Н. В. Крыленко.
- Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда СССР. Под редакцией и с предисловием пред. Верховного суда СССР А. Н. Винокурова.
- Ипотариальные действия. — Практическое пособие для нотариальных работников. Издание второе, исправленное и дополненное.
- Проблемы уголовной политики. — Сборник научных трудов Института уголовной политики. Выпуск 1.
- Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С предисловием Н. В. Крыленко. С изменениями на 1 мая 1935 г.
- Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 мая 1935 г. Официальный текст с приложением постановочно-систематизированных материалов.
- Кодекс законов о браке, семье и опеке. С изменениями на 15 мая 1935 г. Официальный текст, с приложением постановочно-систематизированных материалов.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ, ОТДЕЛЕНИЯХ И КИОСКАХ КОГИЗа.

Почтовые заказы направлять без задатка во все областные (краевые) отделения КОГИЗа — „Книга-почтой“.

В Издательство никаких заказов НАПРАВЛЯТЬ НЕ СЛЕДУЕТ, так как оно высылки не производит.